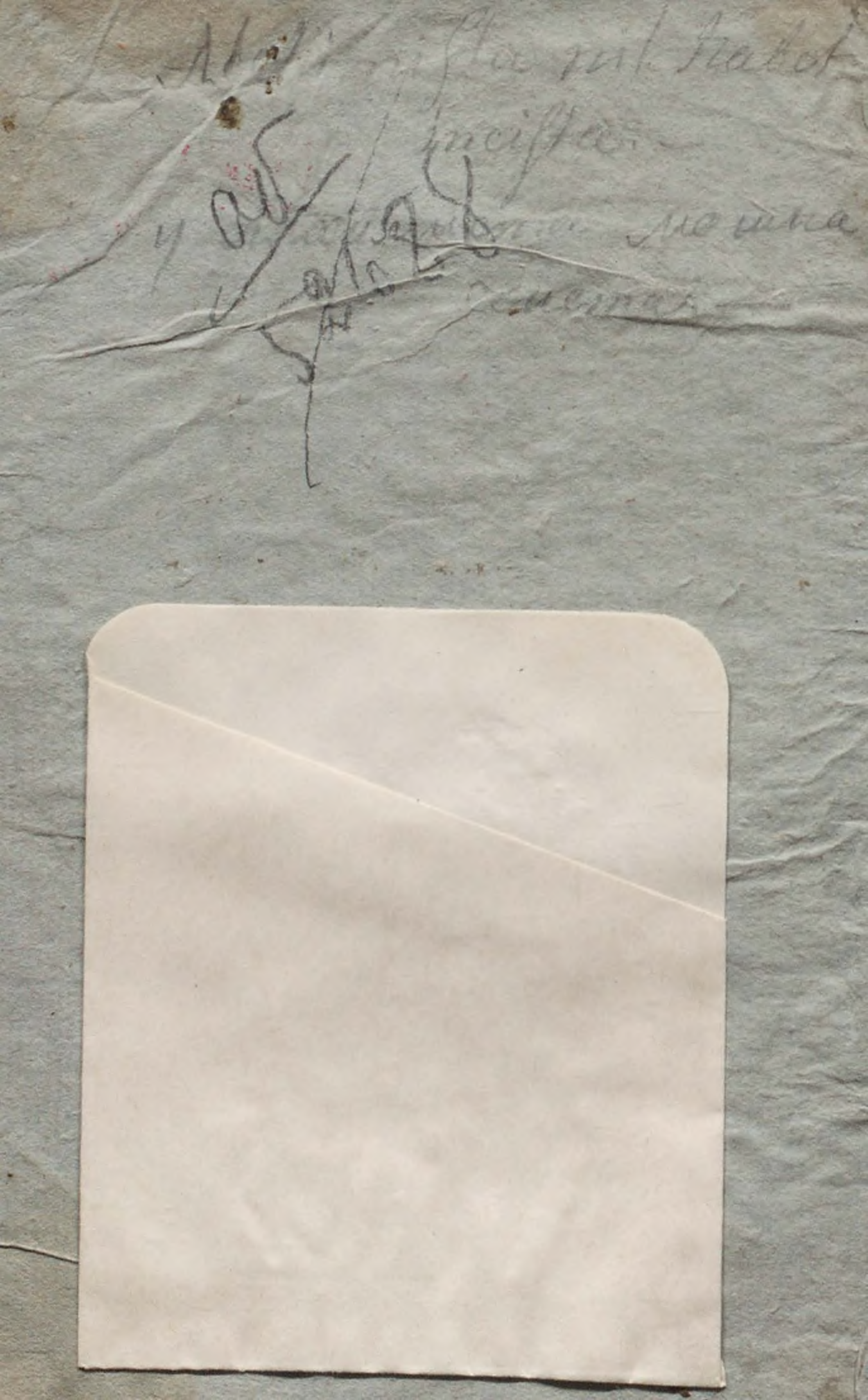


Изъ Вифанской библіотеки.
архим. д. иоанна Колоколова.
1819 года.

ОПЫТЪ
РИТОРИКИ.

ОПЫТЪ
РИТОРИКИ
СОЧИНЕННЫЙ
И
ПРЕПОДАВАЕМЫЙ

Въ Санктпетербургскомъ Горномъ

УЧИЛИЩѢ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Корпусѣ Чужестранныхъ Единовѣрцевъ.

1796 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРУ,

управляющему

КАБИНЕТОМЪ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

Колывановоскресенскими и Нерчинскими Горными заводами

и Горнымъ въ Санктпетербургѣ

училищемъ,

орденовъ

Св. Александра Невскаго, Св. Равноапостольнаго Князя Владимира первой степени и Св. Анны

КАВАЛЕРУ,

Милостивому Государю

ВАСИЛІЮ СТЕПАНОВИЧУ ПОПОВУ.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Заслужить одобренїе тѣхъ, которыхъ проницательный, здравый, опытный разумъ даетъ истинную цѣну всему, есть самая прїятная награда трудовъ. Но естьли сїе произведенїе слабыхъ моихъ способностей не можетъ достигнуть толь щастливой цѣли; по крайней мѣрѣ Ваше Превосходительство *дозволите ему имѣть честь, быть торжествен-*

нымъ памятникомъ глубочайшаго моего къ Особѣ Вашей почитанія и не премѣнной преданности.

Милостивый Государь!

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

1796 года
Генваря 1.

Всенижайшій слуга
Иванъ Рижскій.

ОПЫТЪ РИТОРИКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

§ 1.

Плѣнить воображеніе, убѣдить разумъ, и тронуть сердце другаго посредствомъ слова, есть то изящное искуство, которое называется краснорѣчіемъ, и составляетъ главный предмѣтъ Риторики. Иногда одна опытность доводитъ до нѣкоторой степени совершенства сего рода; и есть люди, которые при помощи отличныхъ дарованій, чувствительнаго сердца и навыка говорятъ весьма пріятно, вкрадчиво и даже сильно. Однако они не рѣдко бываютъ подвержены важнымъ погрѣшностямъ; они бываютъ то не достаточны, то излишни, то разсѣянны и не связны въ своихъ

Краснорѣчіе

мысляхъ; а всего чаще мнимую красоту почитаютъ за истинную, притворный блескъ за естественный. По сей причинѣ самая счастливая природа имѣетъ нужду въ руководствѣ науки, которая будучи основана на замѣчанïяхъ и опытахъ искуснѣйшихъ людей всѣхъ временъ, одна въ состоянïи образоватъ и усовершитъ способности и дарованïя, и довести до истиннаго краснорѣчïя.

Требуетъ природныхъ дарованiй и науки;

Сверьхъ того просвѣщенiя.

§ 2. При всемъ томъ не возможно заслужить вниманïя, кольми паче уваженïя слушателей такимъ словомъ, въ которомъ не видно обширнаго и основательнаго просвѣщенïя. Ораторъ есть прорицалище, отъ котораго всегда ожидаютъ чего нибудь новаго и рѣдкаго въ томъ родѣ, въ которомъ онъ говоритъ; поелику всѣ предполагаютъ, что кто принимаетъ на себя долгъ наставлять

другихъ, тому необходимо надобно имѣть отличныя предъ прочими знанія. Чемъ же онъ можетъ удовлетворить сему любопытству, сему предубѣжденію слушателей въ его пользу, естьли разумъ его не обогащенъ свойственными просвѣщенному человѣку познаніями? Но всего нужнѣе для него Философія и Исторія; первая наставляетъ его здраво судить, даетъ твердыя для сего основанія, обнаруживаетъ природу страстей и нравовъ, и такимъ образомъ открываетъ внутренность человѣческаго сердца; а вторая во всякомъ случаѣ снабдѣваетъ его нужными примѣрами.

Философія и Исторія преимущественно нужны Оратору.

§ 3. Вѣроятно, (хотя нѣкоторые утверждаютъ противное сему), что самыхъ первыхъ временъ Витіи старалися только объ украшеніи своей рѣчи, не отступая въ разположеніи содер-

Краснорѣчие раздѣляется на Прозаическое и Стихотворческое.

жащихся въ ней словъ отъ естественнаго и употребляемаго всѣми порядка. Я заключаю сїе изъ того, что природа всегда предшествуетъ искуству. Но послѣ, когда примѣтили, что прїятное слуху согласїе звуковъ имѣетъ великое дѣйствїе надъ нашимъ сердцемъ; и когда нашли, что оно можетъ быть нѣкоторымъ образомъ введено и въ человѣческое слово: то иные на сей конецъ сверьхъ украшенїй стали наблюдать еще въ своихъ рѣчахъ число и мѣру звуковъ. Отъ сего произошли два извѣстные рода краснорѣчїя; одно Прозаическое, или просто называемое Прозою, а другое Стихотворческое, иначе называемое просто Стихами.

Онѣ по большой части различны между собою.

§ 4. Изъ сего видно, что и Прозаикъ, и Стихотворецъ имѣютъ одинъ главный предмѣтъ, то есть, плѣнить другаго кра-

сотою и пріятностію своего слова: однако какъ тотъ, такъ и другой достигаютъ до сего разными, такъ сказать, путями. Первый употребляетъ столько искуства, чтобы при всѣхъ украшеніяхъ не удалиться чрезвычайно отъ естественной и обыкновенной въ общежитіи рѣчи; а второй, не уважая сего, изтощаетъ все то, чемъ только можетъ привести въ восторгъ, и по большой части говоритъ болѣе воображенію, нежели разуму. И такъ хотя есть нѣкоторыя совершенства слова, которыя украшаютъ какъ Прозу, такъ и Стихи; однако каждое изъ сихъ двухъ родовъ красноречія имѣетъ свои собственныя красоты.

§ 5. По сему наука краснорѣчія раздѣляется на Риторику и Поезію. Риторика, показавши общія Прозаическаго и Стихотвор- Прозаическому краснорѣчію учитъ Риторика, а Сти-

хотворческому Поэзія.

ческаго краснорѣчія правила, особенно наставляетъ первому; а Поезія занимается единственно тѣмъ, что касается до Стихотворенія.

Общія совершенства обоего краснорѣчія.

§ 6. Между тѣмъ какъ въ Прозѣ, такъ и въ Стихахъ красоты слова, которыми плѣняется благоразсудительный читатель, частію произходятъ отъ выраженій, частію зависятъ отъ мыслей, частію наконецъ отъ порядочной и твердой ихъ между собою связи. Сверьхъ того всякое сочиненіе должно имѣть еще такія совершенства, которыя ни выраженіямъ, ни мыслямъ, ни взаимной ихъ связности единственно приписать не можно; и которыя слѣдственно относятся до всѣхъ вообще сихъ качествъ сочиненія.

Содержаніе и расположеніе Риторики.

§ 7. По сей причинѣ Риторика разположена здѣсь такимъ образомъ, что вопервыхъ показаны

совершенства слова, произходящія отъ выраженій, или правила украшенія; потомъ предложено о качествахъ мыслей, или о изобрѣтеніи; послѣ сего о связи мыслей, или о разположеніи, и о различныхъ родахъ Прозаическихъ сочиненій; наконецъ о тѣхъ качествахъ слова, которыя произходятъ вообще и отъ выраженій, и отъ мыслей, и отъ взаимной ихъ связи, или о слогѣ.

Въ другихъ Риторикахъ обыкновенно правила изобрѣтенія составляютъ первую часть, на томъ основаніи, что сочинитель прежде всего долженъ изобрѣтать. Но я зная изъ опытовъ, сколь темны и затруднительны вступающимъ въ науку краснорѣчія кажутся сіи правила, требующія не только нѣкотораго уже навыка, но и нарочитаго свѣденія Философіи; а съ другой стороны применяяся къ общему почти въ Россійскихъ училищахъ обыкновенію, занимать учащихся послѣ Грамматики

не посредственно Риторикою: старался предложить сперва такія правила, которыя будучи легче прочихъ, сверьхъ того ближе всѣхъ другихъ къ правиламъ Грамматическимъ.

Подобнымъ образомъ большая часть Риторовъ говорятъ о слогѣ въ той части Риторики, въ которой они предлагаютъ объ украшеніи; но я утверждаяся на ихъ собственныхъ изъясненіяхъ, изъ которыхъ видно, что не одно украшеніе, но также качества мыслей и разположеніе оныхъ составляютъ то, что мы вообще называемъ слогомъ; предлагаю о немъ въ особливой части, изъяснивъ въ предъидущихъ частяхъ все то, что нужно знать напередъ для снисканія достаточнаго о немъ понятія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О совершенствахъ слова, которыя произходятъ отъ выраженій, или объ украшеніи.

§ 8. Чистота языка, пристойность и точность словъ, частію ясность сочиненія, плавность онаго, или теченіе слова, наконецъ благоразумное употребленіе общихъ украшеній, суть тѣ совершенства слова, которыя произходятъ почти единственно отъ выраженій.

Совершенства слова, произходящія отъ выраженій.

§ 9. Я почитаю за излишнее говорить здѣсь о томъ, что всякой сочинитель долженъ основательно знать отечественный свой языкъ; что знаніе Грамматики, чтеніе лучшихъ Славянскихъ и Россійскихъ, особливо вышедшихъ уже въ позднѣйшія

О чистотѣ языка.

времена книгъ, и обращенїе съ просвѣщенными въ словесности людьми служатъ единственными къ тому средствами; и что наконецъ въ случаѣ сомнѣнїя о чистотѣ какого нибудь слова или выраженїя надежнѣйшимъ пособїемъ можетъ быть ИМПЕРАТОРСКОЙ Россїйской Академїи словарь Россїйскаго языка. Впрочемъ достаточно знающїй свой языкъ Россїанинъ вездѣ сохранитъ его чистоту; онъ почитаетъ за погрѣшность употребить въ своемъ сочиненїи иностранное слово, изключая однако искуственныя; напротивъ того всякую мысль выражаетъ не только природнымъ Россїйскимъ, но еще такимъ словомъ, которое принято, одобрено и употребляемо всѣми, и потому вразумительно всякому просвѣщенному его соотечественнику; а въ разсужденїи новоизобрѣтенныхъ словъ онъ строго наблюдаетъ, чтобъ онѣ сверьхъ вразумительности выражали такое понятїе, для означенїя котораго

нѣтъ въ нашемъ языкѣ другаго слова, и слѣдовательно чтобъ онѣ были изъ числа тѣхъ, которыя изобрѣтены для обогащенія Россійскаго языка, какъ на примѣръ, оплодотворить. Сверьхъ сего онъ употребивши чистое Славянское, или Славянороссійское, но въ Славянскомъ окончаніи слово, никогда не поставитъ тотчасъ послѣ него чистаго Россійскаго, но всегда Славяноросссійское, которое въ семъ случаѣ служитъ нѣкоторою степенію прехожденія отъ одного языка къ другому; кольми паче не употребитъ словосочиненія противнаго Россійской Грамматикѣ, или выраженія, взятаго изъ какого нибудь иностраннаго языка, которое ему одному только свойственно, на примѣръ: онъ не могъ, какъ только сожалѣть.

О пристойности словъ и выраженій.

§ 10. Впрочемъ говорить и писать исправно, то есть, чисто поросійски, есть долгъ всякаго благовоспитаннаго Россіанина; но сочинитель съ сей стороны обязанъ еще болѣе; онъ долженъ

сверьхъ того наблюдать еще, чтобы каждое употребленное имъ слово, каждое выраженіе не было ни выше, ни ниже изображаемой имъ мысли, и совершенно отвѣтствовало какъ роду, такъ и содержанію сочиненія. Поелику каждый почти родъ сочиненія имѣетъ, такъ сказать, свой собственный языкъ. По сей причинѣ чистыя Славянскія и Славяноросcійскія слова имѣютъ мѣсто въ однѣхъ только высокаго рода твореніяхъ; напротивъ сего чистыя Россійскія свойственны такимъ сочиненіямъ, которыя по содержанію своему близки къ обыкновеннымъ въ общежитіи разговорамъ; такъ что тѣмъ красивѣе въ нихъ бываютъ выраженія, употребляемыя въ повседневномъ обращеніи, чемъ простѣе будетъ сочиненіе.

О точности словъ и выраженій.

§ 11. Сверьхъ сего естьли Ораторъ хочетъ произвести въ другихъ тѣ самыя понятія, которыя онъ намѣренъ имъ преподать; естьли хочетъ, чтобы мысль, такъ сказать, переливаяся изъ его ума

въ умъ читателя ни мало не потеряла того совершенства, какое она имѣетъ: то первое въ семъ случаѣ его старанїе должно быть о точности словъ. На сей конецъ онъ какъ бы взвѣшиваетъ употребляемыя имъ выраженїя, и выбираетъ изъ нихъ такїя, которыя совершенно, то есть, ни увеличивая, ни уменьшая, изображаютъ намѣреваемую имъ мысль, кольми паче не означаютъ вмѣсто ея другой, которая съ нею сходна. Для сего онъ старается прiобрѣсти достаточное свѣденїе въ словопроизводствѣ, и притомъ твердо помнитъ, что нѣтъ словъ совершенно единозначащихъ: поелику тѣ, которыя кажутся намъ такими, означаютъ только весьма сходныя между собою вещи; или означая одну, тѣмъ между собою различны, что одно изъ нихъ сильнѣе и выразительнѣе изображаетъ оную, нежели другое. Примѣръ сего можно видѣть въ Собесѣдникѣ любителей Россїйскаго слова. Част. I. стр. 220. — 234.

О ясности сочиненія, зависящей отъ словъ и выраженій.

§ 12. Сія необходимая въ сочинителѣ разборчивость словъ и выраженій между прочимъ весьма много служитъ къ тому, чтобы другіе безъ всякаго затрудненія понимали его. Сверьхъ сего благоразумный писатель зная, что ясность сочиненія зависитъ хотя большею частію отъ качествъ мыслей, о чемъ предложено будетъ въ своемъ мѣстѣ, но не мало также и отъ словъ, употребляетъ каждое изъ нихъ въ естественномъ и вразумительномъ всякому знаменованіи; убѣгаетъ сомнительнаго и двусмысленнаго ихъ сочиненія по правиламъ Грамматики, на примѣръ: затмѣніе планетъ производитъ ихъ кругообращеніе; нигдѣ не опускаетъ надлежащихъ знаковъ раздѣленія; остерегается отъ такихъ большихъ предложеній, или Грамматическихъ смысловъ, что слушатели, или читатели, которые обыкновенно слѣдуютъ своимъ вниманіемъ за его словомъ, не могутъ все то, что въ оныхъ содержится, во-

образитъ себѣ въ связи; но еще съ большею строгостію наблюдаетъ онъ сіе правило въ разсужденіи тѣхъ предложеній, которыя, имѣя связь съ однѣмъ только словомъ, поставляются по большой части въ срединѣ другаго смысла, или между вмѣстительными; притомъ сего рода предложенія всегда у него тотчасъ слѣдуютъ за тою мыслію, съ которою онѣ имѣютъ явную связь; и сіе для того, чтобы не можно было ихъ отнести къ другой какой нибудь, какъ на примѣръ, въ слѣдующемъ періодѣ: пороки и нещастія, которыя справедливо можно назвать душевною язвою, суть необходимые спутники нашей жизни. Здѣсь находящееся въ срединѣ главнаго смысла предложеніе относится къ порокамъ, но слѣдуя за словомъ, нещастія, удобно, однако не справедливо можетъ быть связано съ нимъ. Наконецъ главное совершенство сихъ предложеній состоитъ въ томъ, чтобъ онѣ имѣя Грамматическую связь съ однѣмъ только словомъ, отно-

силися впрочемъ ко всѣмъ, находящимся въ томъ же предложенїи мыслямъ. На примѣръ: человѣкъ, сїе живое изображенїе Творца, есть превосходнѣйшее на землѣ существо. Напротивъ сего крайне грубая была бы сдѣлана въ разсужденїи сего рода предложенїй ошибка, естьли бы сказано было такъ: человѣкъ, сїе игралище страстей и нещастїй, есть превосходнѣйшее на землѣ существо.

О плавности сочиненїя, или теченїи слова.

§ 13. Напослѣдокъ искусный Витїя не опускаетъ изъ виду и того, что называется плавностїю сочиненїя, или теченїемъ слова, то есть, чтобы рѣчь его была прїятна слуху и не затруднительна вниманїю слушателя его. Для сего онъ старается о томъ, чтобы звуки, которые составляютъ ее, имѣли приличное свободной и естественной рѣчи согласїе; и разстановляетъ въ ней не только слова, но и самыя предложенїя такъ, чтобы другїе безъ труда могли слѣдовать за нимъ своими

мыслями. Онъ входитъ даже въ самыя буквы и слоги; остерегается стеченія въ одномъ мѣстѣ многихъ согласныхъ, или гласныхъ буквъ, на примѣръ, приношеніе жертвъ въ страхѣ; или, знаніе Философіи и Исторіи; такъ же, и иго горести; по сей причинѣ въ предлогахъ, оканчивающихся безгласною буквою ъ, часто перемѣняетъ ее на о въ томъ случаѣ, когда слѣдующее послѣ него слово начинается съ нѣсколькихъ согласныхъ, на примѣръ, во страхѣ; особливо когда первая изъ нихъ будетъ та самая, которою предлогъ кончится, на примѣръ, ко краснорѣчію. Равнымъ образомъ онъ удаляется стеченія такихъ словъ, которыя или начинаются, или оканчиваются одними слогами, какъ на примѣръ, производитъ пріятную пряность; или, отъ разпутства не обузданнаго и чрезвычайнаго его жизнь совершенно разстроилась; также и такихъ, которыя содержа въ себѣ нѣсколько стопъ дѣлаютъ стихъ, на примѣръ: въ одинъ прекрасный лѣтній

— Въ разсужденіи буквъ и слоговъ.

день. Но Стихотворецъ еще далѣе простираетъ искуство сего рода; онъ старается, гдѣ возможно, выразить мысли такими словами, которыя своимъ звукомъ изображаютъ свойство означаемыхъ ими вещей. На примѣръ:

Урча и клокоча со щоглой погло-
щаютъ.

Или:

И устремлялся громъ на громъ.

О плавности предложенiй.

§ 14. Искусный Прозаикъ немало также занимается разстановленiемъ содержащихся въ каждомъ предложенiи словъ; поелику онъ знаетъ изъ опыта, что размѣщенiе оныхъ весьма много или облегчаетъ, или затрудняетъ вниманiе читателя, кольми паче слушателя. Впрочемъ древнiе Прозаическiе писатели въ разсужденiи сего наблюдали такой порядокъ, что всегда полагали напереди важнѣйшую мысль, и каждое предложенiе начинали тою изъ нихъ, которая болѣе всѣхъ другихъ привлекаетъ къ себѣ вниманiе. Такъ на примѣръ Ливiй, говоря о томъ, что случившееся въ Сци-

піоновомъ войскѣ возмущеніе безпокоило сего полководца, прежде всего говоритъ о самомъ Сципіонѣ, потомъ о неопытности его въ такихъ случаяхъ, послѣ того о его безпокойствѣ, и наконецъ уже о возмущеніи, которое было причиною сего безпокойства. Вотъ его слова: Сципіона, который къ войнамъ привыкъ, но въ случаѣ бури возмущеній былъ не знающъ, безпокоило сіе. *Scipionem, bellis adsvetum, ad seditionum procellas rudem, sollicitum habuit res. Lib. XXVIII. cap.* 25. Такое расположеніе словъ въ Ливіевомъ періодѣ основано на томъ, что поелику читатель его уже знаетъ о семъ возмущеніи, равно и о томъ, что оно произошло въ Сципіоновомъ войскѣ, то весьма жадно и всего болѣе любопытствуетъ видѣть въ семъ происшествіи Сципіона, потомъ обращаетъ свое вниманіе на его въ семъ случаѣ состояніе мыслей, а наконецъ уже хочетъ знать то, что съ нимъ тогда произошло. Напротивъ сего писатель нашихъ временъ безъ сомнѣнія разположилъ бы сіе предложеніе та-

кимъ образомъ: сїе безпокоило Сципїона, который привыкъ къ войнамъ, но былъ не знающъ въ случаѣ бури возмущенїй. Поелику современные намъ Прозаическїе писатели каждое слово по большой части полагаютъ тотчасъ за тѣмъ, отъ котораго оно по связи мыслей и по правиламъ Грамматики зависитъ; такъ что они обыкновенно вопервыхъ указуютъ на ту вещь, о которой идетъ слово, соединяя съ нею относящїяся собственно къ ней понятїя; потомъ говорятъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя, судя по естественному теченїю дѣлъ, должны быть прежде того, что они намѣрены о ней сказать; наконецъ показываютъ ея дѣйствїе, или страданїе, изчисляя соединенныя съ онымъ обстоятельства, какъ на примѣръ время, мѣсто, причину, и прочая, говоря однако прежде о тѣхъ, которыя болѣе къ нему имѣютъ отношенїя. Вотъ нѣсколько предложенїй, въ которыхъ слова расположены такимъ образомъ. Уже прекрасное свѣтило

дня, шествуя во слѣдъ багряныя денницы, озаряетъ возстающую отъ сладкаго сна вселенную животворными своими лучами; и уже хоры нѣжныхъ птицъ приносятъ должную жертву сему царю природы согласнымъ пѣнїемъ; пестрѣющїеся въ поляхъ цвѣты своимъ благоуханїемъ; спокойныя воды своимъ изпаренїемъ. Желательно, чтобы сїи, основанныя на естественномъ порядкѣ размышленїя, и наблюдаемыя въ извѣстнѣйшихъ нынѣшнихъ языкахъ правила приняты были и у насъ. Однако въ вопросительныхъ предложенїяхъ мы, послѣдуя древнимъ, всегда полагаемъ напереди то слово, которое или по своему знаменованїю имѣетъ силу вопроса, или требуетъ послѣ себя вопросительнаго союза. На примѣръ: доколѣ будемъ сносить сїи огорченїя? или: прилично ли вамъ заниматься такими упражненїями?

§ 15. Сверьхъ сего какъ Прозаикъ, такъ и Стихотворецъ въ разположенїи такихъ словъ, подъ которыми содержащїяся понятїя

О томъ же.

или одно важнѣе другаго, или имѣютъ естественную между собою связь, всегда постепенно возвышаются. На примѣръ: юность разпутствами, мужество трудами, старость болѣзнями безпрестанно изнуряютъ наши силы. Равнымъ образомъ въ разсужденїи словъ, означающихъ противныя между собою понятїя, строго наблюдаютъ, чтобъ онѣ соотвѣтствовали себѣ взаимно числомъ, порядкомъ, и даже падежами. На примѣръ: когда склонность къ бережливости и простотѣ замѣнитъ нашъ вкусъ къ разточительности и пышности. При семъ достойно замѣчанїя и то, что лучшїе наши Прозаики по большой части, и всегда съ особливою нѣкоторою красотою полагаютъ имена прилагательныя и причастїя съ зависящими отъ нихъ падежами напереди существительныхъ. Наконецъ стеченїе многихъ словъ односложныхъ есть такая въ разстановленїи оныхъ погрѣшность, которая весьма противна разборчивому слуху,

и которой однако писатели часто отъ неосмотрительности бывают подвержены. На примѣръ: сонъ насъ всѣхъ вдругъ объялъ. Но нѣтъ ничего скучнѣе, какъ частое повторенїе одного слова по причинѣ мнимой въ томъ необходимости. На примѣръ: какъ скоро храбрый полководецъ явился предъ своимъ войскомъ; то все войско почувствовало въ себѣ новую храбрость, взирая на храбраго своего полководца. Опытные писатели въ такомъ случаѣ вмѣсто того, чтобы повторять одно слово, или подразумѣваютъ его, или употребляютъ на мѣсто его другое подобнозначащее слово, или мѣстоименїе; такъ на примѣръ въ предъидущихъ предложенїяхъ можно выразить тѣже самыя мысли такимъ образомъ: какъ скоро храбрый полководецъ явился предъ своимъ войскомъ; то всѣ почувствовали въ себѣ новую бодрость духа, взирая на мужественнаго своего военачальника.

О плавности періодовъ.

§ 16. Поелику періоды большею частію состоятъ изъ нѣсколькихъ предложеній, которыя будучи связаны приличными союзами заключаютъ въ себѣ полную рѣчь, и всѣ клонятся къ одному главному содержанію оной: то плавность цѣлаго періода безъ сомнѣнія зависитъ отъ разположенія въ немъ предложеній; а самое лучшее ихъ разположеніе есть то, когда онѣ связаны такимъ образомъ, что ни мало не затрудняютъ вниманія читателя, и составляютъ непрерывное теченіе одной рѣчи. На сей конецъ просвѣщенный писатель въ разположеніи составляющихъ періодъ предложеній неотступно слѣдуетъ или естественной ихъ связи, или правиламъ здраваго размышленія; такъ что онъ начавши свою рѣчь тѣмъ, что въ природѣ, или въ связи разсужденія обыкновенно бываетъ прежде, продолжаетъ ее далѣе тѣмъ же самымъ порядкомъ. Извѣстное Юлія Цесаря письмо къ Римскому Сенату, состоя-

щее изъ сихъ трехъ весьма краткихъ предложенїй: я пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ: очевидно разположено сообразно природѣ: поелику естественное теченїе дѣлъ требовало, чтобы Цесарь сперва прибылъ къ непрїятелю, потомъ его увидѣлъ, и наконецъ уже его побѣдилъ. Теперь разсмотримъ такой перїодъ, въ которомъ предложенїя разположены на основанїи размышленїя. Сагунтяне, которыхъ городъ былъ раззоренъ Аннибаломъ за вѣрность ихъ къ Римлянамъ, и опять выстроенъ сими послѣдними, такъ говорятъ въ Римскомъ Сенатѣ. Хотя нѣтъ большаго нещастїя, какъ то, которое мы претерпѣли, дабы сколько возможно доказать вамъ свою вѣрность: однако оказанныя намъ вами и вашими полководцами благодѣянїя столько велики, что мы болѣе не сожалѣемъ о своихъ бѣдствїяхъ. Они здѣсь говорятъ вопервыхъ о претерпѣнныхъ ими нещастїяхъ, а потомъ о доказанной ими вѣрности, которую сохранить, было въ семъ случаѣ единственнымъ ихъ намѣренїемъ: и сїе неоспоримо для

того, что дѣйствіе всегда бываетъ прежде, нежели исполняется предполагаемое въ немъ намѣреніе. Далѣе они говорятъ о благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ Римлянами; и также безъ сомнѣнія для того, что претерпѣнное ими нещастіе было поводомъ къ оказанію имъ оныхъ благодѣяній. Наконецъ не прежде, какъ сказавши уже о благодѣяніяхъ, предлагаютъ о томъ, что они не сожалѣютъ о своихъ бѣдствіяхъ; потому что они не прежде стали равнодушными, какъ послѣ оказанныхъ уже имъ благодѣяній.

О томъ же.

§ 17. Равнымъ образомъ когда составляющія періодъ предложенія будутъ одно важнѣе другаго; то плавность періода весьма много зависитъ отъ того, естьли онѣ постепенно возвышаются. На примѣръ: посадить въ оковы Римскаго гражданина есть преступленіе; наказывать тѣлесно, злодѣяніе; умертвить, почти тоже, что отцеубійство; какъ же назвать то, когда пригвождаютъ его ко кресту? Или: они негодуютъ на то, что вы дышете,

что вы говорите, что вы имѣете образъ человѣческій. Искусный писатель также полагаетъ себѣ за правило, чтобы такія въ періодѣ предложенія, въ которыхъ онъ сличаетъ или сходныя, или противныя между собою вещи, соотвѣтствовали одно другому разположенїемъ заключающихся въ нихъ мыслей. На примѣръ: просвѣщенный человѣкъ столько свѣдущъ о прошедшемъ, что какъ бы начало его жизни было современно самому міру; а невѣжда столько ограниченъ въ настоящемъ, что какъ бы прошедшая минута была началомъ его бытія: первой устремляется умомъ своимъ въ предѣлы небесные; а другой не мыслилъ еще обратить его на себя самаго: первой знаетъ свои должности, и чувствуетъ свои добродѣтели и пороки; а другой слѣдуетъ своему навыку, и не видитъ ни добра, ни зла, которое онъ дѣлаетъ: первой въ самыхъ слабостяхъ оказываетъ себя съ нѣкоторой стороны человѣкомъ; а другой въ самомъ добронравіи имѣетъ нѣ-

что зверское. Впрочемъ сколько ни прiятны воображенiю такiя предложенiя, въ которыхъ сходство въ разсужденiи разположенiя словъ весьма примѣтно; однако частымъ и продолжительнымъ ихъ употребленiемъ можемъ наконецъ наскучить своему читателю.

О томъ же. § 18. Плавность перiода зависитъ еще отъ того, когда въ немъ, сколько ни перемѣняются дѣйствiя и страданiя, но почти всѣ относятся къ одному лицу, или къ одной вещи; и такимъ образомъ всѣ составляющiя его предложенiя дѣлаютъ въ умѣ читателя впечатлѣнiе объ одномъ предметѣ. Напротивъ сего нѣтъ ничего противнѣе и затруднительнѣе вниманiю, какъ такой перiодъ, въ которомъ почти столько же будетъ предмѣтовъ слова, сколько предложенiй. На примѣръ: пусть другiе мыслятъ различно; но когда онъ такъ думаетъ, то и я последую его мнѣнiю; потому что мы, какъ вы сами знаете, всегда были единодушны. Читая, или слушая та-

кой перïодъ, при перемѣнѣ въ каждомъ предложенïи дѣйствующаго лица должно, такъ сказать, перемѣнять свое вниманïе. Но еще болѣе огорчается разсудокъ читателя, когда въ одномъ перïодѣ предлагается о многихъ такихъ вещахъ, которыя по причинѣ весьма слабой ихъ между собою связи гораздо приличнѣе могутъ быть содержанïемъ двухъ, или трехъ перïодовъ. На примѣръ: Китайцы, сосѣди грубыхъ Татаръ, раздѣляющихся на весьма многïя поколѣнïя, уже съ давныхъ временъ составляютъ просвѣщенный народъ; не взирая на то, что они еще не давно узнали Европейцевъ, которые охотно оставляютъ свое отечество, когда собственная ихъ польза требуетъ того. Какую здѣсь имѣетъ связь съ просвѣщенïемъ Китайцевъ раздѣленïе Татаръ на многïе роды; и то равнодушïе Европейцевъ, съ какимъ они оставляютъ свое отечество въ случаѣ ожидаемой ими пользы?

§ 19. Сверьхъ сего крайне нужно еще замѣтить, что въ та- *О томъ же.*

комъ перїодѣ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ предложенїй, первыя изъ нихъ большею частїю, не касаяся главнаго содержанїя всей рѣчи, служатъ только какъ бы введенїемъ; такъ что просвѣщенный читатель, судя по предъидущимъ смысламъ, предвидитъ не только то, что должны въ себѣ заключать слѣдующїе изъ нихъ, но даже и то, чемъ долженъ кончиться весь перїодъ. Почему онъ огорчается, когда обманываютъ въ семъ случаѣ его справедливое ожиданїе, и когда перїодъ или не доведенъ, или продолженъ далѣе того мѣста, которымъ должно было его окончить. На примѣръ: страсти и разумъ въ безпрестанной борьбѣ; и первыя тѣмъ побѣдоноснѣе, что мы сами по большой части бываемъ съ ними согласны; а другой тѣмъ безсильнѣе, что онъ часто находитъ въ насъ опасныхъ себѣ враговъ, дерзновенно презирающихъ спасительныя его внушенїя противъ оныхъ нарушительницъ нашего спокойствїя. Разсудительный читатель

изъ двухъ первыхъ предложенїй заключаетъ, и потому ожидалъ, что весь перїодъ кончится сими словами: находитъ въ насъ опасныхъ себѣ враговъ: и такъ не можетъ быть ему прїятно то, что мы еще далѣе продолжаемъ свою рѣчь, не предуготовивши его къ тому прежде. Въ заключенїе всего должно еще сказать, что взаимная соразмѣрность находящихся въ перїодѣ предложенїй составляетъ также одно изъ тѣхъ совершенствъ, которыя дѣлаютъ его плавнымъ. Съ другой стороны не доволенъ бываетъ читатель, когда видитъ чрезмѣрную о томъ рачительность писателя: поелику весьма примѣтное искуство бываетъ болѣе противно, нежели прїятно.

Какъ можно навыкнуть плавности сочиненія?

§ 20. Теперь въ разсужденїи плавности сочиненїя остается мнѣ упомянуть только о томъ, что для удобнѣйшаго наблюденїя всѣхъ показанныхъ правилъ должно старатся заблаговременно приучить свой слухъ и разсудокъ чувствовать прїятность сего рода.

А на сей конецъ необходимо нужно читать сочиненія лучшихъ Прозаическихъ писателей, и внимательно замѣчать въ нихъ искуство и рачительность въ наблюденіи пріятнаго согласія звуковъ и плавнаго порядка словъ и цѣлыхъ смысловъ. Но всего лучше взявши одинъ, или нѣсколько изъ какого нибудь превосходнаго сочинителя періодовъ, разстановить въ нихъ совсемъ иначе тѣже самыя слова и предложенія. Чрезъ то обнаружится, въ чемъ у него состояло теченіе слова, и чемъ мы оное разстроили. Частое сего рода упражненіе можетъ столько усовершить вкусъ, что мы послѣ будемъ въ состояніи наблюдать вездѣ въ своихъ какъ сочиненіяхъ, такъ и переводахъ сіе качество краснорѣчія, не взирая на множество относящихся къ тому правилъ.

Объ украшеніяхъ слова.

§ 21. Положимъ теперь, что слово наше имѣетъ всѣ показанныя совершенства, которыя зависятъ отъ выраженій; при всемъ

томъ едва ли оно достигнетъ того намѣренія, которое предполагается въ краснорѣчіи; едва ли можетъ плѣнить и усладить читателя; когда ни мало не различно отъ обыкновенной въ общежитіи рѣчи; когда нѣтъ въ немъ тѣхъ искуственныхъ украшеній, которыя дѣлаютъ Оратора какъ бы вдохновеннымъ; такъ что онъ, употребляя ихъ въ приличныхъ мѣстахъ, говоритъ, кажется, совсемъ особливымъ отъ нашего, и тѣмъ болѣе плѣнительнымъ языкомъ. Сіе совершенство краснорѣчія извѣстно подъ именемъ общихъ украшеній; потому что оно свойственно какъ Прозаическимъ, такъ и Стихотворческимъ писателямъ. Впрочемъ оно есть не что иное, какъ такія выраженія мыслей, которыя или перемѣною естественнаго знаменованія словъ, или особливымъ нѣкоторымъ расположеніемъ и подборомъ не только словъ, но и предложеній производятъ въ сочиненіи или красоту и пріятность, или великолѣпіе и

Тропъ. важность. Употребленіе словъ въ не собственныхъ значеніяхъ, но всегда по причинѣ находящейся между обоими ихъ знаменованіями нѣкоторой связи, называется тропомъ; а не обыкновенное разположеніе и подборъ или словъ, или смысловъ, называется фигурою; и въ первомъ случаѣ фигурою словъ, а во второмъ фигурою предложеній. И такъ тропъ двоякимъ вдругъ въ одномъ словѣ заключающимся знаменованіемъ, а фигура новымъ и не рѣдко отважнымъ разположеніемъ рѣчи поражаютъ, или плѣняютъ вниманіе читателя, или слушателя.

Фигура.

— Словъ.

— Предложеній.

О различныхъ родахъ троповъ.

§ 22. Взаимное между собою отношеніе собственнаго и не собственнаго знаменованій того слова, которое содержитъ въ себѣ тропъ, бываетъ различно; а отъ сего происходятъ различные роды троповъ: такъ что когда, замѣтивши въ какомъ нибудь выраженіи тропъ, хотимъ узнать, какой онъ; то необходимо нужно для сего представить себѣ не

только какъ собственное, такъ и не собственное знаменованія онаго выраженія, но и находящуюся между ими связь.

Метафора.

§ 23. И такъ когда слово будетъ употреблено въ не собственномъ значеніи по той причинѣ, что содержащіяся подъ обоими его знаменованіями вещи столько будутъ имѣть между собою сходства, что одну изъ нихъ можно уподобить другой; то сей родъ тропа называется Метафорою: на примѣръ, утопать въ роскоши. Онъ гораздо употребительнѣе прочихъ, и служитъ болѣе къ великолѣпію и важности слова. Въ разсужденіи его остерегаться должно, чтобы не сравнить въ немъ высокой какой нибудь вещи съ низкою; на примѣръ, вывѣска отличныхъ достоинствъ: или, не употребить такого сравненія, котораго выраженіе не свойственно нашему языку; на примѣръ, корни, то есть, основаніе дома.

Аллегорія.

§ 24. Когда въ цѣломъ предложеніи, или въ цѣломъ періодѣ

всѣ, или изключая не многія только, слова будутъ употреблены въ не собственныхъ значеніяхъ по причинѣ упомянутаго сходства вещей, содержащихся подъ обоими ихъ знаменованіями: то сей тропъ называется Аллегоріею; и въ первомъ случаѣ чистою, а во второмъ смѣшенною. На примѣръ:

— Чистая. — Смѣшанная.

Но тщетно храмы сооружаетъ
На дряхлыхъ при водѣ пескахъ:
Орла ничто не воспящаетъ
Добычу зрѣть въ своихъ когтяхъ.

Или: Зелѣну ризу разстилаетъ
Во срѣтеніе вамъ весна,
Тюлпаномъ, розой изпещряетъ
Полей пространныхъ рамена.

Главное Аллегоріи правило состоитъ въ томъ, чтобы всѣ, содержащіяся подъ собственными значеніями въ ней, вещи относилися къ одному роду, или къ одному предмѣту. Вотъ не большой примѣръ погрѣшности въ семъ случаѣ: кровавое облако войны возгорѣлося въ самомъ сердцѣ отечества: поелику облако, огонь и сердце, ко-

торыя здѣсь соединены въ одной Аллегорiи, суть вещи совершенно разнородныя. Касательно смѣшенной Аллегорiи замѣтить нужно, что употребляемыя въ ней въ собственныхъ значенiяхъ нѣкоторыя слова должны служить къ объясненiю тѣхъ, которыя приняты въ не собственныхъ знаменованiяхъ.

Катахрезисъ.

§ 25. Когда содержащiяся подъ обоими значенiями тропа вещи будутъ въ одномъ чемъ нибудь между собою сходны, а въ разсужденiи другихъ своихъ свойствъ не рѣдко противны, по крайней мѣрѣ разнообразны: то сей тропъ называется Катахрезисомъ: на примѣръ, быстрая минута нашей жизни. Въ немъ отважное сравненiе болѣе противныхъ, нежели сходственныхъ между собою вещей поражаетъ вниманiе; и по сему онъ употребителенъ болѣе у Стихотворцевъ.

Синекдоха.

§ 26. Синекдоха есть такой тропъ, которой служитъ болѣе къ прiятности сочиненiя. Изъ обоихъ, содержащихся подъ нимъ,

значеній одно бываетъ родъ, то есть, приличное многимъ вещамъ свойство, а другое видъ, то есть, одна которая нибудь изъ числа оныхъ вещей; на примѣръ, металлъ вмѣсто золота; кусокъ хлѣба вмѣсто содержанія: или одно изъ нихъ будетъ цѣлое, а другое часть; на примѣръ, человѣкъ вмѣсто души, душа вмѣсто человѣка: или одно изъ нихъ будетъ имя нарицательное, а другое имя собственное, на пр. городъ вмѣсто Рима, Геркулесъ вмѣсто сильнаго. Равнымъ образомъ когда употребленное во множественномъ числѣ слово должно разумѣть въ числѣ единственномъ; на пр. Самсоны вмѣсто Самсонъ; и напротивъ; на пр. Россіанинъ вмѣсто Россіанъ: или когда подъ словами, означающими какое нибудь великое и опредѣленное количество должно разумѣть не извѣстное, и притомъ меньшее; на пр. миліонщикъ, вмѣсто богачь: то сей родъ тропа также называется Синекдохою.

Метонимія.

§ 27. Подобнымъ образомъ наиболѣе къ пріятности сочиненія

служитъ весьма многообразный тропъ Метонимїя. Въ немъ одно которое нибудь изъ обоихъ значенїй бываетъ какая нибудь, то есть, или дѣйствующая, на пр. деньги, то есть, мзда, чего не дѣлаютъ? или матерїальная, на пр. золото вмѣсто золотыхъ вещей; или инструментальная причина, на пр. перо вмѣсто сочиненїя; а другое изъ сихъ значенїй бываетъ произведенїе которой нибудь изъ тѣхъ причинъ; на пр. потъ вмѣсто труда; свѣтъ вмѣсто огня. На семъ основанїи не рѣдко, особливо у Стихотворцевъ имена языческихъ Боговъ употребляются вмѣсто тѣхъ вещей, надъ которыми они по мнѣнїю язычниковъ имѣли особенную власть, на пр. Марсъ вмѣсто войны; Перунъ вмѣсто грома. Также имена сочинителей ставятся вмѣсто ихъ сочиненїй; на пр. Ливїй вмѣсто его Исторїи: имя полководца вмѣсто предводимаго имъ войска; на пр. Графъ Суворовъ-Рымникскїй многократно побѣждалъ Турковъ: имя владѣтеля вмѣсто той вещи, которая

ему принадлежитъ; на пр. которой у васъ часъ? Сверьхъ сего Метонимія бываетъ еще тогда, когда одно изъ обоихъ значеній того слова, въ которомъ находится тропъ, будетъ знакъ, а другое, вещь означаемая симъ знакомъ; на пр. Лавры вмѣсто побѣды; ПЕТРЪ I. вмѣсто Его портрета: или одно будетъ означать время, а другое вещь, бывшую въ то время; на пр. нынѣшній годъ мнѣ щастливъ; или, при Владимирѣ I. или одно будетъ означать обстоятельство предъидущее, а подъ другимъ должно разумѣть обстоятельство послѣдующее; на пр. отжилъ вмѣсто умеръ; всталъ вмѣсто проснулся: или когда подъ не собственнымъ значеніемъ разумѣется вещь содержимая, а подъ собственнымъ вещь содержащая; на пр. столъ вмѣсто кушанья; карманъ вмѣсто денегъ: также когда подъ собственнымъ значеніемъ разумѣется свойство, а подъ не собственнымъ та вещь, которой оное свойство принадлежитъ; на пр. умъ вмѣсто умнаго человѣка.

§ 28. Случается, что какому нибудь слову бываетъ дано такое не собственное знаменованіе, которое употреблено вмѣсто другаго не собственнаго, и даже сїе другое не собственное иногда опять вмѣсто не собственнаго же значенія; такъ что между тѣмъ, въ которомъ оное слово будетъ употреблено, и между собственнымъ его значеніями бываетъ еще одно, или два знаменованія, и всегда такія, которыя имѣютъ взаимную между собою связь; а по сему въ одномъ словѣ заключается нѣсколько различныхъ троповъ. Въ семъ состоитъ тропъ Металепсисъ; на примѣръ: обнаженнаго меча не видали въ городѣ. Здѣсь мечь употребленъ вмѣсто оружїя, оружїе вмѣсто пролитїя крови, пролитїе крови вмѣсто войны. Или: баграми смерть къ себѣ тащатъ. Здѣсь смерть поставлена вмѣсто смертоносной вещи, а смертоносная вещь вмѣсто горящаго корабля. Въ семъ тропѣ поражается вниманїе читателя, или слушателя пылкостїю и отважно- Металепсисъ.

стію сочинителева воображенія, которое представляетъ въ одномъ словѣ вдругъ нѣсколько имѣющихъ между собою связь значеній. По сей причинѣ онъ служитъ болѣе къ великолѣпію слова, и чаще употребляется у Стихотворцевъ.

Емфазисъ. § 29. Когда сочинитель о томъ, о чемъ онъ хочетъ сказать, не говоритъ прямо, но даетъ знать посредствомъ какихъ нибудь обстоятельствъ, изъ которыхъ удобно можно понять его мысли: то сего рода выраженіе есть тропъ Емфазисъ. На примѣръ одинъ Стихотворецъ, будучи намѣренъ сказать объ Ироѣ, что онъ чрезвычайнаго роста и силы, такъ говоритъ:

Мечемъ ударилъ въ щитъ; громъ грянулъ межъ горами.

Гипаллаге. § 30. Тропъ Гипаллаге состоитъ въ томъ, когда въ предложеніи подлежащее поставлено будетъ на мѣстѣ сказуемаго, а сказуемое на мѣстѣ подлежащаго. На примѣръ: тамъ ожидаетъ меня

надежда; или: солнце скрылося отъ насъ.

§ 31. Когда сочинитель даже до невѣроятности увеличитъ, или уменьшитъ своимъ выраженїемъ то, о чемъ онъ говоритъ: то сей тропъ есть Гипербола; на примѣръ: дождь вѣдромъ льетъ; или: глупъ какъ стѣна. Гипербола.

§ 32. Когда слова употребляются въ такихъ знаменованїяхъ, которыя совершенно противны собственнымъ ихъ значенїямъ; на примѣръ: Иронїя.

Коль святы тѣ народы,
У коихъ полны всѣ Богами огороды!

Или когда собственное имя будетъ употреблено къ названїю такого лица, которое совсемъ противныхъ качествъ; на примѣръ, когда малорослаго человѣка назовемъ Гигантомъ: то сей тропъ называется Иронїею.

§ 33. Наконецъ острая, и притомъ язвительная шутка надъ нещастнымъ человѣкомъ называется Сарказьмомъ, въ противномъ же случаѣ Харїентизьмомъ. На пр. Сарказьмъ. Харїентизьмъ.

Онъ восемь разъ перо въ чернильницѣ купалъ;
И восемь разъ въ нее отъ страху не попалъ.

О различныхъ родахъ фигуръ словъ.

§ 34. Что касается до фигуръ словъ, то иныя изъ нихъ служатъ къ изображенїю такой стремительной страсти, которая препятствуетъ достаточнымъ образомъ выразить свои мысли; иныя къ живѣйшему выраженїю важнѣйшей предъ прочими мысли; иныя наконецъ единственно къ украшенїю и прїятности слова. Перваго рода двѣ фигуры: 1. Удержанїе, состоящее въ томъ, когда одно, или нѣсколько словъ, безъ которыхъ не можетъ быть полный смыслъ, и которыя впрочемъ всякой удобно можетъ выразумѣть, оставляемъ подразумѣвать читателямъ, или слушателямъ; на примѣръ: кто тебя? 2. Безсоюзїе, когда оставляются безъ союза съ ряду стоящїя или въ одинакихъ Грамматическихъ перемѣнахъ слова, или одного рода краткїя предложенїя; на пр.

— Служащїя къ изображенїю страсти. Удержанїе.

Безсоюзїе.

Сгущеннымъ мракомъ свѣтъ отъемлетъ,
Льетъ дождь, громъ мещетъ, твердь колеблетъ,
Недвижныхъ горъ сердца трясетъ.

§ 35. Для живѣйшаго выраженія важнѣйшей мысли или употребляется нѣсколько такихъ словъ, безъ которыхъ смыслъ можетъ быть полнымъ, или повторяется то слово, подъ которымъ содержится оная мысль. Перваго рода три фигуры: 1. Изобилованіе, состоящее въ томъ, когда употребляется одно, или нѣсколько такихъ словъ, которыя служатъ не къ составленію полнаго смысла, но къ сильнѣйшему выраженію содержащейся въ нихъ мысли; на пр. руками взялъ, руками и отдай. 2. Многосоюзіе, или употребленіе соединительнаго союза предъ каждымъ такимъ словомъ, которыя стоятъ въ одинакихъ Грамматическихъ перемѣнахъ, или предъ каждымъ одного рода, и при томъ краткимъ предложеніемъ; на пр. и праздность и дѣла, и

— Служащія къ выраженію важнѣйшей мысли.

Изобилованіе.

Многосоюзіе.

печаль и радость, и убожество и богатство; все сіе изтощаетъ наши силы.

Единознаменованіе. 3. Единознаменованіе, то есть, употребленіе нѣсколькихъ подобнозначащихъ или словъ, или предложеній для сильнѣйшаго выраженія одной мысли; на пр. веселися, ликуй, торжествуй, блаженная Россія!

Того же рода фигуры, состоящія въ повтореніи. § 36. Фигуры, служащія къ сильнѣйшему выраженію важнѣйшей мысли посредствомъ повторенія словъ, суть слѣдующія:

Усугубленіе. 1. Усугубленіе, то есть, повтореніе въ одномъ предложеніи слова, выражающаго главную мысль; на пр. нашъ вѣкъ есть вѣкъ просвѣщенный.

Единоначатіе. 2. Единоначатіе, то есть, начатіе нѣсколькихъ съ ряду стоящихъ предложеній однѣми словами; на пр.

Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ;
Онъ такъ бросалъ за Белтъ свой громъ;
Онъ сильну такъ взносилъ десницу;
Такъ быстрый конь его скакалъ. и пр.

Единозаключеніе. 3. Единозаключеніе, или окончаніе нѣсколькихъ предложеній од-

нѣми словами; на пр. Человѣкъ родится для благополучія, воспитывается для благополучія, безпрестанные несетъ труды для благополучія; при всемъ томъ рѣдко достигаетъ сей цѣли. 4. Совокупленіе, то есть, и начатіе, и окончаніе нѣсколькихъ съ ряду предложеній однѣми словами; на пр. спросите разсудокъ, онъ вамъ сіе скажетъ; спросите ваше сердце, оно также сіе скажетъ; спросите опытнаго человѣка, онъ вамъ тоже самое скажетъ. 5. Возвращеніе, или начатіе одного предложенія тѣмъ же словомъ, которымъ окончено предъидущее предложеніе; на примѣръ: Совокупленіе. Возвращеніе.

Герои Сѣверной Астреи
Поставивъ на землѣ трофеи,
Трофеи ставятъ на зыбяхъ.

6. Возхожденіе, или начатіе нѣсколькихъ предложеній тѣмъ словомъ, которымъ кончится предъидущее предложеніе; на пр. мы щитаемъ себя почти безсмертными во время юности; но послѣ юности непримѣтно наступаетъ мужество; за Возхожденіе.

мужествомъ почти во слѣдъ идетъ старость; а отъ старости одинъ только шагъ до гроба. 7. Окруженіе, или окончаніе цѣлаго, но краткаго періода тѣмъ же словомъ, которымъ онъ началъ; на примѣръ:

Окруженіе.

Я веселъ, а о чемъ, того не знаю самъ;
Но что мнѣ нужды въ томъ? Лишь толькобъ я былъ веселъ.

Наклоненіе.

8. Наклоненіе, или употребленіе одного слова въ различныхъ Грамматическихъ перемѣнахъ; на примѣръ:

Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами спирались,
И устремлялся громъ на громъ.

—Состоящія въ подборѣ сходныхъ словъ, или предложеній.

§ 37. Служащія къ украшенію и пріятности слова фигуры состоятъ въ подборѣ сходныхъ между собою словъ, или предложеній. Ихъ только двѣ: 1. Приложеніе, когда каждому изъ числа многихъ стоящихъ съ ряду существительныхъ именъ дается приличное прилагательное, или каждому изъ числа многихъ глаголовъ пристойное нарѣчіе; на при-

Приложеніе.

мѣръ: онъ былъ великій Министръ, храбрый Герой, усердный гражданинъ, нѣжный родитель, вѣрный супругъ; однимъ словомъ, примѣрный человѣкъ.

2. Соотвѣтствіе, или употребленіе нѣсколькихъ съ ряду предложеній, состоящихъ изъ одного числа, порядка и качества словъ; на примѣръ: Соотвѣтствіе.

Между Кавказскою горой и Льдистымъ понтомъ,
Межъ моремъ Пенжинскимъ и Финскимъ горизонтомъ;
Гдѣ Обь и Анадыръ, подъ ледъ сокрывшись, спятъ;
Гдѣ Волга и Нева, ліясь въ моря, шумятъ;
Побѣдоносная въ веселіи Россія
Подъ кроткимъ Божествомъ ведетъ лѣта златыя.

§ 38. Фигуры предложеній состоятъ, какъ выше сказано, въ особливомъ подборѣ, разположеніи и связи цѣлыхъ смысловъ. Иныя изъ нихъ употребляются для украшенія только, а иныя для украшенія и вмѣстѣ для разумно- О различныхъ родахъ фигуръ предложеній.

женія сочиненія, иныя наконецъ для возбужденія страстей. Перваго рода суть слѣдующія: 1. Предупрежденіе, состоящее въ томъ, когда сочинитель самъ себѣ предложивши возраженіе, или вопросъ, которой бы могли предложить ему другіе, на то отвѣтствуетъ; на примѣръ: Публика принимаетъ съ одобреніемъ его стихи: но не уже ли сіе служитъ къ твоему безчестію? Ободрись, пиши самъ, старайся произвести что нибудь лучше его. 2. Отвѣтствованіе, когда сочинитель предлагаетъ себѣ нѣсколько съ ряду вопросовъ, или возраженій, и на каждое изъ нихъ отвѣтствуетъ особливо; на примѣръ:

— Служащія къ украшенію.

Предупрежденіе.

Отвѣтствованіе.

Что жизнь? Игра страстей. Что смерть? Предѣлъ мученья.

Уступленіе.

3. Фигура Уступленіе состоитъ въ томъ, когда сочинитель такимъ образомъ предлагаетъ себѣ возраженіе, что принявши его за справедливое, потомъ прибавляетъ къ нему еще свою, но такую мысль, которая его совершенно

опровергаетъ. Такъ говоритъ Альзира, (праг. Альз. дѣй. V. явл. 2.) услышавши отъ своего отца, что супругъ ея Гусманъ, одинъ изъ Гишпанцевъ утѣснявшихъ Америку, убитъ любовникомъ ея Заморомъ: я сожалѣю о Гусманѣ; его судьба мнѣ кажется весьма жестокою: но я сожалѣю болѣе о томъ, что онъ сїе заслужилъ. 4. Фигура Сообщенїе состоитъ въ томъ, когда сочинитель сказавши такую мысль, о которой не сомнѣвается, что ее примутъ за справедливую, вмѣсто причины ссылается на честность и совѣсть своихъ читателей, или слушателей; на примѣръ: не ожидайте отъ меня, чтобъ я сталъ васъ увѣрять: ваше правдолюбїе есть сильнѣйшее съ моей стороны доказательство. Сообщенїе.

§ 39. Фигуры къ украшенїю и вмѣстѣ къ разумноженїю служащїя суть слѣдующїя: 1. Прохожденїе, когда сочинитель такимъ образомъ предлагаетъ нѣсколько къ одному предмѣту относящихся мыслей, что объ одной только — Служащїя къ украшенїю и разумноженїю. Прохожденїе.

изъ нихъ, то есть, о той, которая всѣхъ важнѣе, намѣренъ, кажется, сказать, а о прочихъ не хочетъ и упоминать; на примѣръ: нѣтъ, господа; не мое дѣло изчислять его частные пороки; пусть другіе опишутъ вамъ въ немъ разточителя имѣнія, безпечнаго отца, не вѣрнаго супруга, жестокосердаго господина. Что до меня, я за долгъ поставляю себѣ изобразить только вамъ его вѣроломство и предательство. 2. Премѣненіе, когда переставивши слова, составляющія какое нибудь краткое предложеніе, дѣлаемъ изъ того другое предложеніе, содержащее въ себѣ противную, или по крайней мѣрѣ совсемъ другую мысль; на примѣръ: за радостію по большой части слѣдуетъ печаль, но не всегда за печалію радость. 8. Отличеніе, когда сочинитель содержащіяся подъ словами подобнозначащими понятія такъ различаетъ между собою, что одно изъ нихъ предпочитаетъ другому. Такимъ образомъ говоритъ Руссо о вѣж-

Премѣненіе.

Отличеніе.

ливости нашихъ временъ: никогда похвала не коснется собственнаго достоинства; но добродѣтель ближняго будетъ унижаема: не нанесутъ грубостію огорченія ниже своему непріятелю; но удовлетворятъ себѣ замысловатымъ злословіемъ. Сверьхъ сего фигура отличеніе состоитъ еще въ томъ, когда единственную въ природѣ вещь принимаемъ за двѣ различныя вещи, и при томъ дѣлаемъ сіе въ одномъ краткомъ предложеніи. На примѣръ Альзира говоритъ Замору, своему любовнику, намѣревающемуся убить ея супруга Гусмана, Гиспанскаго Губернатора въ Америкѣ: отъ тебя зависитъ спасти моего любовника отъ смерти, моего супруга отъ злодѣянія, и свѣтъ отъ слезъ. (Траг. Альз. дѣй. IV. Явл 4.) 4. Невозможность, когда сочинитель, сравнивая какое нибудь трудное дѣло съ дѣломъ не возможнымъ, почитаетъ сіе послѣднее легче перваго; на примѣръ: скорѣе удержишъ стремленіе вихря, нежели наглость страстей. 5. Наращеніе, когда

Невозможность.

Наращеніе.

сочинитель разполагаетъ свои мысли такъ, что онѣ видимымъ образомъ отвѣтствуютъ или порядку времени, или относительной ихъ важности; на примѣръ: напалъ, сразился, побѣдилъ. Или: билъ, терзалъ, умучилъ, умертвилъ.

Противоположенiе. § 40. Важнѣйшiя сего рода фигуры суть: 6. Противоположенiе, то есть, продолжительное сличенiе въ одномъ предложенiи противныхъ между собою понятiй, или въ одномъ перiодѣ противныхъ между собою предложенiй; на примѣръ: отъ перваго шалаша до Луврской колонады, отъ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфонiй Гайдена, отъ перваго начертанiя деревъ до картинъ Рафаелевыхъ, отъ первой пѣсни дикаго до Поемы Клопштоковой, человѣкъ слѣдовалъ сему стремленiю, (врожденному любопытству).

Раздѣленiе. 7. Раздѣленiе, то есть, вычисленiе или видовъ вмѣсто рода, или частей вмѣсто цѣлаго; на примѣръ:

Речешь, и двигнется полсвѣта;
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета;
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ;
Башкирецъ съ меткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ.

8. Изображенїе, или подробное, и слѣдовательно самое живое описанїе какого нибудь лица, вещи, или произшествїя; на примѣръ: преклоняетъ колѣна и выю не повинный, мечь возносится, блещетъ, на выю устремляется, ударяетъ, съ жизнїю кровь изливается, и трепещущїй трупъ съ блѣдною главою упадаетъ. Изображенїе.

9. Опредѣленїе Риторическое, то есть, описанїе какого нибудь лица, или вещи посредствомъ вычисленїя въ видѣ опредѣленїя свойствъ, дѣйствїй, обстоятельствъ, подобїй, и прочая; на примѣръ: совѣсть есть первый плодъ разверзающагося разсудка; совѣсть есть первая наставница человѣка, начинающаго мыслить; совѣсть есть та тяжесть, которая, соединившися съ нашимъ сердцемъ, дѣлаетъ равновѣсїе между имъ и стра- Опредѣленїе Риторическое.

стями; совѣсть есть данное намъ природою оружiе, которое защищаетъ въ насъ любовь къ ближнему противъ нашего самолюбiя; однимъ словомъ, совѣсть есть тотъ благодѣющiй Сократовъ Духъ, то не извѣстное Божество, которое управляло его жизнiю, и располагало его судьбою, даже въ то время, когда онъ не блѣднѣя пилъ смертоносную чашу. 10. Сравненiе, то есть, продолжительное сличенiе подобныхъ между собою вещей, или лицъ въ сходственныхъ свойствахъ, дѣйствiяхъ, обстоятельствахъ, и прочая; на примѣръ: Гомеръ былъ великiй умъ, Виргилiй лучшiй художникъ; въ одномъ мы удивляемся рѣдкимъ дарованiямъ, а въ другомъ рѣдкому творенiю; Гомеръ возбуждаетъ съ нѣкоторымъ повелительнымъ насилiемъ, Виргилiй ведетъ за собою съ нѣкоторымъ прiятнымъ величествомъ; Гомеръ великодушно расточаетъ свое изобилiе, Виргилiй равнодушно раздѣляетъ свое богатство; Гомеръ подобно Нилу внезапно разливаяся, разверзаетъ всѣ свои сокровища,

Сравненiе.

Виргилій подобенъ рѣкѣ, одинаково текущей въ своихъ брегахъ. II. Напряженіе, или помѣщеніе самымъ краткимъ образомъ важныхъ, относящихся къ одному предмѣту мыслей; на примѣръ: и такъ могъ ли онъ (Генрихъ IV) противиться утвердившемуся заговору, враждующей ему Испаніи, толь страшнымъ, толь опаснымъ стрѣламъ Ватиканскимъ, золоту новаго міра, которое оныхъ еще сильнѣе? Генріада. Напряженіе.

§ 41. Опытность замѣтила, какъ человѣкъ изъясняется во время сильной страсти; а наставники краснорѣчія употребили сіи замѣчанія въ свою пользу; они предписываютъ сочинителю также говорить въ томъ случаѣ, когда онъ намѣревается произвести въ другихъ страсть. Сей подражательный родъ слова составляетъ тѣ фигуры, которыя служатъ къ возбужденію страстей. Онѣ суть слѣдующія: — Служащія къ возбужденію страстей.

1. Поправленіе, состоящее въ томъ, когда показывая видъ, что мы не довольно точно выразили Поправленіе.

свою мысль, употребляемъ для сильнѣйшаго изображенія оной другія гораздо важнѣйшія слова; на примѣръ: пріятный, или лучше сказать, волшебный языкъ краснорѣчія.

Сомнѣніе. 2. Сомнѣніе, то есть, пріятное изображеніе недоумѣнія и нерѣшимости, бывающей во время дѣйствія или двухъ противныхъ между собою страстей, или одной только, но весьма сильной страсти. Такъ говоритъ своему Офицеру Оросманъ, одинъ изъ Принцевъ Американскихъ, перехватившіи письмо, писанное къ плѣнницѣ и любовницѣ его Заирѣ, отъ ея брата Нерестана, котораго онъ почиталъ ея любовникомъ: бѣги къ ней тотчасъ, иди, лети, Коразьминъ; и потомъ пронзи не вѣрную сто ударами кинжала. Но прежде, нежели ее поразишъ . . . Ахъ, любезный другъ! Остановись, остановись! еще не время. Я хочу, чтобъ сей Христіанинъ предъ ея глазами . . . Нѣтъ: я не хочу болѣе ничего. Я умираю; я упадаю подъ бременемъ своего отчаянія. (Траг. Заир. Дѣйствіе IV. Явл. 5.) 3. Заи-

мословіе, то есть, рѣчь, влагаемая сочинителемъ въ уста отсутствующихъ, или умершихъ лицъ, или приписуемая бездушнымъ вещамъ. Примѣръ будетъ предложенъ ниже. 4. Обращеніе, или рѣчь, произносимая къ отсутствующимъ, или умершимъ лицамъ, или къ бездушнымъ вещамъ. Примѣръ также предложенъ будетъ ниже. 5. Вопрошеніе, или предложеніе вопросительною рѣчїю такихъ мыслей, которыя можно сказать безъ вопроса. Примѣромъ трехъ предъидущихъ фигуръ можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ рѣчи писанной противъ Наукъ извѣстнымъ сочинителемъ. О Фабрицій! что помыслила бы великая душа твоя, когда бы къ твоему нещастїю, возставъ изъ мертвыхъ, ты увидѣлъ въ семъ пышномъ видѣ Римъ, который спасла рука твоя, и который почтенное твое имя болѣе прославило, нежели всѣ его завоеванія? Боги! сказалъ бы ты, куда дѣвались соломенныя тѣ кровли и грубыя горнила, гдѣ обитали нѣкогда умѣренность и добродѣтель?...

Заимословіе.

Обращеніе.

Вопрошеніе.

Несмысленные! . . . И такъ вы омыли своею кровїю Грецїю и Азїю токмо для того, чтобъ обогатить зодчїевъ, живописцевъ, истуканщиковъ и комедїантовъ? 6. Умолчанїе, то есть, пресѣченїе не доконченнаго смысла по причинѣ весьма сильной страсти; на примѣръ: здѣсь, въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ . . . Прости моему заблужденїю . . . Его уже здѣсь нѣтъ болѣе. 7. Восклицанїе, или изъявленїе сильной какой нибудь страсти, которую сочинитель не можетъ въ себѣ сокрыть; на примѣръ: о буйство отличить себя, чего ты не въ силахъ сдѣлать? Несравненно прїятнѣе сїя фигура, когда она полагается въ концѣ какого нибудь повѣствованїя, или размышленїя, и содержитъ въ себѣ относящееся къ тому мнѣнїе. Такъ Руссо, описавъ развратность нравовъ своихъ современниковъ, говоритъ: вотъ какую непорочность снискали нравы наши! Вотъ сколько добродѣтельными сдѣлались мы! 8. Желанїе, то есть, изъясненїе сильнаго желанїя себѣ, или другому

Умолчанїе.

Восклицанїе.

Желанїе.

чрезвычайнаго какого нибудь добра, или зла. Примѣромъ сего можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ Трагедіи, Магометъ, дѣйс. V. явл. 2. гдѣ Пальмира, дочь Зопира Мекскаго Шерифа, похищенная и воспитанная вмѣстѣ съ братомъ своимъ Зеидомъ въ станѣ Магометовомъ, не зная о томъ, чьи они были дѣти, говоритъ Магомету, узнавши послѣ, что Зопиръ ихъ отецъ, и что братъ ея прежде нежели о семъ узналъ, умертвилъ его по наученію Магометову. Вотъ ея слова.

О естьлибъ я могла, злодѣй, въ твоей утробѣ
Всю внутренность твою рукой сей растерзать!
Увидѣть ближнихъ всѣхъ твоихъ теперь во гробѣ,
И въ ихъ дымящейся крови здѣсь утопать!
О естьли бы могли узрѣть глаза мои,
Чтобъ Мекка, Азія, Медина безъ боязни,
За лицемѣріе, за звѣрства всѣ твои,
Излили на тебя всѣ вдругъ свой гнѣвъ и казни!

Чтобъ мiръ, который ты ограбилъ, обольстилъ,
Увидѣлъ со стыдомъ свои теперь оковы,
И ихъ разторгнувши, тебѣ за нихъ отмстилъ!
Чтобъ сей, основанный на лжи, законъ твой новый,
Былъ посмѣянiемъ грядущимъ временамъ!
Чтобъ адъ, чемъ ты грозилъ отважнымъ тѣмъ умамъ,
Которы сей законъ сомнѣнью подвергали,
Чтобъ адъ, вмѣстилище всѣхъ ужасовъ, печали,
Который ты одинъ изъ всѣхъ насъ заслужилъ,
Твоимъ наслѣдiемъ по смерти вѣчно былъ!
Вотъ чувствiя души, обязанной тобою!
Вотъ гласъ желанiй, клятвъ, произносимыхъ мною!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О совершенствахъ слова, которыя произходятъ отъ мыслей, или о изобрѣтенїи.

§ 42. Всѣ зависящїя отъ выраженїй совершенства и красоты слова останутся вовсе не дѣйствительными, когда сочиненїе не имѣетъ ничего достойнаго со стороны мыслей. Можетъ ли самый лучшїй уборъ украсить природное безобразїе? И потому великїе писатели всегда подъ искуственными красотами скрываютъ изящныя мысли. Они чувствуютъ, что первыя тогда только плѣняютъ воображенїе, когда сочиненїе съ другой стороны имѣетъ, чемъ занять разумъ. Впрочемъ сїе изящество употребляемыхъ въ сочиненїи мыслей состо-

Зависящїя отъ мыслей совершенства слова.

итъ въ томъ, чтобъ онѣ были изобильны, справедливы, соразмѣрны матерїи и сочиненїю, ясны, естественны, и предложены съ благоразумнымъ нѣкоторымъ сокращенїемъ. Но еще болѣе украшаютъ слово мысли острыя, сильныя, отважныя, выразительныя, тонкїя, откровенныя, искреннїя, и показывающїя въ писателѣ глубокое знанїе человѣческихъ нравовъ и страстей.

О изобилїи мыслей.

§ 43. И такъ изобилїе мыслей состоитъ въ томъ, когда сочиненїе имѣетъ надлежащее количество, и притомъ достойныхъ вниманїя мыслей. Ибо какъ можетъ быть довольнымъ благоразумный читатель, видя, что тотъ, кто принялъ на себя удовлетворитъ его любопытству, или вовсе не размышлялъ о томъ, въ чемъ хочетъ показать себя просвѣщеннымъ человѣкомъ; или старается занять его только извѣстными всякому, не обдуманными, и ничего не значущими понятїями?

Для сего Оратору нужно живое воображенїе, чтобы посредствомъ его онъ могъ, такъ сказать, весь заняться своею матерїею, и чрезъ то подробно представить себѣ все то, что только съ нею имѣетъ связь. Но чтобы содержать въ надлежащихъ предѣлахъ сїю пылкую способность; и чтобы возбудить ее, когда она отъ долговременнаго и сильнаго напряженїя ослабѣетъ: то для сего необходимо нужна помощь науки, которая, предписывая правила, какъ должно изобрѣтать мысли, тѣмъ самымъ показываетъ истинный путь воображенїю, и вознаграждаетъ случающееся съ нимъ иногда оскудѣнїе.

Оно требуетъ имѣть пылкое воображенїе,

И знать правила изобрѣтенїя.

§ 44. Риторическое изобрѣтенїе есть не что иное, какъ представленїе въ умѣ близкихъ къ матерїи сочиненїя мыслей. Для сего писатель раздѣливши ее на главныя и обыкновенныя ея части, то есть, на подлежащее и сказуемое, къ каждому изъ нихъ особенно, равно и къ другимъ нахо-

Правила изобрѣтенїя.

дящимся въ ней понятїямъ, посредствомъ воображенїя приискиваетъ все то, что только имѣетъ къ нимъ отношенїе. Впрочемъ когда онъ намѣревается произвести какое нибудь не большое сочиненїе; то иногда сыскиваетъ къ нимъ только подобнозначущїя слова и выраженїя, противныя понятїя, къ существительнымъ именамъ приличныя прилагательныя, а къ глаголамъ нарѣчїя; иногда же дѣлая самъ себѣ нѣкоторые вопросы, изобрѣтаетъ такїе къ нимъ отвѣты, которые содержатъ въ себѣ относящїяся къ матерїи понятїя. Онъ вопервыхъ спрашиваетъ, кто? и въ отвѣтѣ на сей вопросъ показываетъ обыкновенное и отличительное свойство того предмѣта, къ которому изобрѣтаетъ. Потомъ сдѣлавши себѣ вопросъ, что? показываетъ въ отвѣтѣ дѣйствїе, или страданїе онаго. Поступая далѣе вопрошаетъ себя, какимъ способомъ? Отвѣтъ его въ семъ случаѣ долженъ содержать въ себѣ то, что

— Для малыхъ сочиненїй.

служитъ или орудïемъ, или побужденïемъ къ произведенïю того предмѣта, къ которому онъ изобрѣтаетъ, судя по тому, къ Физическимъ, или ко нравственнымъ вещамъ относится оный. На вопросъ, гдѣ? въ отвѣтѣ своемъ представляетъ себѣ обыкновенное его мѣсто; на вопросъ, когда? его время; на вопросъ, отъ чего, или для чего? его причину. Наконецъ вопрошая себя, какъ? въ отвѣтѣ воображаетъ его въ самой высочайшей степени.

§ 45. Постараемся изъяснить сïе примѣромъ. Пусть будетъ матерïею сочиненïя слѣдующее предложенïе: *соболѣзнованïе утѣшаетъ нещастнаго*. Подлежащимъ здѣсь соболѣзнованïе, а сказуемымъ утѣшенïе; сверьхъ сего есть третïе, относящееся къ сказуемому, понятïе, то есть, нещастный. И такъ предметомъ изобрѣтенïя вопервыхъ будетъ, Примѣръ.

Соболѣзнованïе.

Къ нему приищемъ

Подобнозначущія слова; сожаленіе, сострааніе.

— Выраженіе: человѣколюбивое участіе въ горестяхъ ближняго.

Прилагательныя имена: искреннее, усердное.

Противныя понятія: нечувствительность, безпристрастіе.

Отвѣтъ на вопросъ, кто? Имѣющій чувствительное сердце.

— — Что? Желаетъ помочь.

— — Какимъ способомъ? Видя страданія подобнаго себѣ.

— — Для чего? Для удовлетворенія своему человѣколюбію.

— — Какъ? Даже до слезъ; даже до ненависти къ гонителю.

— — Когда? Естьли самъ испыталъ когда нибудь подобную участь.

Возмемъ теперь сказуемое, то есть,

Утѣшеніе.

И къ нему также приищемъ

Подобнозначущее слово: отрада.

— Выраженіе: уменьшеніе горести другаго.

Прилагательныя имена: возхитительное, трогающее.

Противныя понятія: огорченіе, оскорбленіе.

Отвѣтъ на вопросъ, кто? Благоразумный.

— — Что? Приводитъ въ радостныя слезы.

— — Гдѣ? Въ темницахъ, на смертномъ одрѣ.

— — Какимъ способомъ? Совѣтами, примѣрами.

— — Отъ чего? По причинѣ дружества, привязанности.

— — Какъ? Заставляетъ нещастнаго забыть на время свое состояніе.

— — Когда? Во время отчаянія.

Остается еще третіе, находящееся въ матеріи понятіе, то есть,

Нещастный.

Равнымъ образомъ и къ нему будутъ пріисканы слѣдующія мысли.

Подобнозначущія слова: бѣдствующій, злополучный.

— Выраженія: гонимый, утѣсняемый судьбою.

Нарѣчія: невинно, внезапно.

Противныя понятія: благополучіе, благоденствіе.

Отвѣтъ на вопросъ, кто? Малодушный.

— — Что? Плачетъ, ропщетъ.

— — Гдѣ? Въ обществѣ, въ семействѣ.
— — Отъ чего? Отъ злобы и зависти другихъ, или отъ собственной неосторожности.
— — Какъ? Такъ что лишается всего.
— — Когда? Во время или юности, или мужества, или старости.

Правила изобрѣтенія для большихъ сочиненій, или Риторическія мѣста.

§ 46. Хотя показанныя правила изобрѣтенія могутъ произвести въ умѣ сочинителя довольно относящихся къ его матеріи мыслей: однако когда онъ разполагается составить большое какое нибудь сочиненіе, то старается объять своимъ воображеніемъ все то, что только относится къ предмѣту его слова. Для сего онъ употребляетъ уже другія гораздо изобильнѣйшія правила изобрѣтенія, которыя извѣстны у Ораторовъ подъ общимъ названіемъ Риторическихъ мѣстъ, и всегда составляли самую важную часть науки краснорѣчія.

Родъ.

§ 47. Первое изъ сихъ Риторическихъ мѣстъ есть родъ и видъ. Родомъ называется такое

приличное многимъ вещамъ свойство, которое бываетъ общимъ, или нарицательнымъ ихъ именемъ; а видами, оныя вещи; на примѣръ: городъ есть родъ; напротивъ сего Москва, Тверь, Псковъ, словомъ, всѣ тѣ селенія, которымъ прилично сіе имя, будутъ виды сего рода. Превосходные сочинители весьма часто, приискавши къ подлежащему матеріи родъ, съ великою красотою и пріятностію начинаютъ имъ свое слово. Такъ на примѣръ Плиній, приступая къ похваламъ Императора Траяна, говоритъ вопервыхъ вообще о добродѣтельныхъ Государяхъ. Такъ другой писатель, намѣреваяся изобразить въ своей рѣчи пользу рѣкъ, начинаетъ ее тѣмъ, сколько важны для стройности міра отличныя произведенія Природы. Подобнымъ образомъ сочинитель Поэмы, Гонзальвъ Кордуанскій, въ послѣдней пѣсни своего творенія, приступая къ описанію Героя, озабоченнаго нечаяннымъ отсутствіемъ своего друга, предварительно

Примѣры.

говоритъ о дружествѣ. Вотъ его слова.

Дщерь Неба, сокровище души, источникъ дражайшихъ нашихъ благъ, святое дружество, прииди украсить послѣднія строки моего труда; раствори конецъ моихъ повѣстей симъ прилѣпляющимъ пристрастїемъ, которое всегда увлекаетъ, и никогда не удивляетъ; которое стѣсняетъ сердце, не раздирая его, и изторгаетъ сладчайшїя слезы, толь подобныя слезамъ любви! Что я говорю? Онѣ еще сладчае. Сїя пылкая, страстная, способная ко всѣмъ усилїямъ любовь, сей кумиръ юношества, имѣетъ нужду въ покровѣ тайны. Ея служенїе, сколь ни не порочно, скрывается, убѣгаетъ взоровъ. Напротивъ сего дружество любитъ являть себя очамъ смертныхъ: будучи одарено такою же нѣжностїю, но обильнѣйшею бодростїю, не боится открыть имъ свои мученїя и наслажденїя, свои безпокойствїя и удовольствїя. Даже находитъ въ томъ прїятность и поставляетъ себѣ за славу обнаруживать оныя предъ людьми.

Любовь стыдится быть открыта; дружество полагаетъ за честь служить примѣромъ.

§ 48. Что касается до видовъ, то сїе правило чрезвычайно можетъ обогатить мыслями сочиненїе, когда подлежащее, или сказуемое матерїи будетъ родъ, и когда вмѣсто его изчислимъ тѣ виды, которые подъ нимъ заключаются. Но поелику большая часть нашихъ понятїй такого рода, что мы представляемъ себѣ въ нихъ общїя многимъ вещамъ свойства: то нѣтъ почти ни одной матерїи, къ которой бы не можно было прискать по сему правилу великаго множества мыслей; такъ что даже иногда можно изъ нихъ составить цѣлое сочиненїе. По сей причинѣ всѣ Ораторы и Стихотворцы почти вездѣ разумножаютъ свои сочиненїя почерпнутыми изъ сего источника мыслями. На примѣръ Цицеронъ, благодаря Сенаторамъ за возвращенїе его изъ изгнанїя, вмѣ- Виды.

Примѣръ.

сто того чтобы сказать, что сїе ваше благодѣянїе велико, изчисляетъ содержащїеся подъ нимъ виды. Онъ говоритъ такъ.

Вы возвратили мнѣ любезнѣйшаго брата, а меня дражайшему брату; нашимъ дѣтямъ родителей, а намъ дѣтей: вы возвратили мнѣ достоинство, степень, имѣнїе, процвѣтающее государство, отечество, и наконецъ мнѣ меня самаго. Я обязанъ любовїю къ своимъ родителямъ за то, что они даровали мнѣ жизнь, наслѣдство, гражданство; я обязанъ любовїю къ безсмертнымъ Богамъ, которыхъ благодѣтельная десница низпослала мнѣ всѣ сїи, и другїя премногїя щедроты; я обязанъ любовїю къ Римскому народу, который возложивши на меня свои чины, далъ мнѣ право быть въ семъ почтеннѣйшемъ сословїи, и возвелъ на высочайшую степень въ сей столицѣ вселенныя; я обязанъ любовїю къ вамъ, мои собратїя, которые часто дѣлали мнѣ честь своими отличными о мнѣ опредѣленїями: но теперь вы, государи мои, изъ особен-

ной своей ко мнѣ любви и благоразположенія вдругъ возвратили мнѣ все; благодѣянія родителей, щедроты Боговъ, чины данные Римскимъ народомъ, многократныя ваши о мнѣ опредѣленія.

§ 49. Почти столько же изобильно то правило изобрѣтенія, которое г. Ломоносовъ называетъ жизненными свойствами. Однако оно можетъ быть полезно только въ такомъ случаѣ, когда предмѣтомъ слова будетъ какое нибудь лице; поелику оно состоитъ въ подробномъ изчисленіи личныхъ какого нибудь человѣка качествъ, то есть, свойственныхъ ему природныхъ какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ дарованій, отличительныхъ его страстей, склонностей, добродѣтелей, пороковъ, и важныхъ обстоятельствъ его состоянія. Примѣромъ разумноженія отъ сего Риторическаго мѣста можетъ быть слѣдующее описаніе одного Гишпанскаго Героя.

Жизненныя свойства.

Примѣръ.

Величайшій изъ Гишпанцевъ, не устрашимѣйшій, ужаснѣйшій Гонзальвъ

не достигъ еще двадцати-пяти-лѣтняго возраста; однако старые полководцы съ почтенiемъ съ нимъ совѣщаютъ. Страшная его рука не находила еще себѣ противника, могущаго удержать въ равновѣсiи побѣду; но достойныя любви его добродѣтели обожаемы были и отъ самыхъ непрiятелей. Родившися въ Кордуѣ, онъ воспитанъ былъ между вѣчными войнами Гренады съ ея сосѣдями. Брани были его забавы, корысти Мавровъ его наслѣдiе. Съ самаго младенчества онъ умѣлъ побѣждать и нравиться. Расточительная для него Природа возхотѣла исполнить его своими дарами. Въ оружiи; чело украшенное шлемомъ, высокiй его станъ, величественный видъ, сила выше человѣческой, бодрость выше его силы, содѣлываютъ его ужасомъ воиновъ: безъ оружiя; его красота, прiятность, проницательный и кроткiй взоръ, черты, въ которыхъ, кажется, сливаются благородство и благосклонность, склоняютъ, привлекаютъ сердца. Ревнующiе въ отдаленности отъ него соперники не смѣютъ быть таковыми

въ его присутствіи; и отчаяніе зависти перемѣняется въ нужду его любить.

§ 50. Когда предметомъ слова будетъ какая нибудь Физическая вещь, какъ на примѣръ городъ, островъ, зданіе, и тому подобное: то сочинители изобрѣтаютъ мысли вопервыхъ отъ цѣлаго, то есть, отъ приличныхъ всему вообще оному предмѣту свойствъ, какъ то отъ его мѣста, величины, вида, и прочая: а потомъ еще болѣе разумножаютъ свое сочиненіе, вычисляя важнѣйшія онаго цѣлаго части, и показывая притомъ, изъ чего каждая изъ нихъ составлена, и какія отличныя имѣетъ дѣйствія, обстоятельства, свойства, и тому подобное. Такимъ образомъ Творецъ Генріады, повѣствуя о пріѣздѣ Генриха въ Англію, говоритъ вопервыхъ о томъ, что при воззрѣніи на сей островъ представилося его Герою относительно всей вообще Англіи. Вотъ его слова. Цѣлое. Части. Примѣры.

Генрихъ, увидѣвъ Англїю, въ тайнѣ удивляется щастливой перемѣнѣ сея державы. . . . Ея жители позабыли прежнїя свои потери; плодоносныя ихъ поля покрыты стадами, нивы классами, моря кораблями. Они страшны на землѣ, властители на морѣ. Повелительный ихъ флотъ, которому повинуется самъ Нептунъ, доставляетъ имъ изобилїе съ самыхъ предѣловъ вселенныя. Не устроенный до того времени Лондонъ содѣлался средоточїемъ художествъ, кладовою всего мїра, и храмомъ Марса.

Напротивъ сего г. Ломоносовъ, описывая домъ Нептуна, съ отмѣнною красотою разумножаетъ сїе мѣсто своей Поемы, вычисляя части сего вымышленнаго зданїя. Онъ, сказавши вопервыхъ о мѣстѣ, на которомъ оно было, потомъ продолжаетъ такъ.

Столпы вокругъ его огромные кристаллы,
По коимъ обвились прекрасные кораллы.

Главы ихъ сложены изъ раковинъ витыхъ,
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межь тучь густыхъ,
Что кажетъ укротясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря;
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей во глубинѣ возможныхъ.
Тамъ тронъ жемчугами усыпанный янтарь.

§ 51. Не менѣе также сочинитель, говоря о какой нибудь Физической вещи, можетъ быть изобиленъ посредствомъ изчисленія оной свойствъ, называемыхъ г. Ломоносовымъ матеріальными. Но чтобы сіе правило могло еще болѣе обогатить наше воображеніе; то весьма полезно, мысленно подвергать каждому особливо чувству предмѣтъ изобрѣтенія, и

Матеріальныя свойства.

замѣчать тѣ важныя его свойства, какія изъ нихъ въ немъ могли бы представиться, естьлибы онъ въ самомъ дѣлѣ имъ былъ подверженъ. Сверьхъ сего благоразумный сочинитель строго наблюдаетъ въ семъ случаѣ, чтобы изобрѣтенныя имъ свойства всѣ отвѣтствовали тому общему мнѣнію, какое онъ хочетъ преподать о предмѣтѣ своего слова: такъ что когда онъ намѣренъ его представить величественнымъ, то даетъ ему свойства важныя; когда красивымъ, то пріятныя и привлекательныя; когда отвратительнымъ, то страшныя и гнусныя. Такъ Творецъ Россіады описываетъ бывшій нѣкогда близь Казани лѣсъ.

Примѣръ.

Подъ тѣнію горы Казанской видѣнъ лѣсъ,
Въ который входу нѣтъ сіянію небесъ;
На вѣтвяхъ вѣчные лежатъ густые мраки,
Прохожимъ дивныя являющи призраки;

Тамъ кажется простеръ покровы томный сонъ;
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Тамъ вянутъ вкругъ цвѣты, кустарники желтѣютъ;
Когда усыплетъ нощь звѣздами небеса,
Тамъ кажутся въ огнѣ ходящи древеса;
Изъ мрачныхъ нѣдръ земныхъ изходитъ бурный пламень;
Тамъ камни падаютъ, бїющеся о камень;
Не молкнетъ шумъ и стукъ, тамъ вѣчно страхъ не спитъ;
И молнїя древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Пылаетъ гордый дубъ и тополы маститы;
Повсюду слышатся взвыванїя и свисты;
Источникъ со холма кремнистаго течетъ;
Онъ шумомъ ужасу пустынѣ придаетъ;

Не постижимый страхъ входящаго встрѣчаетъ,
Лѣсъ воетъ, адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ.

Дѣйствїе и страданїе.

§ 52. Теперь слѣдуетъ такое правило изобрѣтенїя, которое можетъ представить нашему воображенїю чрезвычайное множество относящихся къ матерїи мыслей. Оно называется дѣйствїемъ и страданїемъ, и состоитъ въ изчисленїи тѣхъ перемѣнъ, какїя предмѣтъ нашего слова производитъ въ другихъ вещахъ, и напротивъ. Поелику нѣтъ ни одной въ природѣ вещи, которая бы не была подвержена симъ измѣненїямъ; то нѣтъ ни одной матерїи, которую бы не можно было разумножить при помощи сего правила. Однако просвѣщенный сочинитель, не обольщаяся такимъ изобилїемъ, избираетъ дѣйствїя и страданїя только самыя важныя и означающїя состоянїе того лица, или той вещи, о которой онъ говоритъ; разпространяя свое слово

посредствомъ изчисленія тѣхъ пособій, орудій, и даже препятствій, которыя участвуютъ въ оныхъ происшествіяхъ. Изобрѣтенныя отъ сего Риторическаго мѣста мысли обыкновенно производятъ въ читателѣ весьма живое изображеніе того предмѣта, къ которому онѣ относятся. По сей причинѣ всѣ и Ораторы и Стихотворцы, какъ бы не надѣяся довольно ясно представить изображаемую ими вещь посредствомъ разумноженія своего объ ней слова приисканными по другимъ правиламъ мыслями, всегда, такъ сказать, одушевляютъ свои описанія показаніемъ ея дѣйствій и страданій. Г. Ломоносовъ въ разговорѣ своемъ съ Анакреонтомъ, представивши красавицу, оканчиваетъ ея описаніе такъ: Примѣры.

Промолви же, живой портретъ.

Равнымъ образомъ въ своей Поемѣ сими чертами изображаетъ намъ Нептуна:

Въ заливы, въ океанъ десницу про-
стираетъ;
Сафирнымъ скипетромъ волнамъ по-
велѣваетъ.

Подобно Цицеронъ говоритъ о изгнанномъ изъ Рима Катилинѣ: лежитъ повергшися, Римляне, и часто изкосивъ глаза, оглядываетися на сей городъ, проливая слезы о томъ, что изторгли оный изъ его челюстей.

Но еще живѣе Творецъ Генрїады изображаетъ своего Героя, предавшагося любовнымъ дѣламъ.

Посреди сихъ садовъ, на брегѣ чистыя воды, влюбленный Генрихъ возхищался прелестями Етреи; онъ таялъ, сидя подлѣ нее, и горѣлъ въ ея объятїяхъ. Ничто не возмущало сладости ихъ нѣжныхъ разговоровъ. Ихъ очи были наполнены тѣми щастливыми слезами, тѣми слезами, которыя составляютъ блаженство влюбленныхъ. Они чувствовали то упоенїе, то изступленїе души, тѣ возторги, тѣ возхищенїя, которыя вдыхаетъ нѣжная любовь, и которыя она одна даетъ намъ вкушать, и одна

только въ состоянiи описать. Между тѣмъ рѣзвыя Утѣхи и дѣтоподобные Амуры въ семъ нѣдрѣ тишины снимали оружiя съ сего Героя. Одинъ изъ нихъ держалъ покрытыя еще кровiю его латы; а другой отвязывалъ съ его бедры страшный его мечь, и улыбался держа въ слабыхъ своихъ рукахъ сiю подпору престола и ужасъ смертныхъ.

§ 53. Когда слово идетъ о бывшемъ въ природѣ, или въ человѣческомъ обществѣ произшествiи; то писатели весьма часто разумножаютъ свое сочиненiе изчисленiемъ относящихся къ нему обстоятельствъ, то есть, тѣхъ приключенiй, изъ которыхъ иныя предшествовали, иныя случилися въ одно время, а иныя послѣдовали за онымъ произшествiемъ, и всѣ вообще имѣютъ нѣкоторую съ нимъ связь. Творецъ Поемы, Чесмесскiй бой, описывая морское сраженiе, разумножаетъ сiе мѣсто своего сочиненiя изчисленiемъ важнѣйшихъ онаго сраженiя обстоятельствъ.

Обстоятельства.

Примѣръ.

Колико вижу тамъ въ сраженїи людей,
Толико видомъ зрю различныхъ тамъ смертей.
Иный узрѣлъ свою рѣшительну судьбину;
Онъ видитъ самъ себя едину половину;
Лишенъ обѣихъ ногъ еще онъ востаетъ;
Къ его спасенїю текущимъ вопїетъ:
Въ покоѣ умирать, друзья, меня оставте;
Не мнѣ, отечесшву себя услугой славте.
Иный имѣючи разверзсту раной грудь,
Разитъ кругомъ враговъ, текущъ за смертью въ путь.
Иный уже покрытъ завѣсой смертной тѣни,
Съ оружїемъ въ рукахъ валится на колѣни;
И ужасъ вкругъ его является вотще;
Онъ за отечество сражается еще.
Иные сладости сна смертнаго вкушаютъ,
И лицъ спокойствїемъ живущихъ утѣшаютъ.
Иные на своихъ оружьяхъ онѣмѣвъ,
Остаточный въ лицѣ изображаютъ гнѣвъ.

Тотъ рану захватя единою рукою,
Разитъ своихъ враговъ, и мещетъ громъ другою.
Иный со корабля чрезъ край безгласенъ палъ,
Явитъ, что смерти онъ шага не уступалъ.
Тамъ руки плаваютъ съ кровавыми мечами;
Катятся тамъ главы съ отверстыми очами,
Какъ будто съ тѣмъ они желали умереть,
Чтобъ имъ свирѣпу брань еще по смерти зрѣть.

§ 54. Чрезвычайно красиво разумножается еще сочиненїе посредствомъ изчисленїя важнѣйшихъ произшествїй и обстоятельствъ того времени, въ которое обыкновенно бываетъ, или случайно было то, что составляетъ предмѣтъ нашего слова. Таким образомъ говоритъ одинъ Стихотворецъ о наступающей послѣ зимы веснѣ.

Время.

Примѣры.

Свѣтящїй солнцевъ конь
Уже не въ дальнїй югъ
Изъ рта пустилъ огонь,
Но въ нашъ полночный кругъ.

Уже не сносный хладъ
Съ полей не гонитъ стадъ;
Но травъ зеленый цвѣтъ
Къ себѣ пастись зоветъ.
По твердымъ водъ хребтамъ
Не вьется вихремъ снѣгъ;
Но тщится судна бѣгъ
Успѣть во слѣдъ волнамъ.

Подобнымъ образомъ говоритъ другой:

Вѣнчалась классами Церерина глава,
И солнце въ небесахъ горѣло въ знакѣ льва.

Мѣсто. § 55. Не менѣе также служитъ къ разумноженію сочиненія изчисленіе знатнѣйшихъ частей, свойствъ, окрестностей, и важнѣйшихъ произшествій того мѣста, на которомъ всегда находится, или по которому проходитъ бывающая содержаніемъ нашего

Примѣръ. слова вещь. Такъ одинъ писатель, говоря о пользѣ на землѣ рѣкъ, разумножаетъ свое сочиненіе описаніемъ протекаемыхъ ими мѣстъ.

Тамъ едва катяся, говоритъ онъ, по злашовидному песку, или съ тихимъ журчанїемъ перебираяся по мѣлкимъ камнямъ, и какъ бы для большаго благотворенїя то извиваяся излучистыми колѣнами, то раздѣляяся на многїе протоки, напаяютъ покрытые изумрудною зеленїю и пурпуровыми цвѣтами луга, представляя въ одно время и злачную пажить, и чистѣйшую слезы влагу для утоленїя жажды пасомымъ при нихъ веселымъ стадамъ. Здѣсь разлившися на далекое разстоянїе отъ низкихъ своихъ бреговъ, покрываютъ тучнымъ иломъ плодоносныя поля, обѣщавая трудолюбивому земледѣлателю богатую жатву. То протекая мимо лѣсистыхъ холмовъ, и омывая корни столѣтьняго дуба и тѣнистыя ивы, питаютъ и оживотворяютъ ихъ своими струями. То шумя между высокими, но покатыми брегами, приемлютъ въ свои нѣдра вредныя плодородїю земли, и ревущїе въ изрытыхъ ими рвахъ избытки вешнихъ снѣговъ и осеннихъ дождей. То при стремительномъ паденїи съ верьху утѣсистыхъ скалъ, раздробляяся на мѣлкїя

части, освѣщенныя разноцвѣтнымъ сіяніемъ безчисленныхъ радугъ, орошаютъ окрестныя поля, и прохлаждаютъ окружный горизонтъ.

Причина дѣйствующая.

§ 56. Часто служитъ еще къ разумноженію сочиненія подробное изчисленіе тѣхъ причинъ, отъ которыхъ произходитъ предмѣтъ нашего слова, ежели только въ произведеніи его участвуютъ многія вещи: но когда онъ зависитъ отъ одной только причины, въ такомъ случаѣ писатель разпространяетъ свое сочиненіе по большой части весьма живымъ изображеніемъ того способа, которымъ онъ отъ нее получаетъ свое бытіе. Превосходный сего

Примѣръ.

примѣръ видимъ у Г. Ломоносова въ его письмѣ о пользѣ стекла, гдѣ онъ такъ говоритъ о произхожденіи сего вещества.

Съ Натурой нѣкогда онъ (*огонь*) произвестъ хотя
Достойное себя и оныя дитя,

Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью
земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется
съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби
затворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему
входилъ;
Напрягся мышцами, и рамена под-
вигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ
вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ гус-
тую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Гер-
кулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ
Зевеса;
Но Етна правдѣ сей свидѣтель вѣч-
ный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ
родамъ.
Изъ ней разженная рѣка текла въ
пучину,
И свѣтъ отчаясь мнилъ, что зритъ
свою судьбину.
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ.
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ
отецъ.

Прогнали долгу ночь, и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.
Но чтожъ изъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя, прекрасное стекло.

Причина конечная.

§ 57. Не рѣдко также сочинители изобрѣтаютъ не мало, и притомъ весьма зрѣлыхъ мыслей посредствомъ изчисленія тѣхъ причинъ, для которыхъ существуетъ и бываетъ въ природѣ, или въ человѣческихъ обществахъ предмѣтъ ихъ слова. Такимъ образомъ писатель, который говоритъ о пользѣ рѣкъ на землѣ, разумножаетъ свое сочиненіе почерпнутыми изъ сего источника мыслями. Уничтоживъ ихъ, говоритъ онъ, на время въ своихъ мысляхъ, мы увидѣли бы повсемѣстное разстройство и всеобщіе недостатки; увидѣли бы вмѣсто сего прекраснаго и восхитительнаго жилища земнородныхъ однѣ безобразныя и пустыя степи. Естьли бы могли еще тогда на сей полусгорѣлой громадѣ земли родиться нѣкоторыя существа; то ихъ произхожде-

Примѣръ.

нїе было бы сопредѣльно ихъ разрушенїю, или по малой мѣрѣ онѣ, продолжая томное и унылое бытїе, чахли бы всегда безъ сей естественной и необходимой для ихъ существованїя пищи. Съ другой стороны давно бы уже нѣдра земли не могли вмѣщать въ себѣ проникнувшей въ нихъ воды; когда бы истекающїя изъ нихъ рѣки не уносили съ собою нарочитаго количества оной, дабы возвратить ее въ первобытное отечество. Уже давно бы гордые верьхи каменородныхъ горъ, будучи подмыты заключающимися въ ихъ хлябяхъ водами, лежали во мрачныхъ пропастяхъ; когда бы изъ твердыхъ ихъ ребръ излишнее оныхъ изобилїе не изливалося струями, крутящимися по ихъ утѣсамъ, и низпадающими въ долины. Уже давно бы сладкїя воды великихъ озеръ превратилися въ смертоносную животнымъ и большей части растѣнїй отраву; когда бы вливающїяся въ нихъ рѣки не сообщали имъ нѣкоторой части своихъ водъ и своего движенїя; а изходящїя изъ ихъ устъ не увлекали съ собою свойственныхъ онымъ плетворныхъ частей.

Признаки. § 58. Сверхъ сего чрезвычайно красиво иногда бываетъ разумножено сочиненіе посредствомъ изчисленія означающихъ предмѣтъ нашего слова признаковъ, то есть, такихъ его свойствъ, дѣйствій, обстоятельствъ, и тому подобнаго, которыя весьма ясное производятъ въ нашихъ мысляхъ объ немъ понятіе, хотя бы онъ не былъ подверженъ нашимъ чувствамъ. Примѣръ. Такъ говоритъ Творецъ Поемы, Чесмесскій бой.

Является вдали мнѣ Марсово лице.
Конечно то Орловъ? Въ геройскомъ онъ вѣнцѣ!
Спокойство на челѣ его изображенно;
Но сердце храбростью и славою разженно;
Перунъ въ его рукѣ, и кротость во очахъ.
Се другъ отечества, его злодѣевъ страхъ!

Противныя. § 59. Немало также служитъ къ изобилію мыслей и красотѣ сочиненія сличеніе относящихся къ предмѣту нашего слова обстоя-

тельствъ, дѣйствій, частей, свойствъ, и видовъ съ обстоятельствами, дѣйствіями, свойствами и видами противной оному вещи, или лица. Г. Ломоносовъ такимъ образомъ разпространяется въ описаніи благоденствія Россіи. Другіе, говоритъ онъ, на дымящіяся развалины раззоренныхъ отъ непріятеля своихъ градовъ со слезами взираютъ: но ты на возходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишъ. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ, и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ: но ты единодушныхъ сыновъ общія всѣхъ матери согласнымъ подданствомъ украшаешся. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художествъ, отъ попранія земледѣльства наготу и алчбу претерпѣваютъ: но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ воен-

Примѣръ.

наго шума и страха освободились, однако видятъ плачевные слѣды своихъ сопостатовъ, и суровый оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ безпрерывной тишинѣ покоющуюся ниже въ сонныхъ привидѣнiяхъ военные страхи не возмущаютъ.

Подобiе. § 60. Въ числѣ источниковъ изобрѣтенiя полагается еще подобiе. Оно состоитъ въ сличенiи предмѣта слова съ другою такою вещiю, которая будучи совсемъ другаго рода, имѣетъ свойства и дѣйствiя сходныя со свойствами и дѣйствiями онаго. Между тѣмъ нужно примѣтить, что сiе Риторическое мѣсто служитъ не столько къ разумноженiю, сколько къ украшенiю слова; потому что хорошо избранное подобiе всегда показываетъ въ сочинителѣ остроту и пылкость воображенiя. Впрочемъ оно имѣетъ два главныя совершенства: первое, когда въ немъ сличаемы будутъ такiя вещи, которыя, судя по естественнымъ ихъ качествамъ и дѣйствiямъ,

и по относительной ихъ важности въ разсужденіи другихъ однородныхъ съ ними вещей, одна другой взаимно отвѣтствуютъ; такъ что однѣ только ихъ наименованія предупреждаютъ уже читателя о ихъ сходствѣ; какъ на примѣръ сильная страсть и вихрь; краснорѣчивое слово и садъ; Исторія и зеркало: поелику хотя бы мы и не разумножалися въ сличеніи сихъ вещей; однако всякой видитъ уже изъ однѣхъ только ихъ именъ сходство оныхъ между собою. Вовторыхъ тѣмъ красивѣе бываетъ подобіе, чемъ болѣе сличаемыя въ немъ вещи будутъ имѣть сходныхъ между собою свойствъ, дѣйствій, обстоятельствъ, и прочая. На примѣръ: Примѣръ.
слѣдуя мыслями за теченіемъ великихъ на земной поверьхности рѣкъ, не могу не вообразить себѣ человѣческой жизни. Тѣ, будучи маловодны у своихъ вершинъ, съ продолженіемъ пути разширяются, углубляются, и представляютъ нѣчто величественное: подобнымъ образомъ человѣкъ, едва только вы-

шедшій за предѣлы своего рожденія, есть самое безсильное и не достаточное произведеніе Природы, но съ теченіемъ лѣтъ разверзшіяся его способности и дарованія дѣлаютъ его украшеніемъ естества. Знаменитыя рѣки, то извиваяся посреди прелестныхъ долинъ и луговъ, то продираяся между утѣсистыми скалами и дебристыми брегами, безпрестанно приближаются къ необозримымъ предѣламъ океана: равномѣрно человѣкъ то препровождаетъ свои дни въ удовольствіяхъ и благоденствіи, то борется съ нещастіями и трудами; а между тѣмъ каждая минута его жизни есть ближайшій къ вѣчности шагъ. Въ семъ подобіи не только жизнь человѣческая сличается съ теченіемъ рѣкъ; но рожденіе человѣка съ вершинами оныхъ, его безсиліе во время первыхъ лѣтъ съ маловодіемъ рѣкъ, когда онѣ находятся еще при своихъ источникахъ; благополучіе человѣческой жизни съ прелестными мѣстами, по которымъ онѣ протекаютъ; напротивъ сего нещастія и труды съ каменистыми и дебристыми

оныхъ берегами; и наконецъ вѣчность съ океаномъ.

§ 61. Подобную красоту и пріятность даетъ сочиненію сравненіе той вещи, о которой идетъ слово, съ другою ей однородною въ какомъ нибудь имъ обѣимъ въ равномъ, или не равномъ степени приличномъ свойствѣ, или дѣйствіи. Такъ Г. Ломоносовъ разумножаетъ и украшаетъ въ одномъ мѣстѣ свое похвальное Государю Императору ПЕТРУ I. слово. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ: тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе! Какія возклицанія, какіе плески ПЕТРУ Великому быть долженствовали для его безприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми салдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго.

Сравненіе.

Примѣръ.

Примѣръ, (Риторическое мѣсто).

§ 62. Не рѣдко также разумножается сочиненіе примѣромъ, то есть, напоминовеніемъ извѣстнаго по Исторіи лица, или произшествія, въ которомъ самымъ дѣломъ совершилося то, о чемъ мы говоримъ. Красота и совершенство разумноженія сего рода состоитъ въ томъ, когда мы въ немъ говоримъ о тѣхъ только обстоятельствахъ, которыя не посредственно служатъ къ подтвержденію нашего слова, предоставляя собственному просвѣщенію читателя привести себѣ на память прочія относящіяся къ тому и повѣствуемыя Исторіею подробности. Вотъ какъ Г. Бордъ подтверждаетъ примѣрами, что не науки, а щастіе развращаетъ нравы. Персы, говоритъ онъ, съ такою же скоростію потеряли свои нравы, съ какою завоевали Азію. Скиѳы, хотя и поздже, однако также развратилися. . . . Слава Лакедемонянъ равномѣрно была не тверда. Щастіе разстроило ихъ установленія, которыя сами по себѣ были столько странны,

Примѣръ разумноженія посредствомъ его.

что не могли продолжаться долгое время. Спарта потеряла свои нравы, как и просвѣщенные Аѳины.

§ 63. Подобнымъ образомъ къ разумноженію, а не рѣдко и къ подтвержденію слова употребляется еще свидѣтельство, то есть, приводятся слова какого нибудь извѣстнаго писателя, заключающія въ себѣ туже самую мысль, которая бываетъ предмѣтомъ слова. Часто также подобнаго содержанія изреченіе знаменитаго мужа, славная какая нибудь надпись, и даже самыя пословицы, служатъ вмѣсто свидѣтельства. Впрочемъ чемъ ближе оно къ той мысли, для разумноженія которой приводится, тѣмъ красивѣе. Въ противномъ случаѣ писатель присовокупляетъ къ нему свое изъясненіе, или истолкованіе онаго; дабы тѣмъ показать, что оно служитъ къ подтвержденію его мыслей. Для примѣра я предложу здѣсь то мѣсто изъ Руссовой рѣчи, въ которомъ онъ употреб- Свидѣтельство. Примѣръ.

ляетъ разумноженіе сего рода. Правда, говоритъ онъ, что нѣсколько мудрецовъ противустали сему всеобщему стремленію, и въ самомъ жилищѣ Музъ избѣгли порока. Но послушаемъ, какое мнѣніе первѣйшій и нещастнѣйшій изъ нихъ имѣлъ объ ученыхъ и художникахъ, жившихъ въ одно съ нимъ время. Я разсматривалъ, говоритъ онъ, Стихотворцевъ, и почитаю ихъ такими людьми, которыхъ дарованіе какъ ихъ самихъ, такъ и другихъ обманываетъ; которые представляютъ себя мудрецами, таковыми почитаются, но ни мало того не достойны. Наконецъ Руссо заключаетъ сіе свидѣтельство такъ: вотъ какъ Сократъ, разумнѣйшій изъ человѣковъ по сужденію Боговъ, и мужъ ученнѣйшій изъ Аѳинянъ по мнѣнію цѣлой Греціи, похваляетъ невѣжество!

Имя. § 64. Теперь остается сказать, что сочинители, особливо Стихотворцы изобрѣтаютъ иногда мысли не отъ понятій, содержащихся подъ словами, но отъ самыхъ словъ; отъ чего и сіе Риторическое мѣсто называется и-

менемъ. Сколько красивы и прiятны бываютъ прискканныя отъ сего источника мысли, когда онѣ не только весьма близки къ предмѣту слова, но при томъ содержатъ въ себѣ острую замысловатость: столько скучны и даже отвратительны въ противномъ случаѣ: поелику онѣ тогда ничего болѣе не заключаютъ въ себѣ кромѣ дѣтской игры словъ. Впрочемъ мысли отъ сего источника изобрѣтаются слѣдующими способами: 1. чрезъ переводъ по большой части собственнаго имени, когда оно будетъ слово иностранное; на примѣръ: ты еси Петръ, и на семъ камени созижду, и проч. 2. чрезъ показанiе первообразнаго слова въ инакомъ случаѣ, когда прискивается мысль къ слову производному, на прим:

Примѣръ первый.

--Вторый.

Съ Орловымъ Росскiе орлы не побѣдимы.

3. Сложное слово раздѣляется на свои простыя слова, и каждое изъ нихъ принимается за при-

исканную отъ имени мысль; на
—Третій. примѣръ:

> Съ ума у насъ сошелъ не давно кто-
> то Роковъ.

4. Такое слово, которое имѣетъ два значенія, употребляется въ другомъ знаменованіи, и составляетъ ту весьма извѣстную въ нынѣшнихъ театральныхъ сочиненіяхъ замысловатость, которая
—Четвертый. называется пофранцузски *équivoque*; на примѣръ:

> Сороки! бойтеся Юпитеровыхъ грозъ;
> Просите каши вы, но берегите носъ.
>
> Аглаи кн. 2. стр. 170.

5. Составленное чрезъ преложеніе въ какомъ нибудь словѣ слоговъ или буквъ другое слово принимается также за изобрѣтен-
— Пятый. ную отъ имени мысль; на прим: воръ, ровъ; рогъ, горъ. Сверьхъ сего за присканную отъ имени мысль почитается еще такое слово, которое дѣлается или 6. чрезъ прибавленіе, или 7. чрезъ убавленіе, или 8. чрезъ перемѣну слога, или нѣсколькихъ письменъ въ какомъ

нибудь слов; на примѣръ: вой, свой; страхъ, ахъ; жрецъ, лжецъ.

Примѣры другихъ родовъ.

§ 65. Приискавши такимъ образомъ довольное количество близкихъ къ матеріи мыслей, при употребленіи оныхъ въ сочиненіе прежде всего должно наблюдать, чтобъ онѣ были справедливы, то есть, чтобы не противорѣчили ни опыту, ни здравому разуму. Всякой чувствуетъ, что такая сочинителева неосмотрительность не снοсна внимательному читателю. Впрочемъ весьма удобно можетъ вкрасться сія погрѣшность, когда мы чрезмѣрно занимаемся изобрѣтеніемъ какой нибудь острой или новой мысли; потому что въ то время почти совсемъ забываемъ о прочихъ ея свойствахъ. Вотъ не большой сему примѣръ. Одинъ Римскій Стихотворецъ, желая представить Катона самымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ, говоритъ, что принятое въ Римскомъ Сенатѣ мнѣніе было угодно Богамъ; а отринутое, (сіе было мнѣ-

О справедливости мыслей.

Примѣры.

ніе Катоново), осталося навсегда любимымъ мнѣніемъ Катона.

Uictrix caussa Diis placuit, sed victa Catoni.

Отважное сравненіе Катона съ Богами поражаетъ и возхищаетъ воображеніе читателя; но сдѣлать его добродѣтельнѣе самихъ Боговъ, есть понятіе противное здравому разуму. Вотъ еще мысль, противная опыту. Войдемъ въ оные давно изтлѣвшіе лѣса. . . . Куда же мы войдемъ, когда тѣ лѣса уже изтлѣли?

О новости мыслей.

§ 66. Справедливость мыслей удовлетворяетъ разсудительности читателя; но сочинитель долженъ еще удовлетворить его любопытству: на сей конецъ онъ долженъ изобиловать мыслями новыми, то есть, такими, которыя никѣмъ прежде не были употреблены, но въ первый еще разъ имъ изобрѣтены; на примѣръ:

Примѣръ.

На саблю налетѣлъ тамъ воинъ мечь имѣя,
И движется по ней, достигнуть до злодѣя. Чес. бой.

По сей причинѣ нужно твердо помнить, что нѣтъ ничего противнѣе просвѣщенному читателю, какъ сочиненіе наполненное мыслями весьма извѣстными, называемыми пофранцузски *triviales*, которыя всякой весьма посредственной писатель можетъ безъ труда изобрѣсти. Впрочемъ искусный сочинитель, долженъ будучи употребить иногда извѣстныя мысли, можетъ сдѣлать ихъ нѣкоторымъ образомъ новыми, изобразивши ихъ новыми и самимъ имъ изобрѣтенными выраженіями, содержащими въ себѣ или замысловатую какую нибудь фигуру, или выразительное описаніе, или отважную метафору, аллегорію, сравненіе, и прочая; на примѣръ: сочинителю надобно имѣть доброе, нѣжное сердце, естьли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобъ его дарованія сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ.

Другой примѣръ.

О соразмѣрности мыслей.

§ 67. Соразмѣрность мыслей составляетъ не менѣе важное совершенство оныхъ. Нѣтъ ни одного разсудительнаго читателя, который бы не огорчился видя, что сочинитель говоритъ шуточнымъ образомъ тамъ, гдѣ онъ долженъ говорить важно; употребляетъ изобильное витійство, гдѣ требуется сила; изъясняется холодно, гдѣ нужна пылкость и стремительность; и вообще мыслитъ подобно простолюдиму, когда онъ долженъ показать себя просвѣщеннымъ человѣкомъ. По сей причинѣ опытный и благоразумный писатель рачительно разсмотрѣвъ напередъ, чего требуетъ его матерія и предпринимаемый имъ родъ сочиненія, старается соблюсти вездѣ, дабы его мысли соотвѣтствовали предмѣту и роду его слова.

О ясности мыслей.

§ 68. Темнота сочиненія есть во всякомъ случаѣ порокъ. Для сего благонамѣренный сочинитель полагаетъ себѣ за правило,

дабы всякой просвѣщенной человѣкъ безъ дальняго вниманія могъ его понимать; а для наблюденія сего качества мыслей старается весьма раздѣльно представить себѣ то, о чемъ другимъ предлагать намѣренъ; разсматриваетъ въ подробность, какую могутъ имѣть лучшую связь изобрѣтенныя имъ мысли, и потомъ предлагаетъ ихъ въ семъ порядкѣ; не опуская ничего, безъ чего бы смыслъ остался не вразумительнымъ; и не говоря того, что удобно можно всякому подразумѣвать.

О естественности мыслей.

§ 69. Самыя лучшія мысли теряютъ свою цѣну тогда, когда онѣ имѣютъ слабое отношеніе къ предмѣту слова. По сей причинѣ благоразумный сочинитель не менѣе старается о томъ, чтобъ его мысли были естественны, то есть, такъ близки къ матеріи, что вообразивши ее не можно не вообразить ихъ; и приисканы столь легко, что всякой, кажется, могъ

бы ихъ изобрѣсти, предлагая о томъ же предмѣтѣ, хотя впрочемъ судя по другимъ ихъ совершенствамъ изобрѣтены онѣ съ нарочитымъ размышленіемъ и искуствомъ. Вотъ не большой примѣръ сего рода изобрѣтенія.

Примѣръ.

И воромъ на судѣ изобличенный Вредовъ. . . .
Уже боярамъ братъ, деревни покупаетъ,
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по-міру таскаться онъ пустилъ.

О благоразумномъ сокращеніи мыслей.

§ 70. Наконецъ не благоразумно было бы предлагать о предмѣтѣ слова все то, что только можно о немъ сказать: но искусный витія то, что удобно можетъ выразумѣть внимательный и просвѣщенный его читатель, или слушатель, предоставляетъ его размышленію, или лучше сказать, старается словомъ своимъ возбудить только его воображеніе и разсудокъ, дабы чрезъ то дать

пищу его любопытству и самолюбїю. Сїе правило наипаче наблюдается въ примѣрахъ, въ которыхъ почти всегда сочинитель умалчиваетъ объ относящихся къ нимъ Историческихъ подробностяхъ; но напоминовенїемъ одного токмо имени приводимаго имъ въ примѣръ лица, или вещи производитъ ихъ въ мысляхъ читателя. Такъ говоритъ Бордъ, противникъ Руссовъ. Слава разума и слава оружїя шествовали въ успѣхахъ своихъ равными шагами. Съ Мильтїадами и Ѳемистоклами видѣли Аристидовъ и Сократовъ. Примѣръ.

§ 71. Встрѣчаются въ сочиненїяхъ такїя мысли, которыя сверьхъ показанныхъ главныхъ и общихъ качествъ имѣютъ въ себѣ нѣчто отличное предъ прочими мыслями, и тѣмъ самимъ отмѣнную нѣкоторую производятъ въ сочиненїи красоту. Г. Ломоносовъ и другїе наши Риторы называютъ ихъ вообще Витїеватыми рѣчами, предписывая нѣкоторыя относи- Объ отличныхъ мысляхъ.

тельно изобрѣтенія оныхъ правила. Но между тѣмъ нужно сказать, что никакія правила безъ природнаго къ тому дарованія и безъ чтенія изобильныхъ такими мыслями писателей не могутъ дать намъ способности къ изобрѣтенію оныхъ; и что при томъ онѣ, по замѣчанію новѣйшихъ Риторовъ, бываютъ весьма различныхъ между собою родовъ; то есть, такого рода мысли суть мысли острыя *les peusées ingénieuses*, сильныя *les pensées hardies*, выразительныя *les pensées vives*, тонкія *les pensées délicates*, и откровенныя *les pensées naïves*.

Мысли острыя.

§ 72. Острыя мысли суть тѣ, въ которыхъ бываютъ соединены такія понятія, кои будучи приняты въ естественномъ своемъ знаменованіи одно другому противорѣчатъ; но когда одному изъ нихъ дадимъ значеніе не собственное, то никакого противорѣчія въ себѣ заключать не будутъ. Такъ говоритъ одинъ Россійскій сочи-

Примѣръ.

нитель о наукахъ: съ вами я богатъ безъ богатства, не одинъ въ уединенїи.

§ 73. Сильныя мысли суть тѣ, которыя глубоко впечатлѣваются въ умѣ читателя, или слушателя; и сїе отъ того, что самъ сочинитель весьма живо ихъ себѣ представляетъ. На примѣръ: Мысли сильныя.

Тамъ каждая волна казалася гора, Примѣры.
Что съ ревомъ падала обрушась на ПЕТРА.

Или: Изъ агнца какъ себя преображу въ убїйцу,
И кровожаждущу взмахну свою десницу
Хотя и на врага отеческой странѣ,
Но на подобнаго сочеловѣка мнѣ.

§ 74. Отважныя мысли суть тѣ, которыя не только плѣняютъ, но даже удивляютъ тѣмъ, что въ нихъ соединенныя вмѣстѣ понятїя представляютъ нѣчто странное и прежде не слыханное, хотя каждое изъ нихъ взятое порознь обыкновенно. На примѣръ: Мысли отважныя.

Примѣры. На многихъ раздѣлилъ Румянцевыхъ себя.

Или: Здѣсь Химикъ дѣйствїемъ Вулкана все дѣлитъ,
И новыя, какъ Богъ, тѣла опять творитъ.

Мысли выразительныя. § 75. Выразительныя мысли суть тѣ, въ которыхъ не многїя понятїя заключаютъ въ себѣ чрезвычайно живое изображенїе какого нибудь важнаго предмѣта. На пр:

Примѣры. Пробивше сквозь копье черту ведетъ въ пыли.

Или: Супругъ онъ у жены, на брани воинъ былъ.

Мысли тонкїя. §. 76. Тонкїя мысли суть тѣ, въ которыхъ предмѣтъ бываетъ выраженъ самыми простыми словами, въ которыхъ однако съ посредственнымъ вниманїемъ можно увидѣть нѣкоторую замысловатость. Такъ говоритъ хорошїй Стихотворецъ худому.

Примѣръ. Дивишся, что не дамъ тебѣ стиховъ моихъ?
Боюся, чтобъ ты мнѣ не подарилъ своихъ.

§ 77. Откровенныя мысли супть тѣ, въ которыхъ находящаяся замысловатость сама собою, кажется, встрѣтилася съ воображенїемъ сочинителя, безъ всякаго съ его стороны въ семъ случаѣ искуства. На примѣръ: Мысли откровенныя.

Дуракъ былъ посланъ въ домъ звашь въ гости господина.
Хозяинъ закричалъ: что ето за скотина?
Дуракъ ему на то съ поклономъ отвѣчалъ:
По разнымъ баринъ насъ домамъ всѣхъ разослалъ;
Кто поумнѣе былъ, тотъ къ умному пошелъ;
А мнѣ итти къ тебѣ онъ именно велѣлъ.

Примѣръ.

§ 78. Хотя каждая показанныхъ родовъ мысль отмѣнно украшаетъ сочиненїе; но онѣ еще болѣе возхищаютъ разумъ, или воображенїе, когда соединяютъ въ себѣ нѣсколько вдругъ оныхъ отличныхъ качествъ; то есть, когда на примѣръ острая мысль будетъ при томъ и сильная, или вырази- Сїи отличныя качества иногда бываютъ въ одной мысли.

тельная, или отважная, и прочая.

Примѣръ. Такое пріятное смѣшеніе отличныхъ мыслей находится въ слѣдующемъ стихѣ:

Я Богъ, я червь; я царь, я рабъ.

Искренность мыслей.

§ 79. Всѣ показанныя совершенства мыслей плѣняютъ, по крайней мѣрѣ занимаютъ разумъ; однако естьли онѣ притомъ не впечатлѣваются въ сердцѣ слушателя, или читателя, то сіе возхищеніе продолжается весьма не долго. Но никогда мысль писателя, сколько бы она отлична ни была, не проникнетъ до сердца другаго, когда въ ея произведеніи не имѣетъ участія собственное его сердце. Самыя поразительныя въ лучшихъ сочинителяхъ мѣста суть тѣ, гдѣ они говорятъ то, что дѣйствительно чувствуютъ; такъ что искренность мыслей одна только въ состояніи заслужить сочинителю полную довѣренность его слушателя. Превосходнымъ примѣромъ и вмѣстѣ подтвержденіемъ сего можетъ быть

слѣдующее мѣсто изъ Аглаи. Часть I. стр. 29.

Ты хочешь быть Авторомъ: читай Примѣръ. Исторію нещастій рода человѣческаго: и естьли сердце твое не обольется кровію; оставь перо, или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей. Но естьли всему горестному, всему угнѣтенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до страсти къ добру; можетъ питать въ себѣ оное святое, никакими сферами не ограниченное желаніе всеобщаго блага: тогда смѣло призывай Богинь Парнасскихъ; онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину; ты не будешь безполезнымъ писателемъ, и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу. Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія, все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Знанiе нравовъ.

§ 80. Не менѣе убѣдительны бываютъ мысли тогда, когда онѣ почерпнуты изъ познанiя человѣческихъ нравовъ. Сочинитель, который совершенно знаетъ наклонности, отвращенiя, слабости, пристрастiя и даже сокровеннѣйшiя движенiя человѣческаго сердца, всегда въ состоянiи бываетъ столь живо представить своимъ слушателямъ предмѣтъ ихъ желанiя, или отвращенiя, что они, видя въ семъ описанiи точное изображенiе своего сердца, даже до глубины души бываютъ тѣмъ поражены; и въ первомъ движенiи своего возторга удобопреклонны на все, къ чему угодно будетъ витiи наклонить ихъ. Правда познанiе нравовъ было бы безпредѣльно, естьли бы надобно было знать свойства и склонности каждаго человѣка особливо; но словеснику довольно знать тѣ основанныя на природѣ, и слѣдственно никогда не измѣняемыя качества души, которыя свойственны каждому возрасту, состоя-

нію жизни, роду воспитанія, и прочая. Слѣдующее описаніе честолюбія можетъ служить примѣромъ въ семъ случаѣ.

Честолюбецъ, говоритъ сочинитель (Массильонъ), ни чемъ не услаждается: ни своею славою, которую онъ всегда почитаетъ еще не достаточною; ни своими чинами, поелику онъ хочетъ еще болѣе возвыситься; ни своимъ благоденствіемъ, онъ сохнетъ и чахнетъ посреди изобилія; ни воздаваемымъ ему почтеніемъ, оно превращается для него въ ядъ, какъ скоро вспомнитъ, что онъ самъ обязанъ воздавать его другимъ; ни благосклонностію къ нему вышшихъ, она не менѣе огорчаетъ его, какъ скоро онъ долженъ бываетъ раздѣлять ее со своими соучастниками; ни своимъ отдохновеніемъ, ибо онъ по мѣрѣ спокойствія дѣлается болѣе нещастнымъ. Но сего мало: честолюбіе дѣлаетъ его еще низкимъ и гнуснымъ. Ибо сколько долженъ онъ употребить подлостей для достиженія своего намѣренія! Онъ долженъ казаться не такимъ, каковъ на Примѣръ.

самомъ дѣлѣ, но такимъ, какимъ хотятъ его видѣть. Онъ долженъ имѣть подлое ласкательство, дабы возжигать фиміамъ и боготворить того идола, котораго внутренно презираетъ: долженъ имѣть подлое безстыдство, чтобъ быть въ состояніи сносить отвращеніе, проглотить ядъ насмѣшничества, и почитать ихъ еще за милости: долженъ имѣть подлое притворство, чтобъ не имѣть собственныхъ своихъ чувствованій, но мыслить всегда по образцу другихъ: долженъ имѣть подлую развратность нравовъ, чтобъ быть соучастникомъ, а иногда и исполнителемъ страстей того, отъ кого онъ зависитъ; чтобъ раздѣлять съ нимъ его разпутства; дабы чрезъ то вѣрнѣе войти къ нему въ милости: наконецъ долженъ имѣть подлое лицемѣріе, чтобъ показать иногда притворный видъ благонравія, чтобъ представлять себя честнымъ человѣкомъ, дабы достигнуть своего намѣренія.

Знаніе страстей.

§ 81. Наконецъ искуство иногда возбуждать, иногда изтреблять страсти есть самый надеж-

нѣйшій способъ проникнуть въ сердце своего слушателя, или читателя. На примѣръ чтобы возбудить другаго къ какому нибудь важному предпріятію; то стоитъ только произвести въ немъ любовь, или надежду, или другую сходственную съ симъ намѣреніемъ страсть: равнымъ образомъ чтобъ отвратить отъ чего нибудь; то должно только возбудить или ненависть, или страхъ, или стыдъ, или гнѣвъ, и прочая. Однимъ словомъ, ни достовѣрныя доказательства, ни здравые совѣты, ни убѣдительные примѣры не имѣютъ столько силы надъ человѣческимъ сердцемъ, какъ дѣйствующая въ немъ страсть. Она приводитъ въ совершенное недоумѣніе и разсѣянность разсудокъ, а чрезъ то противъ воли влечетъ насъ за собою. Для сего всѣ великіе Словесники имѣли глубокое познаніе человѣческихъ страстей. Для сего и здѣсь предлагается о нихъ съ возможною кратностію.

Общее понятіе о страстяхъ.

§ 82. Врожденное всякому желаніе себѣ добра производитъ въ насъ обыкновенно наклонность къ тому, что намъ нравится, и отвращеніе отъ того, что насъ огорчаетъ. Сія наклонность, и сіе отвращеніе иногда бываютъ столько велики, что приводятъ разсудокъ въ замѣшательство, а кровь и, такъ называемые, жизненные духи въ не обыкновенно или скорое, или тихое движеніе, съ чувствительною при томъ по большой части перемѣною въ лицѣ и другихъ членахъ. Сіи оба противныя между собою состоянія души и вмѣстѣ тѣла называются страстями; и перваго рода пріятными, а втораго скучными.

Когда онѣ бываютъ весьма сильны?

Въ обоихъ случаяхъ чемъ болѣе въ предмѣтѣ нашей страсти будетъ такихъ качествъ, которыя приносятъ намъ или удовольствіе, или огорченіе; чемъ живѣе онѣ поражаютъ наши чувства, и чемъ разсѣяннѣе представляются въ умѣ: тѣмъ сильнѣе бываетъ страсть.

Общій въ семъ случаѣ ихъ признакъ.

При семъ достойно примѣчанія, что каждая

изъ нихъ, будучи въ высочайшей степени, всегда почти обнаруживается слезами. И потому исторгнуть ихъ у слушателей, почитается верьховною похвалою словесника.

§ 83. Причины описаннаго удовольствїя и отвращенїя бываютъ различны; а отъ сего различны и самыя страсти. Когда съ нѣкоторымъ возторгомъ воображаете себѣ, что получите какое нибудь желаемое вами добро; сїе удовольствїе называется надеждою. Въ противномъ же случаѣ когда съ отвращенїемъ представляете себѣ, что вы должны претерпѣть какое нибудь зло, то происходящее отъ сего огорченїе есть страхъ. Естьли зло, котораго опасаетеся, чрезвычайно, неминуемо, и вскорѣ должно совершиться; тогда страхъ превращается въ отчаянїе. Представте, что вы получили желаемое вами, или иногда и не ожиданное добро; слѣдующее за симъ

Различные виды страстей.

Надежда.

Страхъ.

Отчаянїе.

Радость.

Печаль. удовольствїе есть радость. Напротивъ сего по совершенїи надъ вами предвидѣннаго зла обладающее душею огорченїе есть печаль.

Любовь. Со внутреннимъ возхищенїемъ представляете вы себѣ чьи нибудь совершенства; сїе возхищенїе есть любовь.

Ненависть. Со внутреннимъ отвращенїемъ воображаете вы себѣ чьи нибудь несовершенства; сїе отвращенїе есть ненависть.

Сожалѣнїе. Нещастїе ближняго васъ огорчаетъ; сїе огорченїе есть сожалѣнїе.

Зависть. Когда же напротивъ сего огорчаетъ васъ благополучїе другаго; то сїе огорченїе есть зависть.

Соревнованїе. Ежели со внутреннимъ прискорбїемъ видимъ, что другїе стараются получить, или уже и получили то добро, которое почитаемъ намъ принадлежащимъ; то сїе огорченїе, соединенное притомъ съ величайшимъ желанїемъ возпользоваться намъ самимъ оным добромъ, называется соревнованїемъ.

Спокойствїе совѣсти. Сдѣлавши какое нибудь доброе дѣло возхищаемся тѣмъ; сїе возхищенїе называется спо-

койствїемъ совѣсти. Напротивъ сего за содѣланїемъ какого нибудь зла, или порока слѣдующее огорченїе души есть разкаянїе. Хорошимъ объ васъ мнѣнїемъ другихъ причиняемое вамъ удовольствїе называется любочестїемъ. Въ противномъ же случаѣ снѣдающее васъ прискорбїе есть стыдъ. Наконецъ гнѣвъ есть высочайшей степени огорченїе, произходящее отъ того, когда обижаютъ или насъ, или тѣхъ, которыхъ мы любимъ, и сопровождаемое обыкновенно ненавистїю къ обидчику.

Разкаянїе.

Любочестїе.

Стыдъ.

Гнѣвъ.

§ 84. Надежда, страхъ, радость и печаль весьма удобно раждаются въ людяхъ легкомысленныхъ и малоопытныхъ. Притомъ чемъ болѣе, и чемъ достовѣрнѣе желаемое нами добро, или предчувствуемое зло; тѣмъ сильнѣе бываютъ надежда и страхъ. Блѣдность лица, дрожанїе членовъ, слезы, кратковременное онѣмѣнїе, боязливость причиняемая почти всемъ, что ни встрѣчает-

Свойства и признаки

Надежды и страха,

ся, сопровождаютъ обыкновенно страхъ: но мертвенная бѣлизна лица, суровый и изступленный взоръ, глубокое молчанїе, прерываемое иногда неистовыми словами, помѣшательство ума, и даже самоубїйство суть почти обыкновенные спутники отчаянїя. Что касается до радости и печали; то первая ищетъ сообщества, а вторая уединенїя; первая многорѣчива, а вторая по большой части безмолвна; первая сопровождается улыбкою и смѣхомъ, а вторая слезами, плачемъ, и жалобами. При томъ во время обѣихъ сихъ страстей толь сильное бываетъ иногда волненїе крови, что отъ того самая жизнь находится въ опасности: ибо сїи страсти подобно прочимъ имѣютъ свои степени по мѣрѣ того, чемъ важнѣе, и чемъ не ожиданнѣе ихъ предмѣтъ.

Отчаянїя,

Радости и печали.

§ 85. Любовь, ненависть, зависть и соревнованїе суть страсти весьма продолжительныя. Первая изъ нихъ обыкновенно возра-

Свойства и признаки любви,

стаетъ, чемъ болѣе находитъ совершенствъ въ своемъ предмѣтѣ; она всегда утѣшается и занимается его благополучїемъ, ищетъ съ нимъ быть вмѣстѣ; странныя и не рѣдко смѣшныя имѣетъ объ немъ мнѣнїя; часто терзается ревнивостїю, подозрѣнїями и кратковременнымъ разкаянїемъ; наконецъ при воззрѣнїи на свой предмѣтъ, или при его воспоминанїи обнаруживается вдругъ появившимся въ лицѣ румянцемъ, вздохами, сверкающими взорами, и не обыкновенными тѣлодвиженїями. Напротивъ сего ненависть и зависть рачительно стараются укрыться отъ взоровъ другихъ: однако не взирая на то, свойственное имъ обѣимъ презрѣнїе своего предмѣта и злословїе, а въ разсужденїи зависти особенно всегдашнее внутреннее безпокойство, блѣдный, смѣшенный съ желтизною цвѣтъ лица, и тому подобное, ихъ даютъ всякому примѣтить. Соревнованїе свойственно людямъ благороднаго, или често-

Ненависти и зависти,

Соревнованїя,

любиваго духа. Чемъ важнѣе возхищаемое другими добро, и чемъ не достойнѣе они кажутся его; тѣмъ сильнѣе бываетъ сія страсть. Задумчивость, роптанїе, даже иногда слезы суть ея признаками.

Сожалѣнія.

Сожалѣнїе есть собственная, такъ сказать, мягкосердыхъ людей страсть. Вздохи и слезы обыкновенно его сопровождаютъ. Различныя обстоятельства нещастнаго, которыя увеличиваютъ претерпѣваемое имъ зло, бывшїе нѣкогда съ нами подобные сему случаи, сходство лѣтъ, состоянїя, и тому подобное обыкновенно умножаютъ въ насъ сожалѣнїе.

Свойства и признаки спокойствія совѣсти,

§ 86. Спокойствїе совѣсти весьма подобно радости, изключая, что оно не столько возмущаетъ разсудокъ и кровь, и не столько любитъ быть обнаруженнымъ, кромѣ людей склонныхъ къ самохвальству. Напротивъ сего

Разкаянія,

разкаянїе должно почитать въ числѣ стремительныхъ страстей. Оно иногда превращается даже

въ отчаяніе, и въ семъ случаѣ почти тѣже имѣетъ свойства и признаки. Любочестіе есть страсть по большой части посредственная между радостію и спокойствіемъ совѣсти; такъ что оно имѣетъ свойства и признаки обѣихъ сихъ страстей. Но стыдъ подобенъ страху; онъ заставляетъ удаляться людей, производитъ вдругъ въ лицѣ краску, потупленіе очей, нечаянное онѣмѣніе, и другія насильственныя перемѣны членовъ. При семъ рачительно должно примѣтить, что поелику различныя есть мнѣнія о томъ, что честно, и что безчестно; то по сему не рѣдко одинъ чувствуетъ стыдъ отъ того, что другой ставитъ себѣ въ честь. Наконецъ гнѣвъ есть самая стремительнѣйшая страсть. Никакая другая страсть, кромѣ отчаянія, не приводитъ въ такое не обычайное замѣшательство разсудка, и не производитъ въ тѣлѣ толь насильственныхъ перемѣнъ. Появляющаяся въ лицѣ то краска, то

Любочестія,

Стыда,

Гнѣва.

блѣдность, сверкающїе очи, дрожанїе руkъ и ногъ, суровый видъ, страшный голосъ и крикъ, забвенїе благопристойности, и величайшая мстительность сопровождаютъ сїю страсть. Первый ея жаръ называется вспыльчивостїю, по прошествїи которой, въ случаѣ справедливой къ тому причины, остается только тайная къ отмщенїю склонность; въ противномъ же случаѣ сїя страсть вовсе изчезаетъ, и не рѣдко сама себѣ кажется достойною смѣха.

Что есть вспыльчивость?

Общїя правила, какъ возбуждать

§ 87. Теперь благоразумное размышленїе само собою въ состоянїи изъ показанныхъ свойствъ каждой страсти заключить, чемъ можно успѣшнѣе каждую изъ нихъ какъ произвести, такъ и истребить. Однако замѣтимъ вообще, что при возбужденїи какой нибудь страсти прежде всего должно разсмотрѣть, способны ли слушатели наши чувствовать ее; а вовторыхъ находятся ли въ предмѣтѣ такїя свойства, которыя бы

могли служить довольнымъ къ тому побужденїемъ. Въ семъ случаѣ, (ибо иначе произведемъ смѣхъ, а не страсть), должно въ краткихъ, но сильныхъ выраженїяхъ изчислить все, и при томъ не прерывно одно послѣ другаго, какїя только находятся въ предметѣ возбуждаемой нами страсти, совершенства, или недостатки, смотря по свойству оной. Тогда вниманїе слушателя, будучи развлечено и обременено множествомъ оныхъ, не можетъ имѣть ни времени, ни силъ разсмотрѣть ихъ подробно: а сїя разсѣянность мыслей и есть уже начатки самой страсти. Тѣмъ же самымъ способомъ весьма успѣшно можно истребить страсть, то есть, когда съ такою же краткостїю и силою изчислимъ все, находящїяся въ предметѣ уничтожаемой страсти, и служащїя къ истребленїю оной свойства, уменьшая при томъ, или и вовсе опровергая тѣ его качества, которыя питаютъ ее. Истребивши въ слушателѣ вредную

И уничтожать страсти.

нашему намѣренію страсть, тѣмъ самимъ производимъ въ немъ другую, противную оной, и слѣдовательно служащую къ предмѣту нашего слова.

Писатель долженъ самъ чувствовать возбуждаемую имъ страсть.

§ 88. Въ дополненіе вышепоказанныхъ правилъ должно еще сказать, что самое дѣйствительное средство произвести въ другомъ страсть состоитъ въ томъ, чтобы самому чувствовать ее во всей ея силѣ. Естьли вы хотите, говоритъ Горацій въ своемъ наставленіи Стихотворству, произвести во мнѣ сожалѣніе, и изторгнуть у меня слезы; то пролейте ихъ сперва сами. Не возможно, скажутъ мнѣ, быть искренно тронуту тѣмъ, что до насъ не касается, и никакого не имѣетъ вліянія на наше состояніе. По крайней мѣрѣ отъ насъ зависитъ занять себя столько предмѣтомъ возбуждаемой нами страсти, что онъ живѣйшимъ образомъ начертается въ нашемъ умѣ; такъ что мы забывши, что онъ въ разсужденіи насъ есть совсемъ посто-

роннее обстоятельство, почитаемъ его собственнымъ своимъ дѣломъ. А въ семъ случаѣ, какъ бы сверьхъ всякаго съ нашей стороны намѣренія, родятся самыя поразительныя изображенія, самыя трогательныя описанія, самое сильное и притомъ не принужденное краснорѣчіе.

Примѣръ возбужденія страстей.

§ 89. Чтобъ имѣть примѣръ на показанныя правила, посмотримъ, какъ Цицеронъ, обвиняя Верреса, правителя Сициліи, возбуждаетъ въ судіяхъ къ нему ненависть, изобразивъ со свойственнымъ великому витіи въ такомъ случаѣ искуствомъ самыя трогательныя и поразительныя обстоятельства Верресова поступка въ наказаніи Римскаго гражданина Гавія. Вотъ слова Цицероновы.

Посреди Мессинской площади сѣченъ былъ розгами Римскій гражданинъ; и между тѣмъ сей нещастный, при несносной своей боли, при свистѣ ударовъ, никакого болѣе не изпускалъ жалобнаго крика, никакихъ не произно-

силъ словъ, кромѣ сихъ: я Римскій гражданинъ. Онъ думалъ, что напоминая о своемъ гражданствѣ прекратитъ всѣ истязанія, и отвратитъ отъ себя всѣ мученія. Однако не только не могъ чрезъ то избавиться отъ болѣзненныхъ ударовъ; но еще между тѣмъ, какъ онъ стеная повторялъ, что онъ гражданинъ, крестъ, крестъ, говорю, приготовляемъ былъ сему нещастливому страдальцу, который никогда до того времени не видалъ толь не ограниченной власти. О сладкое вольности имя! О изящное право быть Римскимъ гражданиномъ! О Порціевъ, о Семпроніевъ законы! О толико желанное и установленное нѣкогда для защищенія правъ Римскаго народа могущество Трибуновъ! Все попранно даже до того, что Римскій гражданинъ на площади союзнаго града всенародно былъ сѣченъ по приказанію того, котораго тотъ же самый Римскій народъ изъ единственнаго къ нему снисхожденія почтилъ первостатейнымъ чиноначальствомъ. . . . Ты не можешъ теперь отрицать, Верресъ, не боявшися прежде явно о семъ говорить, что ты на-

рочно приказалъ воздвигнуть на ономъ мѣстѣ лежащаго при проливѣ града помянутое орудіе казни, дабы тотъ, который называлъ себя Римскимъ гражданиномъ, могъ со креста устремить послѣдніе свои взоры на Италію и на свой домъ. Сей крестъ есть первый, есть одинъ, который со времени самаго основанія Мессины былъ поставленъ на ономъ мѣстѣ; а сіе мѣсто было избрано нарочно для того, дабы нещастный Гавій при своей смерти могъ видѣть, что единый весьма узкій проливъ отдѣляетъ рабство отъ свободы; и дабы Италія со своей стороны увидѣла одного изъ своихъ жителей умирающаго отъ всевозможныхъ мученій, претерпѣваемыхъ отъ самовластія.

Другой примѣръ.

Подобный сему образецъ находится въ Волтеровой трагедіи, Китайской сирота. Дѣйст. II. Явл. 3.

Чингисъ по завоеваніи Китая истребилъ родъ Китайскихъ Императоровъ. Бывшій еще во младенчествѣ сынъ убіеннаго имъ

Императора тайно былъ спасенъ Китайцами, и препорученъ одному чиновнику, по имени Замтїю. Чингисъ, узнавъ о семъ, требовалъ, чтобъ онъ отдалъ ему сего младенца. Замтїй, дабы сохранить сей ввѣренный ему залогъ, и вмѣстѣ выполнить Чингисово приказанїе, вознамѣрился отдать ему своего собственнаго сына, бывшаго такихъ же лѣтъ, назвавъ его Императорскимъ. Жена Замтїева, въ которую прежде влюбленнымъ представленъ у сочинителя Чингисъ, узнавши о томъ, преклоняетъ своего супруга къ сожалѣнїю слѣдующимъ образомъ.

Такъ! мы должны спасти осиротѣвшаго младенца отъ кровожаждущаго побѣдителя; но должны спасти его не цѣною дѣтоубїйства; не жизнїю моего сына должны искупить его жизнь. Я не только не думаю его предать, но еще лечу подать ему помощь; меня снѣдаетъ участь его, участь твоя собственная, участь твоего невиннаго сына, участь любящей тебя его ма-

тери. Нѣтъ! Я болѣе уже не угрожаю; я упадаю къ твоимъ ногамъ. О нещастный отецъ! О любезный и жестокосердый супругъ, для котораго, естьли ты еще можетъ быть не забылъ, я презрила того, коего теперь судьба содѣлала твоимъ повелителемъ! Не отъемли у меня сего сына, не отъемли у меня сей крови, которую не порочнѣйшая любовь образовала въ моей утробѣ: не сопротивляйся сему ужасному и вмѣстѣ нѣжному гласу, которымъ она говоритъ въ твоемъ изступленномъ сердцѣ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О разположеніи, или о различныхъ родахъ Прозаическихъ сочиненій.

О разположеніи вообще.

§ 90. Самыя лучшія мысли, естьли будутъ предложены безъ надлежащаго разположенія, весьма много теряютъ своей цѣны и совершенства. Такое сочиненіе подобно, не правильно и не выгодно устроенному зданію. Составляющія оное части кажутся принадлежащими не одному цѣлому; и сей недостатокъ связности показываетъ въ сочинителѣ недостатокъ разсудка и искуства. Напротивъ сего зрѣло обдуманное разположеніе, соединяя въ одинъ составъ все то, что токмо сочинитель намѣренъ помѣстить въ своемъ словѣ, дѣлаетъ оное однимъ цѣлымъ, однимъ, такъ ска-

зать, тѣломъ; такъ что слушатель, или читатель безъ всякаго затрудненія можетъ непрерывно слѣдовать за сочинителемъ своимъ вниманіемъ отъ начала до конца его слова.

§ 91. Такое разположеніе сочиненія состоитъ вопервыхъ въ надлежащемъ размѣщеніи изобрѣтенныхъ къ матеріи мыслей, а вовторыхъ въ должной ихъ связи. Перваго рода искуство, предостерегая отъ не благоразумнаго и скучнаго иногда повторенія, даетъ каждой мысли приличнѣйшее въ сочиненіи мѣсто; такъ что онѣ кажутся естественно рождающимися одна отъ другой. Впрочемъ мысли, изъ которыхъ писатель намѣренъ составить свое сочиненіе, значатъ иногда слѣдующія одно за другимъ происшествія; иногда такіе предмѣты, изъ которыхъ по порядку одинъ за другимъ занимаетъ мѣсто, или одинъ другаго въ своемъ родѣ совершеннѣе. Благоразумный сочинитель, усмотрѣвъ такое взаим-

Оно состоитъ въ размѣщеніи и въ связи мыслей.

О размѣщеніи мыслей.

ное отношенїе мыслей, сохранитъ его вездѣ, то есть, какъ въ составѣ цѣлаго слова, такъ и въ каждой онаго части. Сего рода размѣщенїе мыслей называется естественнымъ разположенїемъ. Въ противномъ же случаѣ опытный витїя въ размѣщенїи мыслей слѣдуетъ правиламъ здраваго размышленїя, то есть, такимъ образомъ располагаетъ ихъ въ своемъ сочиненїи, что каждая изъ нихъ кажется слѣдствїемъ предъидущей. Такое разположенїе называется искуственнымъ.

О связи мыслей. § 92. Или размѣстивши уже, или во время самаго размѣщенїя мыслей должно ихъ связать между собою, то есть, сцѣпить одну съ другою такимъ образомъ, чтобы нѣсколько относящихся къ одной матерїи простыхъ понятїй, будучи поставлены соотвѣтственно взаимной ихъ зависимости въ разныхъ Грамматическихъ перемѣнахъ, составляли полный Грамматическїй смыслъ: потомъ нѣсколько также къ одному пред-

мѣту относящихся смысловъ, будучи соединены между собою сообразно естественной, или искуственной ихъ связи, дѣлали одну полную рѣчь: наконецъ нѣсколько относящихся равномѣрно къ одному главному предмѣту, или содержанїю слова полныхъ рѣчей, будучи соединены между собою подобнымъ образомъ, составляли одно непрерывное слово, или сочиненїе.

§ 93. Къ усмотрѣнїю взаимной зависимости изобрѣтенныхъ къ матерїи мыслей единственно служитъ здравый разсудокъ; а къ соединенїю ихъ въ одинъ смыслъ сверьхъ основательнаго знанїя Грамматическихъ правилъ весьма много способствуетъ заблаговременный къ Грамматической и Риторической перемѣнамъ навыкъ. Перваго рода перемѣна есть искуство перемѣнять въ смыслѣ слова изъ одной части рѣчи въ другую, или изъ одного падежа въ другой, не перемѣняя содержанїя смысла; перемѣна же Риторическая состо-

О составленїи Грамматическихъ смысловъ изъ присканныхъ къ матерїи мыслей.

О перемѣнѣ Грамматической.

— Риторической.

итъ въ искуствѣ употреблять вмѣсто собственныхъ и простыхъ не собственныя и фигуральныя выраженія безъ всякой также перемѣны мысли. При употребленіи той, или другой перемѣны всегда дѣлаются нѣкоторые въ полнотѣ смысла недостатки, которые пополняя имѣемъ удобнѣйшій случай сцѣпить съ соединенными уже между собою мыслями прочія, имѣющія съ ними связь, и къ той же изобрѣтенныя матеріи мысли.

Примѣръ Грамматической перемѣны.

§ 94. Такая Грамматическая перемѣна будетъ сдѣлана, когда на мѣсто сего предложенія: *праздность рождаетъ скуку*: сказано будетъ такъ: праздность заставляетъ скучать; или, кто проводитъ свое время праздно, тотъ обыкновенно живетъ скучно; или, скученъ всегда тотъ, кто ведетъ праздную жизнь. Равнымъ образомъ въ семъ предложеніи: *праздные люди склонны къ развращенію*: можно перемѣнять именительный падежъ

на другіе слѣдующимъ образомъ: развращеніе есть почти всеобщее праздныхъ людей свойство; или, всѣмъ безъ изъятія празднымъ людямъ свойственно развращаться; или, празднаго человѣка все влечетъ къ разпутству; или, развратность обыкновенно обладаетъ праздными людьми; или, въ праздномъ человѣкѣ всегда видна склонность къ развращенію. Грамматическая перемѣна состоитъ также и въ томъ, когда въ предложеніи глаголъ будетъ перемѣненъ изъ одного или залога въ другой, или изъ наклоненія въ другое наклоненіе. На примѣръ вмѣсто сего предложенія: *любовь приобрѣтается честностію:* будетъ сказано такъ: кто живетъ честно, тотъ приобрѣтаетъ любовь; или, чтобы снискать любовь, то должно во всемъ вести себя честно.

Остается теперь показать примѣръ Риторической перемѣны. Возмемъ прежнее предложеніе: *праздные люди склонны къ развратности:* его можно выразить — Риторической.

таким образомъ: праздность есть преддверіе къ забавамъ, къ сладострастію, къ развратности: или, праздный человѣкъ скорѣе всякаго другаго предается забавамъ, послѣ забавъ сладострастіямъ, послѣ сладострастій разпутству всякаго рода.

Примѣръ Грамматическаго смысла, сдѣланнаго изъ прииСканныхъ къ матеріи мыслей.

§ 95. Такимъ образомъ на основаніи взаимной зависимости, при помощи Грамматическихъ правилъ и перемѣнъ обоего рода соединены между собою изобрѣтенныя въ 45. §. мысли. Матерія, къ которой онѣ тамъ были приисканы, есть слѣдующая: *соболѣзнованіе утѣшаетъ нещастнаго.*

Чувствительное, человѣколюбивое и исполненное истинною къ ближнему любовію сердце, особливо испытавшее нѣкогда надъ собою гоненія суровыя судьбы, сердце пронзаемое соболѣзнованіемъ даже до слезъ, даже до ненависти къ гонителю, при воззрѣніи на подобнаго себѣ, котораго безпокойная зависть и ѣдкая злоба людей, или иногда и собственная своя неосмотри-

тельность, лишивши всего заставила вести въ обществѣ жизнь сопровождаемую безпрестаннымъ стенанїемъ, и не рѣдко малодушїемъ, роптанїемъ и даже отчаянїемъ; при воззрѣнїи на подобнаго себѣ невинно заключеннаго въ темницу, или лежащаго на смертномъ одрѣ посреди рыдающаго своего семейства, посреди цвѣтущїя юности, посреди льстивыя надежды будущаго щастїя; при семъ жалостномъ, говорю, позорищѣ сострадательное сердце, жертвуя нещастному своимъ спокойствїемъ, напрягая всѣ свои силы подать ему возможную помощь, или по крайней мѣрѣ облегчить горесть его благоразумными совѣтами и убѣдительными примѣрами, приноситъ страждущему человѣчеству самую прїятную жертву, исторгаетъ у него радостныя слезы, и рождаетъ въ немъ иногда сладкое забвенїе бѣдственной своей участи.

Нужно примѣтить, что весьма рѣдко бываютъ въ сочиненїяхъ такїе большїе смыслы; но здѣсь здѣланъ единственно для примѣра, какъ должно соединять изобрѣ-

шенныя къ матеріи мысли въ одинъ смыслъ.

Другое правило о составленіи Грамматическихъ смысловъ.

§ 96. Узнавъ, какимъ образомъ соединяются между собою присканныя къ матеріи мысли, необходимо нужно еще узнать, что иногда изъ нихъ на основаніи показанныхъ правилъ составляется одинъ только Грамматическій смыслъ; и въ семъ случаѣ при соединеніи оныхъ наблюдается, дабы въ составленномъ изъ нихъ Грамматическомъ смыслѣ главное содержаніе, то есть, какъ подлежащее такъ и сказуемое, были тѣже самыя, изъ которыхъ состоитъ матерія сочиненія. Иногда же напротивъ сего дѣлается изъ нихъ нѣсколько соединенныхъ между собою, и составляющихъ одну полную рѣчь Грамматическихъ смысловъ; и тогда по большой части въ одномъ только изъ нихъ должно быть тоже подлежащее и тоже сказуемое, какія въ матеріи; а другія смыслы содержатъ въ себѣ или такую

мысль, которая имѣя близкое отношенїе ко всей вообще матерїи служитъ нѣкоторымъ къ ней приступомъ; или такую, которая имѣетъ связь съ одною только частїю другаго въ той же рѣчи находящагося Грамматическаго смысла.

§ 97. Во всѣхъ показанныхъ случаяхъ каждый Грамматическїй смыслъ, называется предложенїемъ Риторическимъ. Тотъ изъ нихъ, въ которомъ тоже подлежащее, и тоже сказуемое, которыя составляютъ матерїю, называется предложенїемъ основательнымъ; напротивъ сего тотъ, который имѣетъ только связь или съ симъ основательнымъ, или съ цѣлымъ другимъ предложенїемъ, называется придаточнымъ: наконецъ такїе смыслы, которыхъ содержанїе имѣетъ видимую связь съ одною только частїю другаго въ той же рѣчи находящагося предложенїя, называются вложенными: поелику онѣ, всегда не посредственно слѣдуя за тою мы-

Предложенїе Риторическое.

— Основательное.

— Придаточное.

—Вложенное.

слїю, съ которою явно соединяются, по большой части бываютъ въ срединѣ другаго смысла.

Что есть перїодъ?

§ 98. Теперь удобно можно понять, что такое Риторы называютъ перїодомъ. Перїодъ ихъ есть не что иное, какъ заключающая въ себѣ полное разсужденїе, и одно главное содержанїе рѣчь, состоящая иногда изъ одного, иногда изъ нѣсколькихъ соединенныхъ между собою Риторическихъ предложенїй, которыя всѣ бываютъ составлены изъ прїисканныхъ къ оному главному содержанїю, то есть, къ матерїи мыслей.

— Простый?

Перїодъ, который состоитъ только изъ основательнаго предложенїя, хотя бы при томъ и было въ немъ еще предложенїе вложенное, называется простымъ или одночленнымъ:

— Сложный?

напротивъ сего когда въ немъ сверьхъ основательнаго будетъ еще одно, или нѣсколько предложенїй придаточныхъ, то сложнымъ.

§ 99. Ораторы во всѣхъ сложныхъ перíодахъ наблюдаютъ сíе благоразумное и во многихъ случаяхъ полезное правило, не предлагать вдругъ главнаго содержанія своего слова, но сперва предуготовить къ тому слушателя какою нибудь постороннею, однако близкою къ ихъ предмѣту рѣчію. Сія часть сложнаго перíода, въ которой ораторъ, не говоря о своей матерíи, предлагаетъ что нибудь такое, что имѣетъ къ ней отношенíе, и тѣмъ самимъ служитъ нѣкоторымъ къ ней приступомъ, называется въ Россíйскихъ Риторикахъ возвышенíемъ, *protasis*: напротивъ сего та часть, въ которой онъ открываетъ слушателю главное содержанíе перíода, пониженíемъ, *apotasis*. Судя по естественной связи, какую должны имѣть въ перíодѣ обѣ сíи части, первая изъ нихъ всегда должна бы первое имѣть мѣсто: однако весьма часто она уступаетъ его второй. На примѣръ: самолюбíе дѣлаетъ человѣка весьма

Сложный перíодъ имѣетъ двѣ части;

Возвышенíе

И пониженíе.

смѣшнымъ; *вотъ пониженїе;* когда оно далеко выходитъ за свои предѣлы. *Вотъ возвышенїе.*

Общїя о составленїи сложныхъ перїодовъ правила.

§ 100. И такъ чтобы составить сложный перїодъ, то ораторъ долженъ вопервыхъ приискать такую близкую къ своей матерїи мысль, которая бы могла предуготовить къ ней его слушателя, то есть, изъ которой бы онъ могъ составить возвышенїе; потомъ назначить сей части перїода должное мѣсто, сообразуяся въ томъ или съ Риторическими о сложныхъ перїодахъ правилами, которыя показаны будутъ ниже, или съ собственнымъ своимъ размышленїемъ; и наконецъ избрать соотвѣтственныя сему размѣщенїю и содержанїю возвышенїя союзы, которыми бы связать сїю часть перїода съ другою. Изъ сего видно, что сложные перїоды бываютъ многихъ и различныхъ родовъ; и сїе единственно отъ того, что къ одной матерїи можно приискать нѣ-

Они бываютъ различныхъ родовъ.

сколько различныхъ между собою мыслей, которыя будутъ имѣть съ нею связь, и могутъ служить къ ней приступомъ, то есть, изъ которыхъ можно составить возвышенїе перїода.

§ 101. Первымъ изъ числа сложныхъ перїодовъ полагается перїодъ винословный. Въ немъ приискавъ къ матерїи причину, составляемъ изъ нее придаточное предложенїе, полагая оное иногда напереди, а иногда позади основательнаго; и въ первомъ случаѣ или никакого не употребляемъ предъ нимъ союза, или полагаемъ союзъ, поелику; предъ основательнымъ же, то есть, въ срединѣ перїода поставляемъ союзъ, то: когда же напротивъ сего основательное предложенїе бываетъ напереди придаточнаго; то всегда токмо предъ симъ послѣднимъ или явно полагается, или подразумѣвается союзъ, ибо, или ему подобные. Перїодъ винословный.

Симъ послѣднимъ образомъ составленъ слѣдующїй перїодъ. Примѣръ.

Просвѣщенные народы, занимайтеся науками: вы имъ одолжены тѣмъ нѣжнымъ и тонкимъ вкусомъ, которымъ вы гордитеся; тѣми вкрадчивыми свойствами, и тою вѣжливостію нравовъ, которыя дѣлаютъ обращеніе ваше столь привлекательнымъ и столь вольнымъ.

Періодъ сравнительный.

§ 102. Когда возвышеніе въ сложномъ періодѣ состоитъ изъ прииcканнаго къ матеріи подобія, или сравненія, или примѣра; то періодъ называется сравнительнымъ. Въ немъ придаточное предложеніе по большой части полагается напереди съ союзомъ какъ, или сколько; а предъ основательнымъ ставится отвѣтствующій союзъ, такъ, или столько. На

Примѣры.

примѣръ: Какъ получившій великую рану сперва отъ единаго къ ней прикосновенія врача содрогается, но потомъ помалу къ сему привыкаетъ, и наконецъ даже проситъ и желаетъ сего пособія: такъ огорченный человѣкъ въ первыя минуты своей печали не терпитъ и не внемлетъ никакимъ утѣшеніямъ, но послѣ того самъ уже ихъ

ищетъ, и наконецъ видя въ нихъ соболѣзнованіе и добродушіе ближняго совершенно успокоевается.

Въ семъ періодѣ возвышеніе состоитъ изъ подобія; а въ слѣдующемъ изъ сравненія. Ежедневное возвышеніе и пониженіе водъ океана не съ большею точностію повинуется теченію свѣтила, озаряющаго насъ во время нощи; какъ участь нравовъ и честности подвержена успѣхамъ наукъ и художествъ.

Періодъ противоположительный.

§ 103. Періодъ противоположительный есть тотъ, въ которомъ возвышеніе состоитъ изъ предложенія противнаго матеріи, то есть, такого, котораго подлежащее противно подлежащему матеріи, а сказуемое ея сказуемому. Сего рода придаточное предложеніе всегда поставляется напереди, и при томъ безъ всякаго союза; предъ основательнымъ же полагается союзъ, напротивъ сего, или другой ему подобный. На примѣръ: Не только не имѣть надежныхъ средствъ къ устроенію благо-

Примѣръ.

денствія, но даже не понимать его; не только не умѣть пользоваться богатыми произведеніями своего отечества, но даже стенать подъ бременемъ нуждъ и недостатковъ; есть обыкновенное состояніе тѣхъ обществъ, которыя или отдаленность ихъ отъ просвѣщенныхъ народовъ, или безпрестанныя войны, или нерадѣніе правителей заставляютъ быть вѣчно образцемъ невѣжества, и слѣдующей за нимъ грубости въ поведеніи, въ воспитаніи, во нравахъ, въ правленіи: напротивъ того благоустроенное состояніе, удовлетворительные законы, извнѣ уваженіе, слава, внутри спокойствіе, изобиліе, суть естественные плоды тѣхъ отважныхъ трудовъ, которыми отличные умы, покоряя намѣренію своему всѣ щастливыя обстоятельства, одобряя примѣромъ, совѣтами, наградою, стараются озарить горизонтъ своего отечества небеснымъ свѣтомъ просвѣщенія.

Періодъ уступительный.

§ 104. Періодъ уступительный, или позволительный есть тотъ, въ которомъ возвышеніе

содержитъ въ себѣ возраженіе, то есть, такую мысль, которая служитъ къ опроверженію матеріи. Дайте матеріи совсемъ противное содержаніе, то есть, естьли сказуемое въ ней будетъ понятіе утвердительное, то поставте предъ нимъ отрицаніе; а естьли въ немъ что нибудь отрицается, то изключите отрицаніе: потомъ изобрѣтите такую мысль, которая бы могла сколько нибудь подтвердить превращенную вами въ противный видъ матерію. Сія причина будетъ возраженіемъ противъ истинной вашей матеріи; и изъ ней составляется возвышеніе, которое полагается иногда напереди, а иногда позади основательнаго предложенія съ союзомъ, хотя, или правда; предъ основательнымъ же въ семъ случаѣ полагается союзъ однако: но когда имъ начинается періодъ, то никакого предъ нимъ не употребляется союза. Между тѣмъ искусные писатели весьма рачительно наблю-

дають, дабы какъ въ семъ періодѣ, такъ и въ прочихъ случаяхъ возраженіе не было сильнѣе отвѣта, который обыкновенно здѣсь содержится въ самой матеріи.

Примѣръ. Примѣромъ можетъ быть слѣдующій періодъ. Частое и при томъ тѣсное обращеніе и вкрадчивые примѣры не рѣдко правда толь сильное имѣютъ во нравы наши вліяніе, что иныя, кажется, даютъ намъ склонности, иныя пристрастія: однако твердо впечатлѣнные на згибахъ сердца слѣды рачительнаго воспитанія ничемъ совершенно заглаждены быть не могутъ; и нѣтъ ни добродѣтели, ни порока, къ которому первыя побужденія не произтекали бы изъ сего всеобщаго източника человѣческихъ нравовъ.

Періодъ условный. § 105. Матеріею періода безъ сомнѣнія должна быть справедливая мысль; но бываютъ такія обстоятельства, въ которыхъ справедливость ея гораздо явственнѣе видна. Такое обстоятельство называется условіемъ;

и изъ него обыкновенно составляется въ условномъ перїодѣ возвозвышенїе, которымъ по произволенїю или начинается, или оканчивается перїодъ, и предъ которымъ въ обоихъ случаяхъ поставляется союзъ, ежели, только бы, или симъ подобный; предъ основательнымъ же, когда оно бываетъ позади, полагается союзъ, то; а когда напереди, то никакого не бываетъ союза. Впрочемъ чтобы приискать къ матерїи показаннаго рода условїе; то поищите въ мысляхъ, не можетъ ли она быть когда нибудь ложною. Сыскавши такой случай, дайте ему противный видъ, то есть, когда въ немъ сказуемое будетъ съ отрицанїемъ, то поставте его безъ отрицанїя, и напротивъ. Такое приисканное, и превращенное въ противный видъ обстоятельство будетъ въ разсужденїи матерїи условїе.

Такимъ образомъ составленъ слѣдующїй перїодъ. Ежели предпринимаешъ такое дѣло, которое ни Примѣръ.

само по себѣ, ни по стеченію какихъ либо обстоятельствъ не будетъ изъ числа не возможныхъ: то будь увѣренъ, что употребивши въ немъ должное прилѣжаніе всегда достигнешъ до вожделѣнной тобою цѣли, не взирая на всѣ препятствія и неудобства.

Періодъ изъяснительный.

§ 106. Сказуемымъ матеріи обыкновенно бываетъ какое нибудь отрицаемое, или приписуемое подлежащему оной свойство, или дѣйствіе. То и другое имѣетъ свои степени, и бываетъ иногда виднѣе, превосходнѣе, или сильнѣе, нежели въ другихъ случаяхъ. Когда приискавши къ матеріи такое обстоятельство, въ которомъ сказуемое оной представляется въ самой высокой степени своего совершенства, составите изъ него возвышеніе; то сдѣлаете періодъ изъяснительный. Въ немъ основательное предложеніе по большой части ставится напереди, и безъ всякаго союза, предъ возвышеніемъ же полагается союзъ, такъ что. Когда же сею частію начинается

перїодъ, то предъ нею также никакого не бываетъ союза; основательное только предложенїе начинается союзомъ, столько, или другимъ ему подобнымъ.

Слѣдующїй перїодъ можетъ быть примѣромъ сихъ правилъ. Уста истиннаго витїи суть органъ вѣщающей къ смертнымъ премудрости, и каждое изходящее изъ нихъ слово есть острѣйшая стрѣла, проницающая человѣческое сердце; такъ что сїе естественное волшебство не рѣдко разполагало, и разполагаетъ мыслями и судьбою цѣлыхъ народовъ, народовъ просвѣщенныхъ, побѣдоносныхъ, надменныхъ своею славою, завоеванїями, законами; не рѣдко оно замѣняетъ многочисленныя войска. Примѣры.

Вотъ другой перїодъ, въ которомъ возвышенїе напереди. Уже давно я не принимался за книгу, за перо; уже давно не знаю, что есть отдохновенїе, успокоенїе, и оное бездѣйственное, однако прїятное состоянїе, чтобы ничего не дѣлать, ничего не знать: столь много я занятъ дѣлами

друзей, которыя не позволяютъ мнѣ удалиться въ свои деревни, и предаться упражненїю въ наукахъ.

Перїодъ относительный.

§ 107. Бываетъ, что возвышенїе сложнаго перїода состоитъ изъ такого предложенїя, въ которомъ разумножено подлежащее матерїи; а пониженїе содержитъ въ себѣ разумноженное сказуемое оной; и обѣ сїи части, изъ которыхъ первою почти всегда начинается перїодъ, бываютъ соединены такъ, что предъ возвышенїемъ будетъ поставлено одно изъ слѣдующихъ словъ, кто, чемъ болѣе, доколѣ, или имъ подобное; а предъ пониженїемъ или тотъ, или тѣмъ болѣе, или дотолѣ, и прочая. Сей перїодъ называется относительнымъ.

Примѣръ.

Такой перїодъ есть слѣдующїй. Кто хотя съ посредственнымъ вниманїемъ войдетъ размышленїемъ своимъ въ порядокъ, стройность и взаимную относительность не только превышающихъ все наше удивленїе своею огромностїю, но и самыхъ малыхъ частей

міра сего: тотъ безъ сомнѣнія долженъ будетъ признаться во глубинѣ своего сердца, что сіе столь величественное произведеніе есть гласъ, возвѣщающій не мнимую силу вымышленной природы, но безпредѣльное всемогущество и премудрость верьховнаго Виновника всѣхъ видимыхъ и не видимыхъ нами вещей.

§ 108. Въ періодѣ соединительномъ возвышеніе состоитъ изъ такого предложенія, которое одного почти бываетъ содержанія съ матеріею; а въ Историческихъ повѣствованіяхъ оно содержитъ въ себѣ подобное матеріи произшествіе: однако когда содержаніе возвышенія будетъ маловажнѣе въ сравненіи съ матеріею, то оно полагается напереди съ союзомъ, не только, а въ пониженіи употребляется отвѣтствующій союзъ, но еще: но когда какъ возвышеніе, такъ и пониженіе будутъ состоять изъ такихъ мыслей, которыя равной между собою важности; то послѣднее

Періодъ соединительный.

всегда полагается напереди, а первое слѣдуетъ за нимъ съ союзомъ, и.

Примѣры. Образцемъ перваго рода сего періода можетъ быть слѣдующій періодъ. Не большая толпа бѣдныхъ горныхъ жителей, полагавшихъ все свое любостяжаніе въ нѣсколькихъ кожахъ животныхъ, не только усмирила гордость Австрійцевъ, но и поразила смертельнымъ ударомъ тотъ богатый и страшный домъ Бургонскій, котораго всѣ Европейскіе Самодержцы трепетали.

Вотъ другаго рода періодъ соединительный. Въ политикѣ, равно какъ и во нравоученіи не дѣлать добра называется великимъ зломъ; и каждый безполезный гражданинъ долженъ быть почтенъ вреднымъ человѣкомъ.

Періодъ послѣдовательный. § 109. Когда возвышеніе періода состоитъ изъ такого предъидущаго обстоятельства, которое относится какъ къ подлежащему, такъ равно и къ сказуемому оной; то періодъ называет-

ся послѣдовательнымъ. Въ немъ возвышенїе по большой части бываетъ напереди съ союзомъ, когда, или какъ скоро; а пониженїе въ семъ случаѣ начинается союзомъ, то; когда же сею послѣднею частїю начинается перїодъ, то оно безъ всякаго поставляется союза.

Примѣромъ можетъ быть слѣдующїй перїодъ. Когда благоразумный трудолюбецъ, предпринимая многотрудное и долговременное какое либо дѣло, разсмотритъ его обстоятельно, измѣритъ свои силы и способности, предусмотритъ всѣ могущїя случиться препятствїя, и предуготовитъ надежныя къ ихъ отвращенїю средства: то не возможно, чтобъ его недремленное раченїе не достигло благоуспѣшнаго окончанїя. Примѣръ.

§ 110. Перїодъ постепенный тѣмъ отличается отъ всѣхъ прочихъ перїодовъ, что въ немъ возвышенїе состоитъ не изъ одного, но всегда изъ нѣсколькихъ придаточныхъ предложенїй, изъ кото- Перїодъ постепенный.

рыхъ каждое содержитъ въ себѣ показаннаго въ вышшемъ §. рода предъидущее обстоятельство, съ тѣмъ однако различїемъ, что оныя обстоятельства должны быть не современныя, но слѣдующїя въ природѣ одно за другимъ произшествїя, которыхъ связь кончится тѣмъ, что составляетъ содержанїе матерїи. Всѣ сїи придаточныя предложенїя не только всегда бываютъ напереди основательнаго, но еще поставляются въ такомъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ одно за другимъ содержащїяся въ нихъ обстоятельства. Первое изъ нихъ имѣетъ союзъ, вопервыхъ; второе, потомъ; третїе, ежели есть, начинается союзомъ, послѣ сего, и такъ далѣе; а основательное, будучи всегда послѣднимъ, имѣетъ союзъ, наконецъ.

Примѣръ. Образцемъ сего можетъ быть слѣдующїй перїодъ. Первыя лѣта человѣческой жизни, при необходимой зависимости отъ другихъ, обыкновенно протекаютъ во мракѣ невѣденїя; по-

томъ развѣрзающіяся душевныя способности мало помалу вводятъ его въ познаніе какъ самаго себя, такъ и окружающихъ его вещей; по мѣрѣ сего просвѣщенія онъ узнаетъ щастіе, выгоды и пріятности жизни; съ сего времени начинаются безпрестанныя движенія и многоразличныя усилія ума и тѣла для приобрѣтенія желаемыхъ благъ; но наконецъ между тѣмъ какъ человѣкъ утопаетъ въ безднѣ своихъ замысловъ, смерть, сей естественный предѣлъ всего, что сотворено, вдругъ пресѣкаетъ всѣ его помышленія, предпріятія и заботы.

§ 111. Въ раздѣлительномъ періодѣ возвышеніе содержитъ въ себѣ такую мысль, которая противорѣча матеріи тогда токмо можетъ быть принята, когда бы не справедлива была матерія. Удобно можно приискать такую мысль, когда давши матеріи противный видъ, какъ показано въ §. 104. выведемъ изъ нее слѣдствіе, которое всегда будетъ противорѣчить содержанію оной. Періодъ раздѣлительный.

Изъ сего слѣдствія составленное предложеніе придаточное всегда полагается напереди; и какъ то, такъ и другое начинаются союзомъ, или.

Примѣръ. Слѣдующій періодъ можетъ быть примѣромъ. Или должно забыть всѣ правила благоразумія, чтобъ отъ одной слѣпой удачи и случая ожидать всего успѣха въ своихъ дѣлахъ, и однѣ желанія полагать на мѣсто трудовъ и усилій: или слѣдуя наставленіямъ ежедневныхъ опытовъ тогда токмо надѣяться увидѣть щастливое окончаніе своихъ предпріятій, когда съ нашей стороны употреблено будетъ все возможное раченіе.

Періодъ смѣшенный. § 112. Въ сочиненіяхъ лучшихъ писателей весьма часто находимъ сложные періоды, содержащіе въ себѣ нѣсколько придаточныхъ предложеній, изъ которыхъ каждое приискано отъ особливаго източника, и особливымъ соединено съ прочими союзомъ. Такіе періоды называются смѣшенными. Главныя въ разсужденіи

оныхъ правила состоятъ въ томъ, чтобы каждое придаточное предложенїе было поставлено въ надлежащемъ мѣстѣ относительно къ тому предложенїю, къ которому оно приискано; и чтобы соединялося съ прочими отвѣтствующимъ содержанїю его союзомъ.

Для примѣра предлагаемъ слѣдующїй перїодъ. Ежели нѣтъ истиннаго благополучїя тамъ, гдѣ безпрестанныя заботы и безпокойства: поелику въ семъ положенїи страхъ потери, или новыя желанїя отравляютъ самыя прїятныя наши удовольствїя; естьли равнодушное токмо сердце есть храмъ ненарушимаго спокойствїя: то между тѣмъ какъ цѣлый почти свѣтъ теряется въ неизходимомъ лабиринтѣ безпрестаныхъ и вмѣстѣ безуспѣшныхъ предпрїятїй и усилїй, не одинъ ли тотъ обладаетъ совершеннымъ щастїемъ въ жизни, кто въ своихъ желанїяхъ не простирается далѣе предѣловъ благоразумной умѣренности? Примѣръ.

§ 113. Когда такой смѣшенный перїодъ будетъ состоять Натуральная рѣчь.

изъ краткихъ и весьма мало размноженныхъ предложенїй, которыя при томъ будутъ соединены между собою по большой части содержащимися въ нихъ мыслями, а не союзами: то онъ называется натуральною рѣчїю.

Примѣръ.

Примѣромъ можетъ быть слѣдующїй перїодъ. Юность есть изображенїе мягкаго воска; дайте воску желаемое образованїе, онъ его сохраняетъ; поставте младый разумъ на пути истиннаго познанїя, онъ по немъ шествуетъ, и шествовать всегда будетъ стараться; начертите на згибахъ юнаго сердца благоразумныя правила, онѣ останутся въ немъ на всю жизнь: предразсужденїя конечно будутъ бороться съ разумомъ, безъ сомнѣнїя страсти нападутъ на сердце; но благовоспитанный человѣкъ при всемъ томъ останется непоколебимъ въ своей нравственности.

Употребленїе перїодовъ.

§ 114. Показавъ правила перїодовъ, теперь слѣдуетъ показать ихъ употребленїе. Впрочемъ

оно само собою явственно. Изъ періодовъ составляются нѣсколько обширнѣйшія сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ когда писатель намѣренъ сколько нибудь разпространиться о своей матеріи; то безъ сомнѣнія столько приищетъ къ ней мыслей, что уже не возможно будетъ помѣстить и связать ихъ въ одномъ періодѣ. Для сего онъ судя по ихъ знаменованію и отношенію къ матеріи, раздѣляетъ ихъ на нѣкоторыя какъ бы отдѣленія; дабы изъ каждаго составить одинъ, или нѣсколько періодовъ. Слѣдственно всѣ они служатъ или къ разумноженію, или къ подтвержденію всегда одной матеріи; и составляютъ одно непрерывное сочиненіе, будучи связаны между собою или соотвѣтственными ихъ содержанію союзами, или посредствомъ такого ихъ частей разположенія, дабы содержащіяся въ двухъ не посредственно слѣдующихъ другъ за другомъ періодахъ такія мысли, которыя сходственнѣе прочихъ

О связи періодовъ.

между собою, стояли одна къ другой, сколько можно, ближе.

Состоящія изъ нѣскольких періодовъ сочиненія.

Состоящія изъ нѣскольких сего рода періодовъ сочиненія суть хріи, письма, Риторическіе силлогизмы, описанія и разговоры.

О хріи.

§ 115. Имя хріи извѣстно однимъ токмо ораторамъ; поелику сіе сочиненіе никогда не выдается въ свѣтъ подъ симъ наименованіемъ; или лучше сказать, хрія есть не что иное, какъ особливый способъ, которымъ располагаются и разумножаются иногда цѣлыя не большія сочиненія, а иногда части большихъ рѣчей. Сей способъ разумноженія состоитъ въ слѣдующемъ. Вопервыхъ сочинитель разумножаетъ въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ матерію. Сіе разумноженіе составляетъ первую часть хріи, называемую предложеніемъ. Потомъ также въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ разумножаетъ приисканную имъ на матерію причину. Сіе дѣлаетъ вторую часть хріи,

которая и называется причиною. Далѣе также въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ разумножаетъ приисканное къ матеріи или отъ противоположенія предложеніе, или возраженіе съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ. Въ семъ состоитъ третія часть хріи, называемая противнымъ. По семъ особливымъ періодомъ разумножаетъ изобрѣтенное иногда къ матеріи, а иногда къ причинѣ подобіе. Сей періодъ есть четвертая часть хріи, называемая также подобіемъ. Приисканный къ матеріи, а иногда и къ причинѣ примѣръ, будучи разумноженъ въ одномъ, или нѣсколькихъ періодахъ, составляетъ пятую часть хріи, называемую примѣромъ. Слѣдующее за нею свидѣтельство, взятое изъ какого нибудь извѣстнаго писателя, съ благоразумною и отвѣтствующею содержанію его словъ ему похвалою, а иногда съ изъясненіемъ оныхъ, есть шестая часть хріи, которая и называется свидѣтельствомъ. Наконецъ

седьмая и последняя часть есть заключенїе, въ которомъ разумножается или выведенное изъ предъидущихъ частей нравоученїе, или вторично, однако совсемъ иначе, нежели въ предложенїи, матерїя всей хрїи.

Примѣръ Хрїи.

§ 116. Примѣромъ такой хрїи можетъ быть слѣдующее разумноженїе сей матерїи: *науки любятъ щастїе.*

Предложенїе.

Когда чрезвычайныя въ человѣческихъ обществахъ произшествїя исторгаютъ ихъ изъ постыднаго состоянїя убожества и безсилїя, слѣдственно презрѣнїя и неизвѣстности: въ то время обыкновенно и разумъ, какъ бы отъ глубокаго сна воспрянувши, возникаетъ изъ мрака той ничтожности, въ которой онъ пребываетъ иногда цѣлыя столѣтїя вмѣстѣ съ человѣкомъ; такъ что въ одно почти время съ благоустроенїемъ государства, съ прiобрѣтенїемъ побѣдъ, славы и богатства открываются рѣдкїя дарованїя, являются великїе умы, и просвѣщенїе на-

чинаетъ торжествовать надъ народными предразсудками, надъ суевѣріемъ, надъ грубостію нравовъ. И такъ пусть щастіе называютъ отравою сердца; пусть твердятъ, что роскошь и развратность слѣдуютъ всегда по стопамъ его; но сіе уродливое его изчадіе рождается токмо въ низкихъ и не чувствующихъ своего достоинства душахъ: а между тѣмъ какъ сіи рабы своихъ страстей теряются въ лучахъ ослѣпляющаго ихъ блаженства, величественный и обладающій собою разумъ, посреди всѣхъ очарованій щастія, возлѣтаетъ выше горизонта обыкновенныхъ чувствованій: тишина и спокойствіе не влечетъ его къ подлой праздности, но служитъ ему благопріятнымъ случаемъ безбѣдственно предаться достойнымъ человѣка упражненіямъ познавать природу и ея Творца; преимущество его предъ другими со стороны славы, побѣдъ и завоеваній не рождаетъ въ немъ ни тщеславія, ни дерзости, но вливаетъ въ него благородную склонность отличить себя также превосходными успѣхами въ образованіи

Причина.

ума; наконецъ богатство, сей идолъ корыстолюбія, дѣлается въ его рукахъ источникомъ наградъ и ободреній, оживотворяющихъ усилія нашихъ способностей. Совершенно противное сему происходитъ съ тѣми народами, которыхъ или завистливая судьба не допускаетъ вознестися выше первобытнаго состоянія, или обыкновенная превратность человѣческихъ дѣлъ низвергаетъ съ высоты благополучія въ прежній мракъ ничтожества: полагать все блаженство свое въ удовлетвореніи токмо необходимостямъ жизни; достойныя жалости и оплакиванія имѣть понятія о самомъ себѣ, о подобныхъ себѣ; съ отвращеніемъ убѣгать удовольствій, предлагаемыхъ природою; страшиться того, что должно привлекать къ себѣ наше удивленіе, любовь и желаніе; однимъ словомъ, не смѣть выйти за предѣлы той слѣпоты, какою страждетъ все общество; вотъ слабое, но истинное изображеніе народа, стенящаго подъ бременемъ нищеты и порабощенія! По сему справедливо можно сказать, что обществен-

Противное.

Подобіе.

ное благоденствіе есть та сильная пружина, которая дает движеніе всѣм способностям разума; и что дышущія единственно щастіем науки подобны тому нѣжному цвѣту, который пред лицем только горящаго свѣтила дня разпускает свои прекрасные листы, но по захожденіи сего благодѣтеля природы заключает паки всѣ свои прелести во внутренность зеленой своей коры. Исторія удостовѣряет нас в сем многочисленными опытами. Египтяне, первые учители Европы, умерли, так сказать, в просвѣщенном свѣтѣ, как скоро содѣлалися жертвою Камбизов, Александров, Августов и Селимов. Побѣдительница Азіи не в одно ли время увѣнчавала лаврами одною рукою Милтіадов, Темистоклов, Епаминондов, а другою Сократов, Демосѳенов? Рим, сіе убѣжище наук по паденіи Греціи, Рим, говорю, не во времена Пирра и Галлов простер к ним свои объятія, но уже по низложеніи Карѳагена, по завоеваніи обширных стран в Европѣ, Азіи и Аф- Примѣр.

рикѣ. Однако краснорѣчіе Цицероновъ, Виргиліевъ, Ливіевъ дотолѣ токмо оглашало стѣны сего побѣдителя полсвѣта, пока въ нихъ не слышанъ былъ еще звукъ оружія грубыхъ Геруловъ и Ломбардовъ, заставившихъ миролюбивыя науки искать себѣ убѣжища на востокѣ. И такъ вездѣ успѣхи разума бываютъ вмѣстѣ съ успѣхами народнаго благоденствія. Руссо, сей просвѣщенный врагъ наукъ, вооружаяся противъ нихъ всѣми силами своего краснорѣчія, вездѣ твердитъ, что онѣ суть произведеніе щастія: а одинъ изъ его противомысленниковъ: я вижу, говоритъ, что науки изливаютъ свои благодѣянія на народы во время величайшаго ихъ благополучія. Онѣ не устрашилися, продолжаетъ онъ, Россійскихъ льдовъ, какъ скоро были приглашены въ сіе сильное государство особеннымъ Героемъ, который былъ, такъ сказать, его творцемъ. Въ самомъ дѣлѣ когда общество обезпечено со стороны необходимостей; когда страхъ внѣшнихъ враговъ не касается его сердца; когда мудрое Правленіе ограждаетъ

Свидѣтельство.

Заключеніе.

его отвсюду безопасностію; когда изобиліе и тишина вездѣ процвѣтають: то къ чему устремять тогда свое вниманіе миліоны благоденствующихъ гражданъ? Изключая легкомысленные умы, не будуть ли прочіе по примѣру Плинія находить и увеселеніе и упражненіе свое въ наукахъ? Ибо ежели свойственно человѣку желать, всегда возвышаться своими совершенствами; то по снисканіи внѣшнихъ удовольствій однѣ низкія сердца не будуть искать способовъ, удовлетворить непобѣдимымъ склонностямъ своего любопытства; дабы изъ храма природы извлечь себѣ новый родъ возхищенія, совершенства и славы.

Хрія Автоніянская.

§ 117. Случается, что матеріею хріи бывають взятыя изъ какого нибудь писателя слова. Въ семъ случаѣ хрія, которая по имени своего изобрѣтателя называется Автоніанскою, вмѣсто показанной первой части, то есть, вмѣсто предложенія, имѣеть двѣ свои части. Въ первой обыкновенно послѣ справедливой и отвѣт-

ствующей содержанію словъ похвалы писателю, полагаются самыя его слова, служащія матеріею хріи; почему и часть сія называется въ Риторикахъ симъ именемъ, слова съ похвалою писателя. Во второй части сей хріи разумножается однимъ, или нѣсколькими періодами содержаніе оныхъ словъ, которое бываетъ уже содержаніемъ всей хріи. За сими двумя частями слѣдуютъ тѣ же самыя части, которыя послѣ предложенія имѣетъ показанная въ вышшихъ §§. хрія.

Примѣръ оя.

§ 118. Для примѣра предлагаются здѣсь только двѣ первыя сей хріи части, которыми она различается отъ обыкновенной хріи.

Слова съ похвалою писателя.

Между отличными творческаго духа произведеніями справедливо должно почитать и тѣ глубокомысленныя нравоученія, которыми на подобіе драгоцѣнныхъ камней сіяютъ изящныя писанія. Читая безподобнаго Виргилія не можно не возхититься пылкими его

изобрѣтенiями, отважными украшенiями, описанiями превосходящими искуснѣйшiя картины: но что скажемъ о тѣхъ Философическихъ наставленiяхъ, которыми сей великiй творецъ не чувствительно поражаетъ разпаленное воображенiе читателя? Что скажемъ на примѣръ о семъ краткомъ его изреченiи: *ничего нѣтъ надежнаго на войнѣ*? Оставивъ другимъ судить о томъ, углубимся въ сiе нравоученiе, войдемъ въ важный его смыслъ. Мы увидимъ, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ не извѣстнѣе, нѣтъ томительнѣе состоянiя, какъ состоянiе войны. Пусть великiе Герои, разсыпая громъ побѣдоноснаго оружiя, устрашатъ тысящи непрiятелей; пусть щастiе способствуетъ ихъ мужеству; разбитъ въ полѣ многочисленный врагъ, подвергаются ихъ повелѣнiямъ цвѣтущiя области и города, обогащается отечество непрiятельскими корыстями: но чтожъ? среди торжествъ, среди трофеевъ, неизвѣстность будущаго снѣдаетъ ихъ сердца; и они содрогаются при единой мысли, что не постоянное щастiе

Изъясненiе словъ.

самыя великія въ свѣтѣ побѣды часто сопровождаетъ примѣрными разбитіями побѣдителей.

Хріи бываютъ не полныя и не правильныя.

§ 119. Предлагая о хріи нужно сказать, что нигдѣ въ лучшихъ сочиненіяхъ не можно найти такой хріи, которая бы имѣла всѣ показанныя части, и при томъ въ такомъ порядкѣ, какой предписывается правилами; но всегда нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ выпущены, нѣкоторыя же вмѣсто того повторяются, а всѣ вообще размѣщены такъ, какъ сочинителю удобнѣе казалося ихъ связать между собою.

Примѣръ.

Вотъ такого рода хрія, взятая изъ рѣчи Борда противъ Руссо.

Храмъ наукъ есть огромное зданіе, которое не можетъ быть окончено, такъ только съ продолженіемъ вѣковъ. Трудъ каждаго человѣка есть маловаженъ въ разсужденіи толь обширнаго произведенія; но трудъ каждаго человѣка къ сему потребенъ. Несущій воды свои въ море източникъ долженъ ли

остановиться при своей вершинѣ, судя о маловажности своей дани? И такъ какую должно воздать похвалу симъ великодушнымъ мужамъ, которые старалися проницать и писать для потомковъ! Собственная наша жизнь не должна быть предѣломъ нашихъ понятій. Мы должны ихъ распространять на жизнь всего человѣческаго рода; должны заслужить то, что мы были въ ней участниками; и должны стараться, чтобъ быстрая минута нашей жизни удостоилася быть замѣчена въ Исторіи онаго.

§ 120. Часто встрѣчается въ сочиненіяхъ еще другой родъ хріи, называемой Риторами искуственною, или превращенною, *chria inversa*. Она также есть не что иное, какъ особливый способъ разумноженія, или лучше сказать, разположенія изобрѣтенныхъ къ матеріи мыслей. Составляющія оную части суть приступъ, предъидущее, союзъ, послѣдующее и заключеніе. Въ предъидущемъ разумножается присканная къ ма-

Хрія превращенная.

теріи причина; въ союзѣ такая мысль, которая подтверждаетъ справедливость предъидущаго, въ послѣдующемъ матерія хріи; а въ заключеніи выведенное изъ ней слѣдствіе. Что касается до приступа, то онъ обыкновенно изобрѣтается не къ матеріи, но къ предъидущему, и состоитъ изъ такого предложенія, которое въ сравненіи съ предъидущимъ должно быть общее; то есть, въ которомъ говорится о такомъ родѣ, подъ коимъ въ числѣ видовъ содержится или подлежащее, или сказуемое предъидущаго.

Примѣръ. Примѣромъ сей хріи можетъ быть слѣдующее разумноженіе сего предложенія: *разумъ въ человѣкѣ всего превосходнѣе.*

Приступъ. Судя по одной наружности человѣкъ есть не что иное, какъ токмо искуснѣйшее изъ всѣхъ движущихся и чувствующихъ вещей твореніе всемогущаго Виновника природы: но когда разсматриваемъ его со стороны душевныхъ способностей; то кажется, что

онъ вмѣщаетъ въ себѣ нѣкоторую искру Божества. Ибо разумъ его, оставляя то, что подлежитъ всеобщему опыту, и вникая въ союзъ такихъ истиннъ, которыя многими степенями превышаютъ общее познанїе, приобрѣтаемое чувствами, простирается выше обыкновеннаго на землѣ знанїя, и съ собою возноситъ, кажется, естество человѣческое превыше состоянїя земнородныхъ. Но, что всего возхитительнѣе для нашего любопытства и самолюбїя, онъ изъ настоящихъ обстоятельствъ предузнаетъ событїе будущихъ вещей. Не одно предсказанїе тщательныхъ Астрономовъ, не одно предусмотрѣнїе важныхъ государственныхъ перемѣнъ, предреченное опытными Политиками, своимъ событїемъ оправдали сїю истинну. И такъ между всѣми способностями человѣческими, и во всей обширности нашего естества едва ли есть что нибудь толь рѣдкое, толь изящное, чтобы могло сравниться съ симъ небеснымъ дарованїемъ, которому все открыто, все покорено въ природѣ. —

Прешедущее.

Союзъ.

Последующее.

Заключение. Усыпленная на ложѣ безбожїя развратность! вникни въ сїю божественную часть человѣка; и тогда лучь истинны озаритъ черныя твои помышленїя; тогда явится тебѣ во всей своей славѣ премудрый вселенныя Зиждитель.

Хрїями пишутся письма и всѣ краткїя рѣчи.

§ 121. Всѣ письма и всѣ краткїя, какъ то благодарственныя, поздравительныя, и симъ подобныя рѣчи въ разсужденїи своего разположенїя и частей наиболѣе суть не что иное, какъ хрїи.

Примѣръ краткихъ рѣчей.

Такимъ образомъ составлена слѣдующая краткая рѣчь, говоренная сыномъ отцу по случаю оказаннаго ему родителемъ важнаго благодѣянїя.

Милостивый государь родитель!

Любить тѣхъ, которые даровали намъ жизнь, есть священный законъ Природы. Какою же любовїю, какою благодарностїю мы обязаны тѣмъ, которые даютъ намъ жизнь благовоспитанную, просвѣщенную, щастливую?

Какою и я съ моей стороны признательностїю могу довольно отвѣтствовать неусыпной вашей обо мнѣ попечительности, милостивый государь родитель! Та самая минута, которая дала мнѣ чувствовать мое бытїе, открыла мнѣ въ васъ моего перваго благодѣтеля. Продолженїе моей жизни есть продолженїе вашихъ ко мнѣ благодѣянїй. Каждый день моего бытїя отличенъ новою вашею ко мнѣ любовїю. Не утомимая съ вашей стороны рачительность о воспитанїи и наставленїи моего сердца и разума, объ устроенїи моего благополучїя пребудетъ вѣчно во глубинѣ моего сердца. Но настоящїй случай есть самый достопамятный въ жизни моей опытъ отеческаго вашего обо мнѣ попеченїя. Чемъ же, милостивый государь родитель, чемъ могу довольно выполнить долгъ моей благодарности? По крайней мѣрѣ моя любовь, мое усердїе, и точное волѣ вашей повиновенїе будутъ всегдашними свидѣтелями искренней моей къ вамъ признательности.

О письмахъ. § 122. Письма, (всѣмъ извѣстное сочиненіе), справедливо можно раздѣлить на три рода, то есть, на ученыя, высокія и низкія, или пріятельскія. Учеными письмами называю я такія, которыхъ содержаніемъ бываетъ относящаяся къ какой нибудь наукѣ, или къ свободнымъ художествамъ матерія. Высокія письма суть тѣ, которыя мы пишемъ къ такимъ особамъ, кои гораздо вышшаго предъ нами состоянія: а низкія, или пріятельскія, которыя пишемъ къ равнымъ себѣ, и при томъ о такой матеріи, которая можетъ быть предмѣтомъ разговора между пріятелями.

–Ученыхъ. § 123. Каждый изъ сихъ трехъ родовъ писемъ имѣетъ свои особливыя свойства и собственныя правила. Въ письмахъ ученыхъ и высокихъ почти всегда одна бываетъ матерія, или главное содержаніе. Но первыя изъ нихъ иногда имѣютъ совершенно такое разположеніе и части, изъ какихъ

состоятъ большія рѣчи, о которыхъ будетъ предложено въ своемъ мѣстѣ; а иногда располагаются такъ, какъ которая нибудь изъ трехъ показанныхъ родовъ хрія. Подтвержденіе и разумноженіе матеріи необходимо почерпается наиболѣе изъ той науки, или художества, къ которому она относится. Размѣщеніе и связь изобрѣтенныхъ къ ней мыслей должны быть основаны вездѣ на правилахъ здравой и опытной Логики; а украшенія съ такою употребляются въ нихъ умѣренностію, дабы онѣ всегда болѣе могли занимать разумъ, нежели воображеніе. Примѣромъ сего рода писемъ могутъ служить три части писемъ покойнаго Г. Профессора Ейлера.

§ 124. Письма высокія большею частію располагаются такъ, какъ превращенная, или искуственная хрія. Намѣреніе письма составляетъ матерію онаго, и разумножается въ послѣдующемъ. Причина, побудившая насъ писать — Высокихъ.

о томъ, предлагается въ предъидущемъ: содержанїемъ союза бываетъ то, по чему мы пишемъ не къ другому кому, но къ сему лицу. Приступъ также составляется изъ общей, приисканной къ предъидущему мысли, или иногда содержитъ въ себѣ тотъ случай, по какому пишется письмо. Наконецъ заключенїе дѣлается изъ желанїй, увѣренїй, обѣщанїй, предложенїя услугъ, и тому подобнаго. Сїи части не всегда показаннымъ слѣдуютъ одна за другою порядкомъ, и при томъ часто нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ повторяемы, или разумножаемы новыми частями. Благоразумїе предписываетъ въ сихъ письмахъ говорить токмо о томъ, что естественно относится къ ихъ содержанїю, и необходимо нужно къ объясненїю, или подтвержденїю онаго. Что касается до украшенїй; то онѣ, изключая однако самыя высокїя, не только употребительны, но даже не рѣдко бываютъ нужны: такъ что съ сей

стороны такія письма походятъ гораздо болѣе на сочиненія, которыя пишутся со всемъ искуствомъ краснорѣчія, нежели на обыкновенныя письма. Однако какъ весьма строго наблюдаемая въ нихъ вѣжливость и почтительность, такъ и употребляемыя украшенія всегда соразмѣряются состоянію того лица, къ которому пишемъ.

§ 125. Для примѣра я предлагаю здѣсь два письма. Первое писано однимъ изъ Правителей Корсиканскихъ къ Жанъ Жаку Руссо, а второе есть отвѣтъ сего Философа. Состояніе Руссово не было столь высоко, чтобы могло требовать писемъ сего рода; но Корсиканецъ, прося его быть законодателемъ своего отечества, пишетъ къ нему, какъ къ особѣ отмѣнныхъ качествъ. Примѣры высокихъ писемъ.

Письмо Корсиканскаго Правителя къ Ж. Ж. Руссо.

Вы въ одномъ изъ своихъ сочиненій говорите о Корсиканцахъ весьма лест-

нымъ для нихъ языкомъ. Такая похвала, когда она происходитъ отъ столь искренняго сердца, каково ваше, весьма способна возбудить соревнованіе и усердіе къ вящшему усовершенію настоящаго блага. Она произвела въ Корсиканскомъ народѣ желаніе, видѣть въ васъ того просвѣщеннаго законоположника, который бы доставилъ ему способы къ сохраненію своего благосостоянія. Безъ хорошихъ уложеній ни одинъ народъ не можетъ льститься надеждою, быть щастливымъ и цвѣтущимъ. Таковыя уложенія весьма удобно, по собственному вашему признанію, могутъ быть введены у насъ. Но для сего нуженъ законодатель; и законодатель такой, который бы имѣлъ такія, какъ вы, начала; который бы до основанія зналъ природу человѣка, и такъ сказать, заготовляя для себя славу будущихъ временъ, согласился трудиться въ настоящемъ вѣкѣ, а въ слѣдующемъ собирать плоды своихъ трудовъ. Благоволите, государь мой, принять на себя, быть такимъ законоположникомъ, и содѣйствовать въ благоден-

ствіи цѣлаго народа, преподавъ ему начертаніе общественныхъ уложеній, какимъ онъ долженъ слѣдовать. Я очень знаю, государь мой, что дѣло, о которомъ я осмѣливаюсь просить васъ, сопряжено съ такими подробностями, которыя требуютъ, чтобъ вамъ совершенно извѣстно было истинное наше положеніе: но естьли вы удостоите принять его на себя, то я не оставлю снабдить васъ всемъ тѣмъ, что токмо нужно будетъ вамъ знать на сей конецъ. Равномѣрно Г. Паоли, Генералъ Корсиканскаго народа, всегда съ особливымъ усердіемъ будетъ доставлять вамъ потребныя для сего свѣденія. Сей достойный военачальникъ, и всѣ тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые въ состояніи пользоваться вашими сочиненіями, искренно участвуютъ въ моемъ желаніи и въ томъ уваженіи, которое толь справедливо имѣетъ къ вамъ вся Европа.

Отвѣтъ Ж. Ж. Руссо.

Совсемъ не нужно, государь мой, возбуждать во мнѣ ревность къ пред-

лагаемому вами труду. Единое о семъ помышленіе меня возхищаетъ. Я увѣренъ, что я не могъ бы благороднѣе, добродѣтельнѣе и блаженнѣе употребить остатокъ моей жизни; и даже заплатить за провождаемое безполезно другими время; ежели бы я могъ сію печальную дней моихъ часть сдѣлать сколько нибудь полезною вашимъ храбрымъ соотечественникамъ; ежели бы я могъ какимъ нибудь спасительнымъ наставленіемъ способствовать видамъ ихъ достойнаго военачальника и вашимъ. Съ сей стороны вы совершенно можете разполагать моею жизнію и моимъ сердцемъ.

Но, государь мой, одна ревность не даетъ намъ средства, и желаніе не составляетъ силъ. Я не намѣренъ въ семъ случаѣ сдѣлать изъ себя глупаго скромника: я чувствую свои способности, но еще болѣе свои недостатки. И вопервыхъ со стороны самаго дѣла, я весьма не достаточенъ въ свѣденіи касательно качествъ народа и страны, въ свѣденіи необходимомъ, и для приобрѣтенія котораго вы должны будете

доставить мнѣ великое множество наставленій, объясненій, замѣчаній, и прочая; а я долженъ буду премного узнавать и размышлять. Вовторыхъ въ разсужденіи меня самаго, я не имѣю уже той молодости, тѣхъ спокойныхъ мыслей, того не изнуреннаго печалію сердца, того твердаго разсудка, который однако и въ тѣхъ, кои его имѣютъ, съ лѣтами и отъ огорченій ослабѣваетъ; я не имѣю здравія, не имѣю времени; будучи подверженъ не излѣчимой и жестокой болѣзни, не могу надѣяться увидѣть конецъ толь долговременнаго труда, къ продолженію котораго одно ожиданіе успѣха можетъ ободрять: наконецъ я не имѣю опытности, которая гораздо болѣе, нежели всѣ размышленія, можетъ наставить насъ тому знанію, какъ должно управлять человѣкомъ.

Когда бы я не столько былъ слабъ, то бы сказалъ самъ себѣ: поѣду въ Корсику; проживъ шесть мѣсяцевъ въ сей странѣ болѣе узнаю, нежели прочитавъ сто книгъ о семъ. Но какъ возможно мнѣ предпринять толь труд-

ное, толь далекое путешествіе въ настоящемъ моемъ состояніи? Могу ли я его совершить? Положимъ, что я его предприму; тысячи препятствій могутъ остановить меня на пути; морской воздухъ ускоритъ разрушить мое бытіе прежде моего прибытія; однимъ словомъ, я вамъ признаюся, что я хочу умереть посреди своихъ соотечественниковъ.

Позвольте мнѣ еще сказать вамъ. Толь важное дѣло должно быть весьма многотрудно и для человѣка совершеннаго здравія. Прежде нежели я свое сочиненіе представлю на разсмотрѣніе народу и его Правителямъ, я хочу самъ быть онымъ доволенъ. По сему я не могу издавать его по частямъ. Оно должно быть неразрывно; и не возможно судить о немъ по его отдѣленіямъ. И такъ быть въ состояніи его начать, есть дѣло для меня не маловажное; сіе значитъ сдѣлать великій шагъ къ его окончанію.

Впрочемъ я не съ тѣмъ дѣлаю вамъ, государь мой, сіи возраженія, чтобы отрещися отъ вашихъ предложеній, но

чтобы подвергнуть оныя вашему и Г. Паоли разсмотрѣнїю. Я увѣренъ, что сродное вамъ обоимъ добросердечїе не захочетъ, дабы я изъ любви къ вашему отечеству употребилъ малый остатокъ моей жизни на такїе труды, которые ни къ чему не будутъ полезны.

Различные роды высокихъ писемъ.

§ 126. Письма высокїя, судя по различїю матерїй, какїя бываютъ ихъ содержанїемъ, раздѣляются на различные роды; но употребительнѣйшїя изъ нихъ суть письма просительныя, благодарственныя и поздравительныя. Вообще въ нихъ весьма много зависитъ отъ изобрѣтенїя: ибо нѣтъ ничего скучнѣе, какъ наполненное извѣстными и приличными всѣмъ подобнымъ между собою случаямъ мыслями письмо. Напротивъ того самыя лучшїя, самыя поразительныя мысли въ нихъ суть тѣ, которыя тамъ токмо хороши, гдѣ онѣ употреблены. Какъ же онѣ изобрѣтаются? Безъ сомнѣнїя тотъ можетъ ихъ изобрѣсти, кто подробно и живо во-

образить себѣ всѣ частныя обстоятельства того дѣла, о которомъ пишетъ.

О письмахъ просительныхъ.

§ 127. Твердыя и убѣдительныя мысли, отборныя, вкрадчивыя и сильныя выраженїя составляютъ особенное совершенство просительныхъ писемъ. Все въ нихъ должно преклонять къ нашей пользѣ того, кого просимъ; и потому сочинитель ихъ вездѣ примѣняется къ его нраву и мыслямъ; наблюдая однако, дабы въ его похвалахъ, которыя въ семъ случаѣ почти необходимы, ни мало не видно было ласкательства.

— Благодарственныхъ и поздравительныхъ.

Напротивъ сего искренность мыслей есть главное совершенство благодарственныхъ и поздравительныхъ писемъ. Когда въ самомъ дѣлѣ мы чувствуемъ всю важность оказаннаго намъ благодѣянїя; или когда чистосердечное принимаемъ участїе въ благополучїи того, кого поздравляемъ: въ такомъ случаѣ, такъ сказать, изъ самаго сердца изливаются такїя мысли и выра-

женія, которыя весьма достаточны къ убѣжденію того, къ кому пишемъ. Одного только надобно остерегаться, чтобы слѣдуя своему восторгу не быть весьма пространнымъ; поелику сего рода письма бываютъ по большой части кратки. Но нѣтъ по моему мнѣнію скучнѣе тѣхъ писемъ, которыя пишутся изъ одной благопристойности: въ нихъ по необходимости должно изобрѣтать все отъ общихъ въ семъ случаѣ источниковъ. По сему главное ихъ совершенство состоитъ въ томъ, естьли онѣ имѣютъ новое что нибудь въ разсужденіи или мыслей, или выраженій, или украшеній.

§. 128. Письма пріятельскія суть такое сочиненіе, котораго главное совершенство состоитъ въ естественной простотѣ и вольности какъ въ изобрѣтеніи и расположеніи мыслей, такъ и въ самыхъ выраженіяхъ. Не должно однако думать, чтобъ онѣ не принимали никакихъ украшеній. Не — Пріятельскихъ.

рѣдко мы въ нихъ находимъ такія мысли, такія описанія, такія украшенія, которыя плѣняютъ и даже иногда возхищаютъ воображеніе. Для увѣренія себя въ томъ стоитъ только прочитать приступъ Волтерова письма о свойствахъ Италіанскаго языка; или письмо Рускаго путешественника о Парижскихъ театрахъ во второй книжкѣ Аглаи стр. 120. Впрочемъ всѣ сіи красоты бываютъ того рода, какія только могутъ быть употребительны въ личномъ обращені между людьми просвѣщенными. Что касается до правилъ, то сочинители въ сихъ письмахъ слѣдуютъ имъ такимъ образомъ, что весьма рачительно скрываютъ сіе искуство. Читая такое письмо кажется, что оно составлено безъ всякихъ правилъ, и что сочинителю нужно было только знать обстоятельства того дѣла, о которомъ онъ пишетъ. Съ другой стороны ежели весьма примѣтное краснорѣчіе дѣлаетъ порокъ въ сихъ письмахъ;

то не менѣе безобразятъ ихъ низкія и свойственныя простому народу мысли, чувствованія, слова и выраженія, особливо погрѣшности противъ правилъ языка. Все сіе даетъ не выгодное понятіе о сочинителѣ въ разсужденіи его воспитанія и сердца.

§ 129. Сіи письма иногда одно только имѣютъ главное содержаніе, а иногда заключаютъ въ себѣ нѣсколько разнаго рода матерій. Впрочемъ все то, что можетъ быть предмѣтомъ разговора между пріятелями, можетъ быть также содержаніемъ писемъ сего рода. Мы въ нихъ совѣтуемъ, увѣдомляемъ, просимъ, выговариваемъ, изъявляемъ соболѣзнованіе, и прочая. Должно сказать, что каждая изъ всѣхъ показанныхъ родовъ матерія имѣетъ, такъ сказать, свои собственныя правила, и что отъ наблюденія ихъ зависитъ, дабы письмо было трогательно и убѣдительно: но всѣ сіи правила вообще состоятъ въ томъ,

О письмахъ одного содержанія.

дабы во всемъ, что только содержитъ въ себѣ письмо, видно было приличное просвѣщенному и опытному человѣку благоразумїе; и чтобы все почерпнуто было изъ существенныхъ обстоятельствъ того дѣла, о которомъ пишемъ. Между тѣмъ всѣ сїи письма располагаются, подобно высокимъ, по большой части превращенною хрїею; и также нѣкоторыя части въ нихъ бываютъ выпущены, нѣкоторыя же повторяемы.

Примѣры писемъ одного содержанїя.

§ 130. Для примѣра я предлагаю здѣсь два письма; одно содержащее въ себѣ выговоръ, и писанное матерїю къ дочери; а другое содержащее въ себѣ совѣтъ, и писанное однимъ прїятелемъ къ другому.

Письмо, содержащее выговоръ.

Помпадуръ. Том. III. пись. 33.

Я получила касательно васъ такое письмо, которое меня огорчаетъ. Ко мнѣ пишутъ, что вы поступаете вы-

сокомѣрно и повелительно со своими подругами, и что оказываетеся весьма не послушливою. Почто оскорбляете сердце своей матери? Для чего ее приводите въ печальную необходимость жаловаться на васъ? Я столько разъ наставляла васъ быть кроткою, скромною и ласковою; поелику сїе есть единственное средство угодить Богу и людямъ. Не уже ли вы такъ скоро забыли мои наставленїя? Не уже ли вы хотите мать свою привести въ необходимость краснѣть отъ васъ? Я надѣюся, что вы перемѣните свои поступки изъ уваженїя ко мнѣ и къ вамъ самимъ. Оставте высокомѣрїе; оно не прилично никому, а еще менѣе всѣхъ вамъ. Ежели я васъ воспитала такъ, какъ Принцессу; то помните, что вы весьма далеки отъ того, чтобъ быть дѣйствительно такою. То самое щастїе, которое меня возвысило, можетъ перемѣниться, и сдѣлать меня нещастнѣйшею въ свѣтѣ женщиною. Въ семъ случаѣ вы будете тоже, что и я, то есть, ничто. Прощайте, любезная дочь. Вы знаете, что я дышу единственно для васъ. Естьли вы обѣ-

щаетеся и оправиться, я васъ прощаю и обнимаю.

Письмо совѣтъ содержащее.

Плиній. кн. 7. лисъ. 3.

Возможно ли такъ долго жить то въ Луканіи, то въ Кампаніи? Сами вы, говорите, изъ Луканіи, а супруга ваша изъ Кампаніи. Такъ! вы имѣете справедливую причину отлучаться изъ Рима на долгое время, однако же не навсегда. Для чего бы не пріѣхать иногда въ столицу? Здѣсь достоинства, чести, обращеніе съ вышшими и нижшими. Долго ли вы будете жить, какъ Государь? Не спать столько, сколько угодно? Ходить всегда въ домашнемъ платьѣ? Никогда не надѣвать наряднаго? Во весь день читать только книгу? Время уже увидѣть и нашу скучную жизнь; хотя для того только, чтобъ оныя удовольствія отъ избытка не потеряли своей цѣны. Примите трудъ объѣздить нѣсколько домовъ съ почтеніемъ; чтобъ тѣмъ пріятнѣе показался пріѣздъ къ вамъ другихъ. Примите безпокойство побыть

нѣсколько въ семъ многолюдствѣ; чтобъ тѣмъ болѣе могло увеселить васъ уединенiе. Но, (какая глупость!) я еще болѣе останавливаю васъ, убѣждая сюда прiѣхать. Можетъ быть сiи самыя причины и заставляютъ васъ сколько можно долѣе наслаждаться спокойною жизнiю. Но я совѣтую вамъ на время только, а не навсегда ее оставить. Когда бы я давалъ вамъ столъ; то бы непремѣнно между сладкими ѣствами поставилъ нѣсколько блюдъ съ кислыми и пряными; чтобъ онѣ помогли варить вашему желудку, когда онъ будетъ засоренъ и отягченъ первыми. Такъ точно по моему мнѣнiю протекающую въ непрерывныхъ удовольствiяхъ жизнь должно иногда какъ бы приправлять нѣкоторыми пряностями.

§ 131. Когда въ прiятельскомъ письмѣ мы пишемъ не объ одномъ, но о нѣсколькихъ различнаго рода дѣлахъ; въ такомъ случаѣ каждая часть письма, имѣющая свое особливое содержанiе, составляется такъ, какъ цѣлое одного содержанiя письмо; съ тѣмъ однa-

О письмахъ различнаго содержанiя.

ко, что весьма рѣдко можно найти въ которой нибудь изъ нихъ полную превращенную хрію. При томъ сіи части письма тогда только бываютъ связаны между собою, когда ихъ содержанія имѣютъ естественное между собою отношеніе; въ противномъ же случаѣ оставляются лучше безъ всякой связи. Причина сего весьма видна; то есть, что одни только искренніе пріятели, или весьма знакомые люди пишутъ другъ къ другу сего рода письма; и что по сему въ нихъ всего менѣе должно быть примѣтно какое нибудь искуство.

Примѣръ.

§ 132. Примѣромъ можетъ быть слѣдующее письмо. *Помпадуръ. Том. I. лисъ.* 25.

Вы весьма щастливый посланникъ; потому что вы всегда присылаете къ намъ хорошія извѣстія. Меня плѣняютъ ваши Голландцы; они прямо отказали дать шесть тысячь войска, которыхъ отъ нихъ требовали. Сіе рѣшеніе ихъ благоразумно и намъ весьма

полезно. Между тѣмъ можно думать, что въ семъ дѣлѣ не льзя было бы ожидать толь скораго успѣха, естьли бы живъ былъ престарѣлый Штатгалтеръ. Судя по разположенїю его мыслей онъ былъ Агличанинъ; сверьхъ сего былъ женатъ на Агличанкѣ; и великая сила, какую дала ему послѣдняя перемѣна государства, была бы для насъ опасна. Но онъ уже умеръ, сынъ его малолѣтенъ; а Голланцы занимаются однимъ корыстолюбїемъ. Я весьма радуюсь, предвидя отъ того какъ ихъ, такъ и собственныя наши выгоды.

Швейцарцы получили повелѣнїе быть въ готовности къ походу въ Германїю; и они на сїе ропщутъ. Странное дѣло, что они всегда употребляютъ происки, когда надобно бываетъ переходить за Рейнъ. Послѣднїй Король ихъ довольно приучилъ къ тому; но они болѣе о томъ не помнятъ. Впрочемъ ихъ добропорядочная служба всегда получаетъ хорошую награду. Г. Ноелль говаривалъ, что они будучи во Французской службѣ болѣе получили Луидоровъ, нежели сколько пролили каплей крови.

Ваше Сіятельство, будучи родомъ изъ Швейцаріи, конечно сему не повѣрите; однако посовѣтуйте своимъ соотечественникамъ поступать благоразумнѣе. Безъ сомнѣнія вы столько же власти будете имѣть надъ ихъ сердцами, сколько и надъ Голландцами.

Купленныя вами для меня картины, превосходной работы, а особливо Павелъ Веронскій. Король имъ по справедливости удивлялся первый, а послѣ него и всѣ, которые ихъ видѣли. Но какимъ случаемъ сіи произведенія художествъ зашли въ Голландію? И не иначе какъ шелковые товары были продаваемы тамъ купцами? Я благодарю васъ за сіе стараніе, и прошу его въ разсужденіи меня продолжать.

Вы хотѣли бы, говорите, побывать во Франціи для поправленія своихъ дѣлъ. Король охотно бы вамъ сіе позволилъ; но онъ почитаетъ, что сія ваша отлучка не сообразна съ настоящимъ положеніемъ государственныхъ дѣлъ. Примите не большое терпѣніе, и будьте увѣрены, что я не опущу

перваго встрѣтившагося мнѣ случая доставить вамъ сїе удовольствїе.

Какъ вы проводите время съ вашими Голландцами? Умѣютъ ли они жить весело? Способны ли смѣяться, забавляться и забывать хотя на нѣсколько минутъ о своихъ прибыткахъ? Я думаю, что въ сей странѣ жизнь должна быть весьма скучна; и сїе меня относительно къ вамъ безпокоитъ. Но я знаю, что вы лучше любите заниматься дѣлами, нежели забавами.

О письмахъ отвѣтственныхъ.

§ 133. Когда должны бываемъ отвѣтствовать на полученное нами письмо; то благоразумїе предписываетъ во всемъ сображаться съ письмомъ упредительнымъ. Естьли оно было различнаго содержанїя, въ такомъ случаѣ на каждую его часть должно отвѣтствовать особливою частїю: когда же писано объ одномъ какомъ нибудь дѣлѣ; то главная мысль, составляющая нашъ на оное отвѣтъ, разумножается точно такъ, какъ письмо одного содержанїя. Однако письма сего рода от-

лично красивы и пріятны бывают тогда, когда каждая ихъ часть есть не что иное, какъ отвѣтъ на такую же часть письма упредительнаго. Примѣръ можно видѣть въ §. 125.

О Риторическихъ силлогизьмахъ.

§ 134. Не рѣдко случается, что краткія рѣчи, и части большихъ рѣчей бываютъ разположены такъ, что составляютъ какой нибудь силлогизьмъ, котораго каждая часть бываетъ разумножена по правиламъ Риторики, отъ чего и сіи силлогизьмы называются Риторическими. И такъ когда хотимъ изъ приисканныхъ къ матеріи мыслей составить сего рода силлогизьмъ; то нужно сперва сдѣлать его по правиламъ Логики безъ всякаго разумноженія и украшенія; а потомъ изъ каждой его части сдѣлать какого нибудь рода хрію; и всѣ сіи его части, размѣстивъ по произволенію, связать между собою. Я намѣренъ здѣсь показать употребительнѣйшіе токмо въ Риторическихъ со-

чиненіяхъ силлогизьмы. Они суть правильные, такъ называемые наведенія, двучленные и многосложные.

Для составленія правильнаго силлогизьма нужно къ матеріи приискать причину, и сперва соединить ее со сказуемымъ оной, изъ чего выдетъ первое предложеніе, называемое въ семъ случаѣ первою посылкою: потомъ ту же самую причину соединить съ подлежащимъ матеріи; сіе второе предложеніе называется второю посылкою; послѣ сего полагается матерія, которая составляетъ третіе предложеніе, называемое заключеніемъ. — Правильныхъ.

§ 135. Пусть будетъ слѣдующая матерія: *завистливый человѣкъ всегда безпокоенъ*. Причиною можетъ быть то, что зависть есть порокъ. И такъ первою посылкою будетъ сіе предложеніе: *порочный человѣкъ всегда безпокоенъ*; второю: *зависть есть порокъ*; заключеніе должно

Примѣръ правильныхъ силлогизьмовъ.

состоять изъ матерїи. Для примѣра всѣ сїи три части силлогизьма разумножены здѣсь по правиламъ Риторическимъ.

Первая посылка.

Весьма справедливо одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ Стихотворцевъ, которыхъ искусное перо споспѣшествовало славѣ Россїйской учености, говоритъ устами тиранна:

Злодѣйская душа спокойна быть не можетъ.

Ибо сколь ужасное представилося бы нашимъ очамъ позорище, когда бы возможно было проникнуть во глубину законопреступныхъ сердецъ. Мрачная темница злыхъ духовъ довольна только изобразить намъ то состоянїе, въ которое приводятъ ихъ справедливыя угрызенїя совѣсти. О коль дорого стоятъ имъ тѣ мнимыя удовольствїя, которыми льститъ ослѣпленному разуму обманчивая наружность пороковъ! Когда успокоится пылкая стремительность наглыхъ страстей, которыя вовлекли ихъ въ сїю бездну; когда изчез-

вутъ буйственныя предубѣжденія, сей источникъ многочисленныхъ преступленій; и когда священная истинна, озаривъ ихъ заблудшій разумъ, откроетъ имъ всю гнусность ихъ дѣлъ: увы! единыя мученія бываютъ тогда ихъ жребіемъ. Представленіе прошедшаго терзаетъ ихъ разкаяніемъ; настоящее состояніе угнѣтаетъ стыдомъ и презрѣніемъ; а будущее грозитъ совершеннымъ отчаяніемъ. Поелику пренебреженіе святѣйшей воли Творца, утѣсненіе общихъ пр въ человѣчества, нарушеніе собственныхъ своихъ выгодъ, соединившися въ единой точкѣ ихъ беззаконныхъ дѣяній, заставляютъ ихъ укорять себя и неблагодарностію предъ Виновникомъ своего бытія, и несправедливостію въ разсужденіи подобныхъ себѣ, и нерадѣніемъ о своемъ благополучіи. Вотще утомленныя терзаніями ихъ мысли ищутъ нѣкоторой отрады въ суетныхъ забавахъ. Ни окружающее ихъ великолѣпіе со мнимыми пріятностями затѣйливой роскоши, ни высокія ихъ достоинства со множествомъ ползаю-

щихъ предъ ними льстецовъ, не могутъ во внутренности ихъ возстановить того сладкаго спокойствія, которымъ наслаждаться всегда, единой добродѣтели опредѣлили праведныя Небеса. Часто являющееся Нерону привидѣніе убіенной имъ матери, хотящей его наказать достойно, по согласію всѣхъ разумныхъ людей есть не что иное, какъ произведеніе смущеннаго беззаконіями его воображенія. Подобная участь рано, или поздно постигаетъ всѣхъ предавшихся злодѣяніямъ. Ибо сколько бы ни были развращены ихъ сердца; но въ щастливыя минуты здраваго разсужденія не могутъ они не видѣть всей красоты добродѣтели, не могутъ не чувствовать въ себѣ признательности къ закону и любви къ истиннѣ.

Вторая посылка.

Но можетъ ли быть что нибудь не сходственнѣе съ естественными и гражданскими правами, какъ сокрушаться во глубинѣ своего сердца, взирая на благополучіе другихъ? Природа произ-

водитъ человѣка миролюбивымъ и дружественнымъ; онъ родится въ нѣдрѣ общества; его слабости и нужды требуютъ помощи другаго: но всѣ сіи предначертанія къ нашему благоденствію разстроеваетъ постыдная зависть. Зависть погашаетъ въ насъ свѣтильникъ здраваго разума; возбраняетъ услышать гласъ справедливости, гласъ любви къ ближнему; подавляетъ сѣмена благодарности; заглаждаетъ слѣды чистосердечія и кротости; не чувствуетъ сострાданія; не знаетъ дружества; не имѣетъ пріятнаго удовольствія участвовать въ благополучіи другаго; однѣ страданія и слезы ближняго составляютъ ея единственное веселіе; часто благосостояніе цѣлыхъ обществъ, цѣлыхъ семействъ, цѣлыхъ народовъ бываетъ жертвою сего идола злобныхъ сердецъ. Зависть довела цвѣтущій Римъ до опасности совершеннаго паденія, а щастливый Карѳагенъ не возвратно погубила. Вотъ слѣдствія сей гнусной страсти! Чемъ же можно болѣе оскорбить правосудіе Творца, и навлечь на себя праведный его гнѣвъ?

Заключенїе.

Но хотя бы умолкъ громъ Небеснаго мщенія; завнсть, злобная зависть сама по себѣ есть ужасное наказанїе. Щастливый въ наши времена испытатель человѣческихъ страстей такими описываетъ ее словами: зависть, говоритъ, судя по мрачнымъ ея желанїямъ есть лютѣйшїй и вмѣстѣ упорнѣйшїй даже до безчеловѣчїя порокъ, вонзающїи ядовитую стрѣлу въ наше сердце; зависть есть бичь разума. Гордость въ нѣдрѣ безумія даровала ей бытїе. Ничто не можетъ ни умягчить, ни просвѣтить ее. Достоинства другихъ суть то бремя, которое угнѣтаетъ ее. Но, завистливыя сердца! продолжаетъ тотъ же Философъ, коликихъ бѣдствїй дѣлаетеся вы жертвою! Общая радость есть ваше страданїе. Сообщества для васъ отвратительны; прїятнѣйшая пища въ упоенныхъ желчїю вашихъ устахъ есть для васъ ядъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ мучительнѣе состоянїя, какъ завистливыхъ. Все, кромѣ нещастїя ближняго, ихъ

оскорбляетъ. Въ томномъ ихъ воображенїи безпрестанно мечтается мнимое недостоинство другихъ; они ропщутъ на слѣпоту судьбы; избираютъ изощренныя ихъ злобою стрѣлы для уязвленїя своихъ собратїй. Произходящее отъ сего негодованїе, робкая недовѣрчивость, и сокровенный нѣкоторый страхъ заставляютъ ихъ укрываться во мрачномъ уединенїи; лишаютъ удовольствїя откровенности; отгоняютъ отъ ихъ очей сладкїй сонъ, сїе благодѣющее смертнымъ божество; или по малой мѣрѣ возмущаютъ его ужасными видѣнїями. По чему весьма справедливо говоритъ Римскїй Пиндаръ, что нѣтъ никого въ свѣтѣ справедливѣе, какъ зависть. Ибо по мѣрѣ ея власти надъ нашими сердцами возрастаетъ въ насъ душевная скорьбь и страданїе. Но я признаюсь, что не сносно иногда кажется, видѣть людей безъ всякаго достоинства, однимъ ласкательствомъ, однимъ пронырствомъ составившихъ свое благополучїе; что сїе негодованїе есть общая наша слабость. Но извинительна ли такая

слабость, которая удаляетъ насъ отъ здравыхъ разсужденій и наблюденія законовъ? Не безуміе ли сѣтовать на то, что другой пороками достигъ своего щастія? Не беззаконіе ли, стараться въ томъ ему подражать? Всякой стоитъ на пути своего благополучія: шествуй токмо прямою стезею; не занимайся тщетнымъ разсматриваніемъ своихъ сопутниковъ: сіе равнодушіе скорѣе приближитъ тебя ко храму твоего благополучія.

О наведеніи.

§ 136. Для составленія силлогизьма называемаго наведеніемъ должно подлежащее матеріи раздѣлить на содержащіеся подъ нимъ виды, естьли оно будетъ родъ; или на части, когда оно будетъ цѣлое; и потомъ каждый видъ, или каждую часть соединять со сказуемымъ оной: всѣ сіи предложенія будутъ не что иное, какъ посылки, за которыми должно слѣдовать заключеніе, состоящее изъ матеріи силлогизьма, которое однако ораторами поставляется по произволенію.

Такимъ силлогизьмомъ одинъ изъ нашихъ Проповѣдниковъ разумножаетъ сїю мысль: *добродѣтель достойна нашей любви и уваженїя.* Примѣръ.

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненїе всѣхъ тѣхъ отношенїй, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено ли оно къ человѣку? На немъ сїяютъ сїи сердечныя мысли: се ближнїй мой! я люблю его, яко самаго себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманїе къ собственнымъ достоинствамъ и обязанностямъ: азъ есьмь церьковь Бога живаго; прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлесѣ моемъ. Добродѣтель и въ свѣтѣ просвѣщенїя тѣмъ сїятельнѣе; она блистательна и среди мрака заблужденїй. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ, да будетъ истинна и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ Порфирѣ; она и въ ру-

бищахъ любезна. Преславная подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ: достойна во храмѣ у священнаго олтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія; дабы повергнуться предъ нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божіи; дабы прославить премудрость его. Познаетъ совершенства Господа своего; дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. Любитель мудрости уже есть нѣчто большее, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха: но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его не порчны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепрія-

тія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ, мирно яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ во плѣнъ рабства чувственныя прелести. . . .

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ щастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ не восперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю.

§ 137. Силлогизмы двучленные дѣлаются такимъ образомъ. О силлогизмахъ

двучленныхъ.

Поставте матерію съ союзомъ ежели, давши ей противный смыслъ, и по семъ выведите изъ нее два противныя одно другому слѣдствія, которыя съ матеріею должно соединить союзомъ то, а предъ каждымъ изъ нихъ поставить союзъ или; все сіе будетъ составлять первую посылку. По семъ поставте также съ союзомъ ежели первое изъ двухъ показанныхъ слѣдствій, и выведши изъ него новое слѣдствіе, соедините его съ онымъ союзомъ то: послѣ сего тоже сдѣлайте со вторымъ содержащимся въ первой посылкѣ слѣдствіемъ. Оба сіи условныя предложенія составляютъ вторую посылку. Заключеніе, которое въ силлогизмѣ должно всегда состоять изъ матеріи, въ семъ случаѣ почти всегда подразумѣвается. Вообще о семъ силлогизмѣ нужно замѣтить, что онъ наиболѣе употребляется въ такихъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ требуется болѣе твердости и убѣдительности мыслей, нежели

украшенiй; и что въ немъ строго наблюдается, дабы показанныя слѣдствiя не токмо были самыя ближайшiя изъ всѣхъ, какiя можно вывести изъ тѣхъ предложенiй, изъ которыхъ онѣ выведены; но еще въ первой посылкѣ столько бы одно другому были противны, что принявъ одно изъ нихъ за справедливое, другаго никакъ не можно было бы почесть такимъ.

Примѣръ.

Такой силлогизмъ находится у Курцiя кн. 5. гл. 5. Когда Александръ приближался къ одному Персидскому городу; то вышли ему на встрѣчу около четырехъ тысячь Грековъ, которые бывши въ плѣну у Персовъ, были всѣ изувѣчены отъ нихъ разными карами. Александръ послѣ сожалѣнiя о ихъ нещастiи отдаетъ имъ на волю, возвратиться въ Грецiю, или остаться навсегда въ Персiи, обѣщавъ имъ въ послѣднемъ случаѣ дать выгодныя для поселенiя мѣста. Одинъ изъ нихъ, убѣждая своихъ

сотоварищей не выходитъ изъ Персіи, такъ между прочимъ говоритъ.

Появши по необходимости здѣсь другихъ женъ, которыя въ нашемъ заточеніи служили намъ утѣшеніемъ, здѣсь ли оставимъ, или возмемъ съ собою какъ ихъ, такъ и рожденныхъ ими малолѣтныхъ дѣтей? Когда мы возвратимся въ отечество съ ними, то никто не захочетъ болѣе насъ признать своими. Но благоразумно ли оставить вѣрные и настоящіе залоги любви, чтобъ итти искать другихъ, которыхъ можетъ быть никогда не увидимъ? Гораздо лучше укрыться навсегда, и кончить свою жизнь посреди тѣхъ, которые узнали насъ уже нещастными.

О силлогизмахъ многосложныхъ.

§ 138. Часто также ораторы разумножаютъ свои сочиненія многосложными силлогизмами; и сіе по большой части въ такомъ случаѣ, когда они сверьхъ разумноженія и украшенія хотятъ твердо доказать справедливость разумножаемой ими мысли. Для

сего прискиваютъ къ ней причину; потомъ къ сей причинѣ еще новую причину, и такъ далѣе, пока послѣдняя изъ всѣхъ сихъ причинъ будетъ столько достовѣрна, что не нужно будетъ уже подтверждать ее. По семъ изобрѣтенiи первое предложенiе составляютъ изъ подлежащаго матерiи и послѣдней причины; второе, и всѣ слѣдующiя изъ сказуемаго предъидущей посылки и той причины, которая остается послѣднею. Наконецъ въ заключенiи обыкновенно разумножается матерiя. Но не рѣдко сочинители въ семъ силлогизьмѣ оставляютъ всѣ присканныя одна къ другой причины въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были изобрѣтены, полагая напереди всего матерiю.

Такимъ силлогизьмомъ разумножена сiя мысль: *стройность предпологаетъ даръ разума въ ея виновникѣ*. Примѣръ.

Гдѣ одна часть для другой необходимо бытiе свое имѣетъ, тамъ одна

должна быть для другой нарочно; но что нарочно есть для другаго, то без намѣренія быть не может; а гдѣ есть намѣреніе, тут должно быть и намѣревающееся. Кто сіе отрицать хочет, тот пусть покажет движеніе без движущагося, радость без радующагося, болѣзнь без болящаго. Намѣреніе есть свойство разума; для того сіе намѣревающееся должно быть разумно. Но всякое разумное намѣреніе без дѣйствія есть мертво, тщетно и безполезно; а дѣйствіе без дѣйствующаго быть не может. Слѣдовательно ежели в чем одна часть для другой бытіе свое имѣет, то сіе произведено Существом разумным.

Описанія. § 139. Кромѣ хрій и силлогизмов витіи столь часто размножают свои сочиненія, или части оных посредством описаній, что почти всѣ творенія лучших Прозаиков и Стихотворцев ими наполнены. Сіе сочиненіе есть такой род слова, в котором писатель старается

сколько можно живѣе и яснѣе начертать въ мысляхъ другаго какой нибудь предмѣтъ, представивъ воображенію своихъ читателей или слушателей отличныя его свойства и обстоятельства; такъ что съ сей стороны описанія тѣмъ только разнятся отъ лучшихъ картинъ, что въ нихъ слова замѣняютъ искуство кисти и дѣйствія красокъ. По маломъ размышленіи видно, что сочинитель описанія долженъ дѣлать весьма благоразумный выборъ тѣхъ свойствъ и обстоятельствъ, посредствомъ которыхъ онъ намѣренъ изобразить свой предмѣтъ; ему надобно избирать такія только изъ нихъ, которыя были бы по большой части одному токмо сему предмѣту приличны, и притомъ своею чрезвычайностію привлекали бы къ себѣ наше вниманіе. Ибо не рѣдко совершенство и красота почти всего описанія зависитъ гораздо болѣе отъ щастливаго выбора одного или двухъ такихъ

обстоятельствъ, нежели отъ пространнаго изчисленія оныхъ. Между тѣмъ великую также силу и важность сему сочиненію придаютъ употребленныя въ пристойныхъ мѣстахъ, и почерпнутыя изъ предлагаемыхъ качествъ и обстоятельствъ описуемаго предмѣта собственныя мнѣнія сочинителя.

Разные их роды.

§ 140. Впрочемъ все то, что художество можетъ изобразить намъ посредствомъ своего искуства, можетъ быть также предмѣтомъ описаній. И по сему не только дѣйствительно существующія, но не рѣдко особливо въ стихотвореніи и вымышленныя вещи бываютъ ихъ содержаніемъ. Въ первомъ случаѣ описанія называются справедливыми, а во второмъ вымышленными. Сверьхъ сего предмѣтомъ оныхъ бываютъ иногда подлежащія чувствамъ, или Физическія вещи, иногда какое нибудь лице, иногда же достопамятное въ природѣ, или въ

человѣческихъ обществахъ случившееся произшествіе. По сей причинѣ описанія опять раздѣляются на Физическія, нравственныя и Историческія, называемыя иначе повѣствованіями.

§ 141. Физическое описаніе, имѣющее содержаніемъ какой нибудь чувственный предмѣтъ, почти всегда начинается изображеніемъ качества, частей и достопамятныхъ какъ Историческихъ, такъ и Физическихъ обстоятельствъ того мѣста, гдѣ находится описуемый предмѣтъ. За симъ иногда слѣдуютъ мысли присканныя отъ времени. По семъ изчисляются важнѣйшія свойства и обстоятельства, относящіяся до всего вообще онаго предмѣта. Но самымъ изобильнымъ въ сихъ описаніяхъ источникомъ разумноженія бываетъ подробное изчисленіе главныхъ описуемой вещи частей, съ показаніемъ, изъ чего каждая изъ нихъ состоитъ, какія имѣетъ свойства, дѣйствія, стра- Описаніе Физическое.

данія, причины и употребленіе. Все сіе обыкновенно бываетъ такъ сказать одушевлено Риторическими разумноженіями и украшеніями. Разположеніе сего описанія необходимо должно быть естественное, то есть, отвѣтствовать природному разположенію частей описуемой вещи.

Примѣръ. Такимъ образомъ Флоріанъ во второй книгѣ своего Кордуанскаго Гонзальва описываетъ Гренаду, бывшую во владѣніи Мавровъ, побѣдителей и обладателей Гишпаніи въ среднихъ вѣкахъ.

Сія славная столица, построенная при подошвѣ снѣжныхъ горъ, возвышается на двухъ холмахъ посредѣ прелестныя страны. Дарро, котораго быстрыя волны несутъ злато въ своемъ нѣдрѣ, протекаетъ градъ въ его пространствѣ. Ксенилъ, котораго спасительныя воды подаютъ стадамъ здравіе, омываетъ ея высокія стѣны. Прекрасное поле, въ которомъ почти безъ воздѣлыванія произрастаютъ обильныя жатвы, цѣлые лѣса померанцовыхъ,

масличныхъ сочетанныхъ съ виноградомъ, и пальмовыхъ деревъ смѣшенныхъ съ дубами, окружаютъ ее отъ всѣхъ странъ. Не истощимыя ямы мрамора, яспа, алебастра доставили украшенїе прекраснымъ чертогамъ, великолѣннымъ зданїямъ, умноженнымъ во градѣ. Повсюду бїющїя въ верьхъ воды прохлаждаютъ воздухъ, которымъ дышутъ, украшаютъ обширныя площади, куда ежедневно стекается для упражненїя храброе юношество; и сады покрытые цвѣтами, приосѣненные во всякое время гранатовыми, миртовыми и кедровыми древами, составляютъ изъ прекраснѣйшаго града величайшую столицу въ Гишпанїи. Тамъ, казалось, соединены всѣ силы, все могущество Мавровъ; тамъ воздвигнутъ былъ храмъ наукъ и художествъ. . . . Одѣянныя мраморомъ мечети, гранитовые водопроводы возвышались повсюду. Славный дворецъ Алгамбра, начатый Емиръ-Алмуменитомъ, былъ оконченъ Мулей-Гассемомъ; и сей памятникъ великолѣпїя превосходитъ даже чудеса воображенїемъ содѣянныя.

Тамъ тысящи алебастровыхъ столповъ поддерживаютъ не измѣримые своды, которыхъ стѣны, покрытыя порфиромъ, сіяютъ златомъ и лазурью. Тамъ ключевыя и біющія въ верьхъ воды составляютъ посредѣ покоевъ водопады изъ жидкаго сребра, наполняютъ ясповые прокопы, и извиваяся текутъ по переходамъ. Вездѣ пріятное благоуханіе цвѣтовъ смѣшивается съ ароматами, которые, куряся вездѣ въ подземныхъ сводахъ, возходятъ отъ подошвы столповъ, и исполняютъ благоуханіемъ воздухъ, которымъ дышемъ. Окна обращенныя къ городу, къ прелестнымъ брегамъ двухъ рѣкъ, къ снѣжнымъ горамъ, представляютъ изумленному оку непрестанно перемѣнные виды. Все, что услаждаетъ чувства, все, что искуство и природа, великолѣпіе и вкусъ, могутъ соединить въ пользу роскоши, находится совокупленно въ семъ прекрасномъ жилищѣ. На сторонѣ скачущихъ водъ, посредѣ богатыхъ рѣзьбъ, насупротивъ великолѣпныхъ видовъ высѣчены на порфирѣ стихи Арапскихъ стихотвор-

цевъ. . . . Сїе прелестное мѣсто окружено еще прелестнѣйшимъ садомъ, котораго поразительная простота не уступаетъ пышности дворца; это славный Генералифъ, извѣстный въ Африкѣ и въ Азїи, предмѣтъ зависти великомощныхъ Калифовъ, которые въ Каирѣ, въ Багдадѣ тщетно покушались здѣлать оному подобный. Входя въ оный не поражаются изумленїемъ; удовольствованныя очи не усматриваютъ сихъ усилїй искусства, сихъ блистательныхъ чудесъ, которыя меньше нравятся нежели удивляютъ, и рождаютъ токмо понятїе о богатствѣ или могуществѣ: все напротивъ того въ ономъ представляетъ образъ сихъ удобныхъ благъ, въ которыхъ не удивленїе, но наслажденїе состоитъ. Померанцевыя и миртовыя древа пресѣкаютъ зеленыя долины, чистою водою орошенныя. Сїи древа, насажденныя искусно, сокрываютъ и открываютъ взаимно отдаленные виды, увеселительныя деревни, воздѣланныя поля, ледъ обременяющїй горы, чертоги, памятники Гренадскїе. При каждомъ

мгновеніи, плодоносные холмы представляютъ виноградъ, дикія маслины, сеннетныя, гранатовыя древа, переплетающія свои плоды и цвѣты. Иногда шумящій водопадъ стремится съ высоты каменныя горы; иногда тихій ручей истекаетъ съ журчаніемъ изъ розоваго куста. Тамъ удаленная пещера, въ которой многіе источники живыя воды протекаютъ; здѣсь темная роща, въ коей тысячи соловьевъ летаютъ; вездѣ наконецъ многоразличный видъ, новое наслажденіе заставляютъ ощущать при каждомъ шагѣ сладостное чувствованіе, или чистѣйшее удовольствіе.

— Нравственное.

§ 142. Содержаніемъ нравственнаго описанія, какъ уже сказано, бываетъ какое нибудь лице, а намѣреніемъ то, чтобы дать о немъ справедливое и достаточное понятіе. По сей причинѣ не только изчисляются тѣлесныя его свойства, представляется знаменитость его предковъ, достопамятныя обстоятельства его рожденія, воспитанія и внѣшняго со-

стоянія; но всего болѣе показуется состояніе ума и сердца его, изображаются отличныя природныя дарованія, просвѣщеніе, господствующія въ немъ страсти, добродѣтели, а не рѣдко и пороки, сверьхъ сего показуются знаменитыя его дѣла. Наконецъ ораторы иногда съ отличною красотою и пріятностію разумножаютъ сіи сочиненія сравненіемъ описуемаго ими лица съ другимъ ему подобнымъ. Разположеніе въ нихъ почти всегда бываетъ искуственное, и основанное на благоразуміи писателя.

Примѣровъ сего описанія великое множество находится наиболѣе въ Историкахъ: но я предлагаю здѣсь за образецъ сдѣланное Волтеромъ въ его Генріадѣ (пѣснь 3.) описаніе Герцога Гиза, по прозванію Балафре. Примѣръ.

Вдругъ является Гизъ; и не постоянный народъ тотчасъ обращаетъ свои взоры на сіе блестящее свѣтило. Его храбрость, его дѣла, слава его

отца, его привлекательный видъ, его красота, сей щастливый даръ нравиться, владычествующій своими побѣдоносными прелестями надъ сердцемъ, дѣлали всѣхъ приверженными къ нему. Никто лучше его не зналъ искуства обольщать; никто не имѣлъ болѣе власти надъ своими страстями; и никто не умѣлъ лучше подъ обманчивою наружностію сокрывать мрачную бездну обширныхъ намѣреній. Будучи гордъ, высокомѣренъ, но показывая себя почтительнымъ и преданнымъ народу, явно соболѣзновалъ о бѣдности его, и съ ненавистію говорилъ о тягостномъ бремени налоговъ. Бѣдный, пришедши къ нему, возвращался отъ него щастливымъ. Онъ умѣлъ предупредить робкое убожество. Его благодѣянія возвѣщали его присутствіе въ Парижѣ. Онъ заставлялъ любить себя вельможей, которыхъ самъ ненавидѣлъ. Страшенъ и не примиримъ въ раздорахъ; дерзокъ въ своихъ предпріятіяхъ; но благоразуменъ въ своихъ коварствахъ; отмѣнитъ своими добродѣтелями, и даже своими пороками; онъ

зналъ, что есть нещастіе, но ничего не ужасался; однимъ словомъ, онъ былъ щастливый воинъ, великій вельможа, но худый гражданинъ.

§ 143. Историческое описаніе должно дать ясное понятіе о какомъ нибудь достопамятномъ произшествіи. Здѣсь болѣе всего ораторъ долженъ показать свое искуство и дарованіе въ выборѣ такихъ обстоятельствъ, которыя бы не только живо начертали въ воображеніи читателя или слушателя оное произшествіе, но еще поражали его сердце, возпламеняя въ немъ то одну, то другую страсть, соотвѣтственно различному содержанію описанія. Впрочемъ оно, подобно Физическому, по большой части начинается мыслями, приисканными отъ мѣста и отъ времени описуемаго дѣла. Но самое твердое и мужественное разумноженіе въ немъ доставляютъ причины онаго случая, качества и побужденія дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ, — Историческое.

знатнѣйшія и любопытнѣйшія онаго обстоятельства, и наконецъ важнѣйшія его слѣдствія. Обыкновенно сіи сочиненія имѣютъ природное расположеніе; поелику писатели всегда въ нихъ слѣдуютъ естественному порядку описуемыхъ ими обстоятельствъ. Однако должно исключить изъ сего пространныя Стихотворческія повѣствованія, которыя всегда начинаются знаменитымъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, случившимся уже послѣ многихъ другихъ, составляющихъ важную часть всего произшествія. Не должно однако думать, чтобы Стихотворцы совсемъ опускали сіи предварительныя обстоятельства: они въ пристойномъ мѣстѣ повѣствованія заставляютъ своего Героя, или другое участвующее въ произшествіи лице разсказывать ихъ.

Примѣръ. Совершеннымъ образцемъ Историческаго въ прозѣ описанія можетъ быть Ливіево (кн. 1. гл. 25) повѣствованіе о сраженіи трехъ

братїевъ, называемыхъ Горацїями, со стороны Римлянъ противъ трехъ же братїевъ, называемыхъ Курацїями, которые были со стороны Албанцевъ. Случаемъ сего сраженїя было условїе, сдѣланное у Римлянъ съ Албанцами послѣ бывшей между сими народами войны; чтобы избранные съ каждой стороны три воина своимъ оружїемъ рѣшили, которому изъ сихъ двухъ народовъ быть повелителемъ другаго. Вотъ самое повѣствованїе.

По заключенїи союза, съ каждой стороны вооружаются, какъ положено было, три брата. Оба народа представляютъ своимъ ироямъ, что ихъ Боги, ихъ отечество, ихъ родители, находящїеся въ городѣ и въ станѣ ихъ сограждане, всѣ теперь устремляютъ свои взоры на ихъ оружїе, на ихъ храбрость. Они, будучи сами по себѣ мужественны, и содержа въ свѣжей памяти сїи увѣщанїя, выходятъ на средину между двухъ войскъ. Войска были разположены вокругъ ратнаго

поля, и хотя не видѣли собственной своей опасности, но не менѣе претерпѣвали въ душѣ своей безпокойства. Дѣло шло о правѣ повелѣвать; и рѣшенїе сего права ввѣрено было храбрости и судьбѣ нѣсколькихъ токмо воиновъ. И такъ обѣ армѣи то съ надеждою, то со страхомъ обращаютъ все свое вниманїе на сїе весьма занимающее ихъ позорище. Дается знакъ; съ каждой стороны три воина, замѣняющїе собою мужество великихъ армѣй, идутъ одни противъ другихъ съ непрїятельскимъ въ рукахъ оружїемъ. Не собственная опасность, но господствованїе, или порабощенїе своихъ сограждан, и будущая своего отечества судьба, которой они должны быть виновниками, представлялися единственно въ ихъ мысляхъ. Какъ скоро при первомъ нападенїи раздался звукъ оружїй, и показался блескъ обнаженныхъ мечей; то чрезмѣрный ужасъ поразилъ зрителей, такъ что они пребывали почти безъ гласа и дыханїя, пока надежда не преклонилася ни на которую сторону. Потомъ когда ирои

уже начали вблизи сражаться другъ со другомъ; и когда не токмо ихъ движенія, не токмо не рѣшительные еще обороты въ ихъ рукахъ оружія, но уже ихъ раны и кровь были усмотрѣны зрителями: въ то время двое изъ Римлянъ пали мертвы къ ногамъ Албанцевъ, которые всѣ трое были ранены. Албанское войско при семъ видѣ подъемлетъ великій радостный крикъ; напротивъ сего Римскіе полки, лишившися всей надежды, были въ превеликомъ безпокойствѣ объ участи оставшагося своего ироя. Они содрогалися, видя, что его окружали трое Курацієвъ. По щастію онъ былъ еще не раненъ. Онъ не могъ сопротивляться всѣмъ троимъ совокупно; но гораздо сильнѣе былъ каждаго изъ нихъ порознь. Въ сихъ мысляхъ онъ обращается въ бѣгство, дабы раздѣлить своихъ непріятелей. Онъ предвидѣлъ, что во время ихъ преслѣдованія можетъ напасть на каждаго изъ нихъ особливо, и каждаго оставить на мѣстѣ. Уже онъ довольно удалился отъ мѣста сраженія, какъ обратившися

видитъ своихъ непрїятелей, бѣгущихъ за нимъ въ великомъ одинъ отъ другаго разстоянїи. Одинъ изъ нихъ былъ уже весьма не далекъ отъ него. Горацїй вдругъ устремляется на него; и между тѣмъ какъ Албанское войско кричитъ его братьямъ, чтобы подали ему помощь, Римлянинъ повергши своего врага, и видя себя побѣдителемъ спѣшитъ ударить на втораго своего непрїятеля. Римляне подъемлютъ крикъ, какой обыкновенно бываетъ при внезапной радости. Сей крикъ его ободряетъ; такъ что онъ успѣлъ уже низложить втораго Курацїя, прежде нежели третїй изъ нихъ, бывшїй также не въ дальнемъ разстоянїи, могъ съ нимъ соединиться. Уже оружїе пришло въ равновѣсїе, когда на каждой сторонѣ осталося по одному воину; но надежда и силы дѣлали ихъ весьма не равными. Одинъ не видя, чтобъ оружїе непрїятеля гдѣ нибудь коснулося его тѣла, и гордяся двукратною побѣдою, съ новымъ мужествомъ готовился къ третїему сраженїю. Другой едва могши итти, будучи обезсиленъ

раною и бѣгствомъ, и сраженъ смертію двухъ своихъ братіевъ, которые пали мертвы въ его глазахъ, видѣлъ предъ собою побѣдоноснаго непріятеля. И такъ сіе сраженіе уже не можно было назвать сраженіемъ. Римлянинъ торжествуя напередъ: двухъ, говоритъ, своихъ непріятелей я принесъ въ жертву тѣнямъ своихъ братіевъ, а кровію третіяго запечатлѣю вину сея войны, содѣлавъ Римлянъ повелителями Албанцевъ. Сказавъ сіе между тѣмъ, какъ Курацій едва могъ держать въ рукахъ свое оружіе, онъ вонзаетъ ему въ горло мечь, и повергши на землю, снимаетъ съ него вооруженіе. Римляне встрѣчаютъ Горація съ возхищеніемъ и благодареніями; тѣмъ болѣе радуяся, чемъ ближе къ опасности были. По семъ обѣ стороны равномѣрно помышляютъ о погребеніи убіенныхъ своихъ ироевъ, но не равныя ощущаютъ въ своихъ сердцахъ чувствія; поелику одни видѣли себя повелителями, а другіе порабощенными ихъ власти.

О разговорахъ.

§ 144. Множество есть примѣровъ, что превосходные писатели иногда такъ предлагаютъ свое собственное сочиненіе, что въ немъ нигдѣ не видно сочинителя, но все до слова говорятъ постороннія какія нибудь лица подъ видомъ взаимнаго между собою обращенія. Такое сочиненіе у Риторовъ и называется разговоромъ; поелику оно есть совершенное подобіе изустныхъ нашихъ между собою разговоровъ. Мы въ сихъ или разсуждаемъ, или споримъ о чемъ нибудь, или другъ другу что разказываемъ: такія же точно бываютъ матеріи и въ Риторическихъ разговорахъ. Сверьхъ сего какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ разсуждая, или споря о чемъ, мы дѣлаемъ не что иное, какъ разумножаемъ матерію своего разговора различными частями хріи, или Риторическихъ силлогизьмовъ, но такъ что почти всегда одну часть одно, а другую другое разговаривающее лице предлагаетъ. Когда же другъ

другу повѣствуемъ о чемъ, въ такомъ случаѣ разговоръ есть точное повѣствованіе, прерываемое часто другимъ разговаривающимъ лицемъ посредствомъ или вопросовъ, или изъявленія удивленія, радости, подтвержденія, и прочая.

Части разговора.

§ 145. Искуство науки предписываетъ, чтобы сочиненный по ея правиламъ разговоръ имѣлъ три части, то еть, приступъ, изслѣдованіе и заключеніе. Первый долженъ содержать въ себѣ такія постороннія мысли, которыя бы показывали, какой былъ поводъ и случай вступить въ разговоръ о той матеріи, о которой писано сіе сочиненіе; и слѣдственно которыя бы не чувствительно довели до нее читателя. При всемъ томъ сія часть должна быть весьма кратка. Въ изслѣдованіи разумножается показаннымъ образомъ матерія; и оно не имѣетъ предписанныхъ себѣ предѣловъ. Наконецъ въ заключеніи, которое подобно приступу бываетъ весьма

коротко, показывается, чемъ кончился разговоръ; то есть, въ немъ разговаривающія лица или согласуются между собою на одно мнѣніе, когда въ изслѣдованіи онѣ спорили, или взаимныя другъ другу дѣлаютъ учтивости, и тому подобное.

Разговаривающія лица, и имя разговора.

§ 146. Долгъ оратора также изобрѣсти разговаривающія лица и дать имя разговору. Когда онъ представляетъ разговаривающими истинныя, то есть, дѣйствительно бывшія или находящіяся лица; то благоразуміе требуетъ отъ него, дабы все то, что каждое изъ нихъ будетъ говорить, сходствовало съ тѣми понятіями, какія о нихъ даетъ намъ Исторія. Когда же напротивъ сего у писателя будутъ разговаривать вымышленныя имъ самимъ лица, и когда слѣдственно онъ самъ долженъ дать имъ имена; въ семъ случаѣ ихъ названія должны отвѣтствовать тѣмъ понятіямъ, какія мы о нихъ должны полу-

чить изъ всего того, что каждое изъ нихъ въ самомъ разговорѣ будетъ говорить. Нужно примѣтить, что иногда въ срединѣ, или въ концѣ разговора вводится такое разговаривающее лице, котораго совсемъ не было съ начала. Что касается до имени разговора; то или оно почерпается изъ его содержанія, или бываетъ онымъ имя главнаго разговаривающаго лица.

§ 147. Остается всѣ сіи правила объяснить примѣромъ. Для сего я предлагаю здѣсьЕразмовъ разговоръ, въ которомъ онъ говоритъ, что одно прилѣжаніе доводитъ до успѣховъ въ наукахъ. Разговоръ сей у него названъ, Примѣръ разговоровъ.

Тайное искуство;

а разговаривающія лица, *Дезидерій*, *Еразмій*.

Д. Каково ты успѣваешъ, Еразмій? Е. Музы, какъ кажется, мнѣ не благопріятствуютъ; но я гораздо лучше бы успѣвалъ, естьли бы могъ упро-

сить васъ въ одномъ дѣлѣ. Д. Будь увѣренъ, что ты можешъ все у меня выпросить, что только можетъ быть въ твою пользу. И такъ скажи токмо, что тебѣ отъ меня нужно. Е. Я не сомнѣваюся, что всѣ тайныя искуства вамъ извѣстны. Д. Дай Богъ, чтобъ сїе было справедливо! Е. Я слышалъ, что есть нѣкоторое тайное искуство, при помощи котораго человѣкъ съ весьма малымъ трудомъ можетъ узнать всѣ науки. Д. Что я слышу? Видѣлъ ли ты о семъ книгу? Е. Видѣлъ, но не могу болѣе ничего сказать объ ней, какъ только что видѣлъ; потому что мнѣ болѣе не позволилъ ея хозяинъ. Д. Что же содержала она въ себѣ? Е. Изображенїя различныхъ животныхъ, драконовъ, львовъ, леопардовъ; сверьхъ сего разные круги, въ которыхъ написаны были нѣкоторыя частїю Греческїя, частїю Латинскїя, частїю Еврейскїя, частїю изъ другихъ невнятныхъ языковъ слова. Д. Какъ говорится въ сей книгѣ, во сколько дней можно узнать всѣ науки? Е. Въ четырнатцать. Д. Лестное

обѣщанїе! Но знаешъ ли ты, чтобы кто нибудь при помощи сего тайнаго искуства сдѣлался ученымъ? Е. Нѣтъ. Д. Да и никто не видалъ, и никто не увидитъ; развѣ тогда, когда увидимъ, что кто нибудь посредствомъ Алхимїи сдѣлается богатымъ. Е. Однако я желалъ бы, чтобъ сїе искуство было истинное. Д. И вѣрно для того, что скучно столько употреблять трудовъ для достиженїя успѣха въ наукахъ? Е. Правда. Д. Но такъ угодно Небу. Оно иногда лѣнивымъ и не достойнымъ даетъ обыкновенное богатство, какъ то, золото, дорогїе камни, сребро, домы: между тѣмъ опредѣлило, чтобы никто безъ труда не могъ получить того богатства, которое въ самомъ дѣлѣ достойно сего имени, и которое одно есть собственное наше. И такъ не должно скучать такимъ трудомъ, который доставляетъ намъ толь драгоцѣнное богатство, когда весьма многїе, подвергая себя ужаснымъ опасностямъ и безчисленнымъ трудамъ, стараются получить какїя нибудь маловременныя и

въ сравненіи съ просвѣщеніемъ совершенно маловажныя вещи; и когда при всемъ томъ они иногда не достигаютъ до своего желанія. Сверьхъ того труды, употребляемые на просвѣщеніе себя, приносятъ нѣкот рое сладкое удовольствіе, какъ скоро человѣкъ начнетъ въ семъ успѣвать. Но ты уже столько въ сіе дѣло вошелъ, что теперь въ состояніи самъ прогонять оную скуку. Е. Какимъ образомъ? Д. Вопервыхъ старайся получить пристрастіе къ наукамъ; сверьхъ того не съ обыкновеннымъ равнодушіемъ на нихъ взирай. Е. Но какъ я могу сіе сдѣлать? Д. Представь себѣ, сколь многихъ онѣ обогатили; сколь многихъ возвели на высокую степень достоинства и уваженія; а притомъ вообрази, сколь велико различіе между человѣкомъ и скотомъ. Е. Вашъ совѣтъ справедливъ. Д. По семъ приучи свой разумъ къ тому, чтобъ онъ могъ самъ собою повелѣвать, и увеселяться тѣмъ, что приноситъ пользу, а не забаву. Все, что само по себѣ похвально, хотя съ начала бываетъ нѣсколько скуч-

но, но отъ навыка дѣлается пріятнымъ. Такимъ образомъ ты и менѣе причинишъ труда своему учителю, и скорѣе можешъ поним тъ его наставленія, по словамъ Исократа, которыя достойны того, чтобы ты ихъ написалъ на первомъ листѣ своей книги золотыми буквами; то есть, когда будешъ жаденъ къ познанію, то много узнаешъ. Е. Я довольно имѣю остроты, чтобы понимать; но тотчасъ выходитъ изъ головы, что пойму. Д. И такъ ты мнѣ говоришъ о дыравой бочкѣ? Е. Вы угадали. Но какъ сему помочь? Д. Надобно замазать скважину, чтобы бочка не текла. Е. Чемъ? Д. Не смолою и не известью, а прилѣжаніемъ. Кто учитъ однѣ слова, не понимая ихъ содержанія, тотъ скоро забываетъ. Слова, по выраженію Гомера, крылаты, и скоро улетаютъ, естьли мысли не даютъ имъ тяжести. И такъ прежде всего должно стараться совершенно понять, потомъ не однократно представлять въ мысляхъ и повторять; словомъ, должно, какъ выше сказано, приучитъ разумъ къ тому,

чтобъ онъ могъ заниматься размышленіемъ, когда только то нужно. Напротивъ сего кто имѣетъ такой грубой разумъ, котораго не можно сдѣлать привычнымъ къ сему; тотъ ни мало не способенъ къ наукамъ. Е. Но я собственнымъ опытомъ знаю, сколько сіе трудно. Д. Кто имѣетъ толь бѣглое вниманіе, что не можетъ долго заниматься размышленіемъ объ одномъ дѣлѣ; тотъ не можетъ также долго слушать, когда кто говоритъ, ни удержать въ памяти то, что узналъ. На свинцѣ можно что нибудь изобразить, потому что онъ лежитъ на одномъ мѣстѣ; напротивъ сего на водѣ, или на ртути ничего, отъ того что онѣ въ безпрестанномъ движеніи. И такъ естьли ты можешъ приучить къ тому свое вниманіе; то при помощи частаго обращенія съ просвѣщенными людьми, которые въ своихъ разговорахъ всегда открываютъ то, что достойно нашего познанія, съ малымъ трудомъ узнаешъ весьма много. Е. Безъ сомнѣнія. Д. Каждый разъ за обѣдомъ съ ними кромѣ обыкновенныхъ въ та-

комъ собранiи рѣчей и разговоровъ услышишъ отъ нихъ по крайней мѣрѣ восемь самыхъ лучшихъ изреченiй, которыя всѣ почерпнуты изъ превосходнѣйшихъ писателей; и столько же за ужиномъ. Теперь сочти, сколько такихъ изреченiй узнаешъ ты въ каждый мѣсяцъ, и сколько въ годъ. Е. Чрезвычайно много, естьли бы я только могъ упомнить. Д. Сверьхъ того слушая всегда токмо такихъ, которые хорошо говорятъ на иностранныхъ языкахъ, безъ дальняго затрудненiя выучишся онымъ; судя потому что иные дѣти и безъ наставленiя въ короткое время научаются говорить пофранцузски и поаглицки. Е. Я буду слѣдовать вашему совѣту; и постараюся изпытать, могу ли я привыкнуть къ повелѣнiямъ Музъ. Д. Я другаго тайнаго искуства не знаю, кромѣ старанiя, любви и неусыпности.

§ 148. Порядокъ требуетъ теперь показать важнѣйшiя Прозаическiя сочиненiя. Онѣ суть большая рѣчь, или такъ называемое слово, и Исторiя. Первое въ

Большая рѣчь, или слово.

разсужденіи составныхъ его частей есть не что иное, какъ нѣсколько соединенныхъ между собою, и къ одной главной относящихся матеріи хрій и Риторическихъ силлогизьмовъ; а судя со стороны его содержанія и намѣренія, оно есть такое сочиненіе, въ которомъ ораторъ сильными и достаточными доказательствами или подтверждаетъ, или опровергаетъ какую нибудь матерію, и при томъ со всемъ возможнымъ искуствомъ краснорѣчія; такъ что онъ здѣсь имѣетъ случай показать свое знаніе и свою опытность во всѣхъ частяхъ сей науки; словомъ, большая рѣчь есть то совершеннѣйшее произведеніе краснорѣчія, которое должно доставить оратору побѣду надъ невѣжествомъ, предубѣжденіемъ и самыми пристрастіями.

Ея части. § 149. Когда мы въ личномъ обращеніи намѣрены бываемъ сообщить другому что нибудь весьма важное, и при томъ собственно

до него, или до насъ касающееся; то обыкновенно не вдругъ ему сїе открываемъ, но начавъ посторонними обстоятельствами помалу доводимъ его до своего намѣренїя. Сїе правило благоразумїя наблюдаютъ и витїи въ большихъ рѣчахъ. Они начинаютъ ихъ тѣмъ, что служитъ нѣкоторымъ какъ бы преддверїемъ, или предуготовленїемъ слушателей къ самому сочиненїю. Сїе составляетъ первую часть, называемую приступомъ. Послѣ сего когда матерїею всей рѣчи будетъ такая мысль, которая такъ соединена съ какимъ нибудь Историческимъ происшествїемъ, что не зная сего не можно ясно выразумѣть оную; въ такомъ случаѣ сочинитель послѣ приступа пересказываетъ слушателямъ сїе происшествїе. Въ семъ состоитъ вторая часть большой рѣчи, извѣстная подъ именемъ повѣствованїя. За нею слѣдуетъ предложенїе, или матерїя. По семъ ораторъ предлагаетъ служащїя къ подтвержденїю, или

Приступъ.

Повѣствованїе.

Предложенїе.

Изслѣдованїе.

опровержению оной доказательства, и также отражает, естьли есть, противныя ей мнѣнія съ ихъ доводами. Все сіе называется изслѣдованіемъ, и составляетъ четвертую часть рѣчи.

Заключеніе. Наконецъ должно слѣдовать заключеніе, послѣдняя и такая часть, въ которой ораторъ наиболѣе долженъ употребить средствъ къ преднамѣренному успѣху въ своемъ дѣлѣ.

О приступѣ. § 150. И такъ приступъ употребляютъ ораторы единственно для того, дабы посредствомъ его сдѣлать слушателей внимательнѣе, и дать имъ о себѣ хорошія мысли. Всякой видитъ, что успѣхъ въ семъ не маловажномъ дѣлѣ зависитъ отъ собственнаго благоразумія сочинителя; и что сіе благоразуміе состоитъ въ томъ, дабы не сказать чего нибудь, изъ чего бы слушатель могъ худо заключить о качествахъ ума, или сердца оратора, и замѣтить въ немъ или легкомысліе, или

чрезмѣрное самолюбіе и тщеславіе, или недоброжелательство и пристрастіе, или пренебреженіе уважаемыхъ въ обществѣ мнѣній и обычаевъ, или наконецъ не уваженіе своихъ слушателей. Не менѣе также къ возбужденію въ нихъ вниманія къ сочиненію и благосклонности къ сочинителю способствуетъ то, когда содержаніе приступа будетъ такъ близко къ матеріи, что оно не чувствительно и скоро доводитъ до ней слушателя; словомъ, пристойность и краткость сей части рѣчи почитаются въ числѣ главныхъ ея совершенствъ.

§ 151. Постороннія обстоятельства, отъ которыхъ изобрѣтаются мысли для приступа, суть или тотъ достопамятный случай, на который ораторъ сочиняетъ свое слово, или то мѣсто, гдѣ онъ его будетъ произносить, или состояніе слушателей, или состояніе самаго сочинителя, или иногда важность, польза и Изобрѣтеніе,

Разположеніе — пріятность матеріи. И такъ ораторъ, начавъ свой приступъ почерпнутыми иногда отъ одного, иногда же отъ нѣсколькихъ вдругъ показанныхъ обстоятельствъ мыслями, и потомъ выводя одну мысль изъ другой такимъ образомъ, что почти въ каждомъ періодѣ дѣлаетъ ближайшій шагъ къ своей матеріи, все сіе предлагаетъ въ видѣ или превращенной хріи, или какого нибудь Риторическаго силлогизьма, или и обоихъ вмѣстѣ.

И украшеніе приступа. — Превосходные витіи въ сей части рѣчи почти всегда удерживаются отъ всего того, что отзывается искуствомъ высокаго рода; изключая однако тѣ обстоятельства, когда случай, на который нарочно сочинено слово, будетъ весьма важенъ.

Примѣръ. — Примѣромъ сихъ правилъ можетъ быть слѣдующій приступъ, взятый изъ слова, произнесеннаго при погребеніи одного знаменитаго и долговѣчнаго Россійскаго Патріота.

И такъ! — Мужъ, исполненный долготою дней, скончался въ малѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшїй на вѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. — Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце ороситъ слезою гробницу его. . . . И симъ ли свершились воздаянїя тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ Престолу, Отечеству, свѣту? — Потомство сплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанїя возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшїй къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь, или мраморъ? — Но подъ тяжестїю сею изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ манїемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже великїй! Для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сїю отцевъ и мате-

рей, дабы только родиться и умереть? — Чтожъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ мравїемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всемъ сердцемъ и душею, всей крѣпостїю силъ и самою жизнїю, дабы собравъ всеобщїя хвалы дань, оставить ее у отверстїя гроба? — Но и сего стяжанїя не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ: но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можемъ украсить ее не тлѣнными. — *Такъ самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертїя, и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ царствѣ вѣчности.*

Предложенїе слова.

§ 152. Въ повѣствованіи ораторы такимъ образомъ пересказываютъ то произшествіе, съ которымъ соединена матерія ихъ рѣчи, что сообразно съ порядкомъ времени предлагаютъ одно обстоятельство послѣ другаго, которыя существенное имѣютъ отношеніе къ оному произшествію, и служатъ въ пользу той стороны, какую принимаетъ витія. Есть примѣры, что ораторы и въ такомъ случаѣ, когда матерія ни съ какимъ не соединена произшествіемъ, но будетъ или темна, или сомнительна, или не внятна по причинѣ своей новости, вмѣсто повѣствованія изъясняютъ ея смыслъ нарочною частію рѣчи, но такъ что ея изтолкованіе служитъ источникомъ тѣхъ доказательствъ, которыя будутъ составлять изслѣдованіе. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ сія часть рѣчи въ разсужденіи украшеній подобна предъидущей. Я долженъ сказать, что наши Россійскіе ораторы почти никогда не употребляютъ въ

О повѣствованіи.

своихъ рѣчахъ повѣствованія; и сіе потому что ихъ матеріи по большой части не того рода, чтобы требовали онаго. По сей причинѣ я не предлагаю здѣсь и примѣра.

О предложеніи.

§ 153. И по сему у насъ послѣ приступа всегда слѣдуетъ предложеніе, весьма краткая часть рѣчи, въ которой ораторъ безъ разумноженія и безъ украшеній предлагаетъ матерію своего слова. Она всегда бываетъ соединена съ приступомъ. Крайне нужно замѣтить, что успѣхъ всего слова весьма много зависитъ отъ выбора матеріи; и что въ семъ случаѣ наблюдается, дабы она была прилична мѣсту и времени, гдѣ и когда будетъ произносима рѣчь, состоянію какъ слушателей, такъ и самаго сочинителя; и чтобы сверьхъ того была новая мысль.

Объ изслѣдованіи.

§ 154. Изслѣдованіе есть такая часть слова, которая почти единственно его составляетъ, и въ которой ораторъ наиболѣе дол-

женъ употребить все свое искусство въ краснорѣчіи. Главнымъ основаніемъ и содержаніемъ сей части рѣчи суть изобрѣтенныя сочинителемъ болѣе для подтвержденія, а иногда и для опровержения матеріи доказательства, предлагаемыя съ обыкновеннымъ Риторическимъ разумноженіемъ и украшеніемъ. Сіи доказательства суть не что иное, какъ причины, служащія къ подтвержденію той стороны матеріи, какую въ разсужденіи ея принимаетъ ораторъ. Когда она будетъ того рода, что требуетъ почти одного только Риторическаго искусства; то присканныя къ подлежащему оной отъ Риторическихъ мѣстъ мысли бываютъ ея доказательствами. Однако естьли ораторъ въ ней своихъ слушателей или склоняетъ къ чему, или отвращаетъ отъ чего нибудь; то оныя по большой части изобрѣтаются въ первомъ случаѣ отъ честнаго, полезнаго, пріятнаго, удобнаго и необходимаго; въ противномъ же

Доказательства.

отъ противныхъ симъ источниковъ.

Особливые источники доказательствъ.

§ 155. Подъ именемъ честнаго разумѣются наши обязанности въ разсужденіи Бога, ближняго и самихъ себя. И такъ отъ сего источника можно изобрѣсти три доказательства, показавъ, что чрезъ исполненіе предлагаемаго въ матеріи совѣта докажемъ любовь 1. къ Богу, 2. къ ближнему, 3. къ самимъ себѣ. По семъ изобрѣтаются оныя отъ полезнаго, то есть, изчисляются различные виды происходящей отъ того, къ чему убѣждаетъ ораторъ, пользы, а именно, въ разсужденіи 1. нравственности, 2. тѣла, 3. общественнаго, и 4. семейственнаго, или домашняго, или хозяйственнаго состоянія. Отъ пріятнаго берется по большой части два доказательства, то есть, показываетъ ораторъ, что исполненіе предлагаемаго имъ совѣта соединено съ удовольствіемъ 1. разума, или внутреннимъ, 2. чувствъ, или внѣшнимъ. Отъ удобнаго при-

искиваются оныя такимъ образомъ. Сочинитель показываетъ слушателямъ, что дѣло, къ которому онъ ихъ преклоняетъ, не подвержено затрудненіямъ 1. ни со стороны ихъ личныхъ способностей, 2. ни со стороны требуемаго на то времени и 3. имѣнія. Наконецъ не рѣдко сильное доказательство берется отъ необходимаго, когда витія можетъ показать, что не принявъ предлагаемаго имъ совѣта, не можно исполнить какого нибудь важнаго намѣренія. Въ такомъ случаѣ, когда сочинитель въ матеріи убѣждаетъ оставить что нибудь, или вовсе не предпринимать; то, какъ сказано выше, изобрѣтаются доказательства отъ противныхъ показаннымъ источниковъ, раздѣляя также ихъ на содержащіеся подъ ними, и противные показаннымъ выше, виды.

Примѣръ изобрѣтенія доказательствъ.

§ 156. Объяснимъ всѣ сіи правила примѣромъ. И такъ положимъ, что матеріею рѣчи будетъ

сїя мысль: *будь доволенъ своимъ жребїемъ.*

Доказательства

I. Отъ честнаго:

1. Докажешъ должное повиновенїе Промыслу.

2. Не захочешъ лишить другихъ того, что имъ принадлежитъ.

3. Будешъ спокоенъ духомъ.

II. Отъ полезнаго:

1. Не будешъ подверженъ негодованїю и малодушїю.

2. Не изнуришся безполезными трудами.

3. Заслужишъ довѣренность сограждан.

4. Больше будешъ имѣть попеченїя о своей собственности.

III. Отъ прїятнаго:

1. Все, чемъ будешъ владѣть, будетъ утѣшать тебя, что правильно тебѣ принадлежитъ.

2. Прїятно будетъ слышать похвалы твоему равнодушїю.

IV. Отъ удобнаго:

1. Ты человѣкъ просвѣщенный.

2. Ты уже пережилъ большую половину жизни.

3. Довольно имѣешъ своего собственнаго.

V. Отъ необходимаго:

Одни умѣренные щастливы.

§ 157. Безъ сомнѣнія не ко всякой матеріи можно приискать доказательства отъ всѣхъ показанныхъ источниковъ; однако всегда лучше стараться изобрѣсти ихъ сколько можно болѣе, не для того чтобы всѣ употребить въ рѣчи, но чтобы выбрать изъ нихъ сильнѣйшія. Каждое изъ сихъ избранныхъ уже доказательствъ разумножается по правиламъ хріи, или Риторическаго силлогизьма, или обоихъ вмѣстѣ; и всѣ сіи части изслѣдованія должны быть связаны такъ, чтобы составляли одно непрерывное сочиненіе. Что касается до ихъ размѣщенія; то превосходные ораторы по большой

О разумноженіи и разположеніи доказательствъ.

части самыя убѣдительныя изъ нихъ полагаютъ позади всѣхъ, а слабѣйшія прочихъ въ срединѣ.

Примѣръ разумноженія и расположенія доказательствъ.

§ 158. Поелику цѣлое изслѣдованіе большой рѣчи здѣсь не вмѣстно; то я для примѣра предлагаю одну краткую рѣчь изъ Курція, которою одинъ изъ нещастныхъ Грековъ при объясненномъ выше во 137. §. случаѣ старался убѣдить своихъ сотоварищей остаться въ Персіи. *Первымъ* у него *доказательствомъ* служитъ то, *что они не могутъ уже въ отечествѣ найти того благополучія, какое прежде тамъ имѣли. Вторымъ, что они, будучи всѣ изувѣчены, не могутъ дойти до Греціи.* Кто живо вообразитъ себѣ то непобѣдимое желаніе, какое должны были чувствовать оные Греки увидѣть свое отечество; тотъ безъ сомнѣнія увидитъ, что второе изъ помянутыхъ доказательствъ гораздо слабѣе перваго. Наконецъ есть еще *третіе*, которое со-

стоитъ въ томъ, *что они не могутъ оставить въ Персіи новыхъ своихъ женъ и дѣтей*: и сїе положено позади другихъ для того, что два предъидущїя должны дѣйствоватъ надъ разумомъ, а сїе послѣднее надъ сердцемъ слушателей. Вотъ самая сїя рѣчь.

Не давно мы стыдилися показаться изъ мрачной темницы на свѣтъ для изпрошенїя себѣ помощи, бывши въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ: а теперь будучи обнадежены царемъ, хотимъ итти въ Грецїю показать своимъ соотечественникамъ, какъ бы нѣкоторое прїятное зрѣлище, то ужасное состоянїе, въ какомъ мы находимся, и которое, не могу сказать, болѣе ли отвращенїя къ самимъ себѣ, или болѣе стыда должно въ насъ произвести. Лучшее средство сносить нещастїе состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть его сокрыть; и нѣтъ прїятнѣйшаго отечества для нещастныхъ, какъ уединенїе, соединенное съ забвенїемъ прежняго благосостоянїя. Кто весьма много надѣется на соболѣзнованїе своихъ со-

отечественниковъ, тотъ худо знаетъ человѣческое сердце; тотъ не знаетъ, что проливаемыя другими въ такихъ случаяхъ слезы весьма скоро осыхаютъ. Люди не долго любятъ тѣхъ, которые имъ въ тягость. Ибо нещастные любятъ безпрестанно жаловаться; а щастливые по причинѣ своего высокомѣрія скоро начинаютъ тѣмъ скучать: такъ что всякой по своему состоянію судитъ о состояніи другаго. Мы давно бы уже другъ другу были не сносны, естьли бы не всѣ равномѣрно были нещастны. По сему удивительно ли, что щастливые всегда хотятъ имѣть дѣло съ подобными себѣ. И такъ повѣрьте мнѣ, что мы гораздо благоразумнѣе сдѣлаемъ, когда давно уже, такъ сказать, умерши въ свѣтѣ, изберемъ лучше уголокъ земли, въ которомъ бы погребсти сіи остатки своего тѣла, и въ коемъ бы дотолѣ скрывать отъ взора людей сіе въ ужасъ приводящее безобразіе. Представте себѣ, съ какимъ удовольствіемъ встрѣтятъ насъ наши жены, которыхъ мы пояли во младыхъ еще своихъ лѣтахъ:

представте, съ какимъ возхищенїемъ наши дѣти, находящїеся теперь въ цвѣтущихъ лѣтахъ и посреди щастїя, увидятъ въ насъ своихъ родителей.

Сверьхъ сего всякой ли изъ насъ можетъ совершить толь далекое путешествїе? Находяся въ такой отдаленности отъ Европы, на краю востока; будучи стары, дряхлы и лишены большей части своихъ членовъ, можемъ ли мы снести такїе труды, которые изнурили даже побѣдоносное войско?

При томъ появши по необходимости здѣсь другихъ женъ, которыя въ нашемъ заточенїи служили намъ утѣшенїемъ, здѣсь ли оставимъ, или возмемъ съ собою какъ ихъ, такъ и рожденныхъ ими малолѣтныхъ дѣтей? Когда мы возвратимся въ отечество съ ними, то никто не захочетъ болѣе насъ признать своими родственниками. Но благоразумно ли оставить вѣрные и настоящїе залоги любви, чтобъ итти искать другихъ, которыхъ можетъ быть никогда не увидимъ? Гораздо лучше укрыться навсегда, и окончить

свою жизнь посреди тѣхъ, которые узнали насъ уже нещастными.

Опроверженіе возраженій.

§ 159. Случается, что ораторы послѣ всѣхъ своихъ доказательствъ опровергаютъ тѣ возраженія, какія могутъ быть имъ предложены противъ или ихъ матеріи, или ихъ доказательствъ. Размѣщеніе сихъ возраженій зависитъ совершенно отъ благоразумія сочинителя; такъ что онъ можетъ начать или сильнѣйшими, или слабѣйшими изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ его также состоитъ волѣ или на каждое изъ оныхъ особливое дѣлать опроверженіе, или одинъ только предложитъ отвѣтъ на всѣ вообще, когда онѣ будутъ сходнаго между собою содержанія. Благоразуміе требуетъ, чтобъ отвѣты оратора на предлагаемыя имъ самимъ возраженія были столько удовлетворительны, дабы слушатели послѣ того уже ни малаго не могли имѣть сомнѣнія. Всѣ сіи какъ возраженія, такъ и опроверженія

оныхъ бываютъ разумножены и связаны между собою точно такъ, какъ сказано выше о доказательствахъ.

§ 160. При умноженіи доказательствъ и возраженій съ отвѣтами на нихъ ораторы употребляютъ все то, что краснорѣчіе имѣетъ способнаго къ возхищенію воображенія и къ убѣжденію сердца: они изтощаютъ все свое искуство въ описаніи чувственныхъ предмѣтовъ, въ изображеніи человѣческихъ нравовъ, въ возбужденіи, или уничтоженіи страстей; одушевляя все то содержащимися какъ въ мысляхъ, такъ и въ выраженіяхъ украшеніями слова. Но всѣ сіи пособія краснорѣчія еще болѣе дѣлаютъ витію повелителемъ мыслей и сердца слушателей, когда онъ, почерпая ихъ въ ближайшихъ къ матеріи и существенныхъ ея обстоятельствахъ, употребляетъ ихъ съ благоразумною умѣренностію и въ приличныхъ токмо мѣстахъ, опасаяся расточительностію оныхъ вмѣсто

Объ украшеніи изслѣдованія.

удовольствія произвести скуку и отвращеніе: но, что всего важнѣе, когда онѣ бываютъ произведеніемъ собственныхъ его чувствованій.

Заключеніе.

§ 161. Наконецъ заключеніе, которое многіе изъ нашихъ Россійскихъ ораторовъ пишутъ какъ бы усталымъ уже перомъ, и которое у всѣхъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ писателей можетъ служить образцемъ краснорѣчія, есть не менѣе важная часть рѣчи: поелику въ ней витіи не менѣе употребляютъ своего искуства; а сіе для того что слушатель гораздо болѣе помнитъ окончаніе, нежели начало и средину ихъ слова. По сей причинѣ они въ заключеніи, повторивъ краткимъ образомъ все то, что изслѣдованіе имѣетъ самое сильное и самое поразительное, присоединяютъ къ тому новыя убѣжденія, прозьбы и тому подобное. При томъ все сіе дѣлаютъ такимъ образомъ, что, такъ сказать, осыпаютъ и изумляютъ слушателя множе-

ствомъ непрерывно слѣдующихъ одна за другою такихъ мыслей, изъ которыхъ каждая весьма сильное должна сдѣлать впечатлѣнїе въ его сердцѣ. Само собою видно, что всѣ служащїя къ возхищенїю ума и сердца Риторическїя украшенїя нигдѣ не могутъ имѣть приличнѣе мѣста, какъ въ семъ важномъ случаѣ.

§ 162. Таково у Цицерона заключенїе его рѣчи, которую онъ произносилъ въ оправданїе своего друга и благодѣтеля Милона, обвиняемаго въ убїенїи Клодїя, общаго ихъ недоброжелателя. Ораторъ описавъ, сколько онъ будетъ пораженъ разлукою съ Милономъ, по семъ говоритъ такъ. Примѣръ заключенїя.

Но сїи слезы не трогаютъ Милона. Онъ имѣетъ не понятную твердость духа; онъ почитаетъ, что тамъ токмо человѣкъ бываетъ въ изгнанїи, гдѣ не терпятъ добродѣтели; и что смерть есть предѣлъ природы, а не наказанїе. Но оставимъ его съ сими врожденными ему чувствованїями. Что

вы, Господа Судїи, о немъ скажете? Какую примете въ разужденїи его сторону? Не уже ли сохраняя память о немъ, его самаго изгоните? И такъ сыщется во вселенной праводушнѣйшее мѣсто, которое приметъ въ свои нѣдра сего добродѣтельнаго мужа; и которое по сему будетъ изящнѣе собственнаго его отечества? Къ вамъ, къ вамъ теперь обращаюсь, храбрые ирои, пролившїе кровь свою за отечество; къ вамъ, Господа Офицеры и воины, прибѣгаю посреди опасности не побѣдимаго гражданина. Не уже ли не токмо при вашихъ глазахъ, но между тѣмъ, какъ вы съ оружїемъ въ рукахъ бдите о безопасности сего судилища, сей толико мужественный вашъ сотоварищь будетъ изгнанъ и изключенъ изъ сего града? О бѣдный, о нещастный я ораторъ! Ты умѣлъ, Милонъ, убѣдить сей самый народъ возвратить меня изъ изгнанїя; а я не могу склонить его не лишить тебя отечества. Что я скажу въ отвѣтъ моимъ дѣтямъ, которые почитаютъ тебя вторымъ родителемъ? Что скажу тебѣ, любез-

ный мой братъ, участвовавшій въ ономъ бѣдственномъ моемъ изгнаніи, и находящійся теперь въ отсутствіи? То есть, что я не могъ спасти Милона чрезъ тѣхъ самыхъ, чрезъ которыхъ онъ возвратилъ мнѣ мое благосостояніе? И при томъ въ какомъ случаѣ я не могъ? Въ такомъ, который долженъ быть пріятенъ народу. Кого я не могъ къ тому убѣдить? Тѣхъ, которымъ смерть Клодія должна принести спокойствіе. При чьей прозьбѣ я не могъ? При моей. Какое я умышлялъ беззаконіе, или какое учинилъ злодѣяніе, Господа Судіи, когда угрожавшихъ всему отечеству враговъ открылъ, обнаружилъ, выставилъ, истребилъ? Всѣ изъ сего источника произтекаютъ мои и моихъ друзей нещастія. Къ чему вы меня возвратили? Не дѣлайте, Господа, мое возвращеніе оскорбительнѣе мнѣ самаго изгнанія. Ибо какъ я могу почитать себя возвратившимся въ отечество, разлучаяся съ тѣми, которые меня возвратили?

Я желалъ бы; (прости мнѣ мое отечество: ибо я опасаюсь, дабы не

сказать противъ тебя, говоря то, что внушаетъ мнѣ моя любовь къ Милону); я желалъ бы, чтобы лучше безсмертные Боги не только продолжили жизнь Клодїю, но еще допустили бы его быть Преторомъ, Консуломъ, Диктаторомъ, нежели видѣть такое зрѣлище. Но вотъ поистиннѣ не устрашимый и достойный вашего, Господа Судїи, сожитїя мужъ! Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ онъ мнѣ; напротивъ сего Клодїй долженъ былъ претерпѣть заслуженное имъ наказанїе: а я, естьли то нужно, снесу великодушно, хотя и не праведное. И такъ сей добродѣтельный мужъ, родившїйся къ услугамъ отечества, умретъ внѣ онаго? Или, когда судьба опредѣлитъ ему умереть за отечество; то не уже ли вы, сохраняя память о его добродѣтеляхъ, не дадите нигдѣ въ Италїи частицы земли для погребенїя его тѣла? Не уже ли кто нибудь изъ васъ опредѣлитъ въ изгнанїе того, кого по изгнанїи отсюда всѣ города будутъ приглашать къ себѣ? О блаженное мѣсто, которое приметъ къ себѣ сего мужа!

О не благодарное отечество, когда его изгонитъ! О нещастное, когда его лишится. Но время уже окончить: я за слезами не могу болѣе говорить; а Милонъ не позволяетъ защищать себя слезами. Прошу токмо и заклинаю васъ, Господа Судїи, не робкимъ духомъ при собранїи мнѣнїй открыть то, что вы будете чувствовать. Будьте увѣрены, что доброта вашей души, ваше правосудїе, ваша вѣрность весьма угодны будутъ тому, который избирая судей, избиралъ добродѣтельныхъ, благоразумныхъ и не устрашимыхъ гражданъ.

§ 163. Соображая извѣстные роды большихъ рѣчей, справедливо, кажется, можно ихъ раздѣлить на церковныя, гражданскїя и училищныя. Церковныя, то есть, произносимыя въ церквахъ, суть такїя слова, или большїя рѣчи, которыя въ наши времена, особливо въ нашемъ отечествѣ наиболѣе извѣстны и употребительны. Должно сказать, что Россїйскїе церковные витїи есть-

Различные роды большихъ рѣчей.

Церковныя.

ли не превзошли, то по крайней мѣрѣ ни въ чемъ не уступаютъ славнѣйшимъ въ семъ родѣ иностраннымъ ораторамъ. Мы имѣемъ своихъ собственныхъ Массильоновъ, Бурдалу, Боссюетовъ, Сореневъ, и имъ подобныхъ. Слова ихъ мы обыкновенно называемъ проповѣдями. Онѣ тѣмъ болѣе всего различны отъ прочихъ большихъ рѣчей, что въ нихъ все даже до выраженій почти единственно почерпается изъ священныхъ и церковныхъ книгъ. Краткія слова, взятыя изъ С. Писанія, почти всегда бываютъ общею матеріею; для того что не содержаніе сихъ словъ, но извлеченное изъ нихъ какое нибудь слѣдствіе бываетъ частною, то есть, такою матеріею, которая разумножается уже въ изслѣдованіи. И такъ приступъ сихъ рѣчей есть не что иное, какъ такое размышленіе, посредствомъ котораго ораторъ изъ общей своей матеріи выводитъ частную. Что касается до прочихъ частей; то онѣ ни чемъ не

Проповѣди.

различны отъ тѣхъ же частей большой рѣчи, изключая токмо то, о чемъ сказано выше.

§ 164. Сообразуяся съ обыкновенїемъ нашихъ временъ, къ церковнымъ словамъ можно причислить еще слова надгробныя, то есть, тѣ, которыя бываютъ произносимы въ церквахъ при погребенїи знаменитыхъ или своими достоинствами и заслугами, или своимъ рожденїемъ и состоянїемъ особъ. Онѣ всегда должны содержать въ себѣ похвалу усопшаго, но такъ, что сїи похвалы составляютъ или цѣлое слово, или нѣкоторую токмо его часть. Въ первомъ случаѣ оно почти ни чемъ не различно отъ слова похвальнаго, о которомъ предложено будетъ въ своемъ мѣстѣ: во второмъ же весьма много сходствуетъ съ проповѣдью. Оно также по большой части имѣетъ двѣ, то есть, общую и частную матерїи; и первою также бываютъ какїя нибудь С. Писанїя слова, Надгробныя слова.

но почти всегда такія, которыя кратко заключают въ себѣ похвалу, или главныя добродѣтели усопшаго; частною же матеріею бываетъ извлеченное изъ оныхъ нравоучительное слѣдствіе, но всегда приличное обстоятельствамъ, въ которыхъ бываетъ произносимо слово. И такъ приступъ сихъ рѣчей долженъ содержать въ себѣ связь обѣихъ сихъ матерій: но витія въ немъ необходимо касается того случая, на который онъ произноситъ свое слово. Въ семъ мѣстѣ приступа превосходные ораторы не рѣдко возхищаютъ слушателей такими мыслями и чувствованіями, которыя показываютъ, что они сами весьма тронуты смертію погребаемаго; особливо когда все сіе будетъ имѣть видъ рѣчи, свойственной человѣку, находящемуся въ сильной страсти. По разумноженіи въ изслѣдованіи доказательствъ, какія ораторъ изберетъ для подтвержденія своей частной матеріи; онъ по большой

части изчисляетъ служащія къ похвалѣ усопшаго, его качества, дѣянія, обстоятельства жизни, и тому подобное; соединивъ сію часть изслѣдованія съ предъидущими. Лучшіе сихъ рѣчей примѣры доказываютъ, что онѣ пишутся съ такимъ краснорѣчіемъ, которое, будучи произведеніемъ возхищеннаго и стремительнаго воображенія, не весьма далеко отъ стихотворческаго.

§ 165. Гражданскія рѣчи суть тѣ важныя сочиненія, которыя Государственные Чиновники о дѣлахъ касающихся до ихъ должности изустно, или письменно предлагаютъ своимъ согражданамъ, или иностранцамъ. И такъ мнѣнія, произносимыя въ собраніяхъ Правительства членами онаго; донесенія, представляемыя вышшей Власти; предписанія гражданамъ нижшаго и подчиненнаго состоянія; сношенія съ равными иногда соотечественными, иногда же иностранными по дѣламъ обществен- Гражданскія рѣчи.

нымъ; и прочїя тому подобныя обстоятельства бываютъ содержанїемъ сихъ рѣчей. Ничто столько не нужно ихъ сочинителю, какъ глубокое знанїе Исторїи и Статистики, то есть, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго состоянїя не токмо своего отечества, но и другихъ, особливо сосѣдственныхъ государствъ. Изъ сихъ источниковъ онъ почерпаетъ почти все. Въ самомъ дѣлѣ какъ можно на примѣръ убѣдительно говорить о войнѣ, не зная ничего о преждебывшихъ въ отечествѣ войнахъ, о силахъ своего государства и непрїятельскихъ, о пособїяхъ въ семъ случаѣ необходимо нужныхъ, о состоянїи границъ, и прочая? По мѣрѣ важности ихъ матерїи онѣ бываютъ пространны, или кратки; но всегда требуютъ сильнаго краснорѣчїя; то есть, при Риторическихъ украшенїяхъ твердыхъ и убѣдительныхъ мыслей. Въ древности Исторїя Римлянъ, а въ наши времена наиболѣе Аглинскїе Парламенты пред-

ставляютъ намъ множество примѣровъ сихъ рѣчей.

§ 166. Къ сему роду можно нѣкоторымъ образомъ отнести рѣчи судебныя, произносимыя въ собраніяхъ или Правительства, или народа въ обвиненіе, или въ оправданіе кого нибудь. Нынѣ онѣ употребительны въ нѣкоторыхъ токмо иностранныхъ государствахъ; но въ древней Греціи и въ древнемъ Римѣ составляли важнѣйшее и самое обыкновенное упражненіе ораторовъ. Когда они въ сихъ рѣчахъ доносили на кого, что онъ сдѣлалъ преступленіе; въ такомъ случаѣ доказательства изобрѣтали изъ обстоятельствъ самаго дѣла и жизни обвиняемаго, избирая изъ нихъ такія, которыя бы явно показывали, что онъ имѣлъ намѣреніе къ тому, и что онъ могъ сіе сдѣлать; или обнаруживали бы самое преступленіе; наконецъ утверждали свое донесеніе свидѣтельствами людей достойныхъ вѣроятія. Напротивъ Судебныя рѣчи.

сего когда они защищали обвиняемаго; то доказывали, или что онъ сего преступленія совсемъ не сдѣлалъ, или что сей его поступокъ не есть преступленіе. Въ первомъ случаѣ они почерпали доказательства изъ противныхъ показаннымъ источниковъ, а во второмъ изъ естественныхъ и гражданскихъ законовъ, изъ бывшихъ прежде подобныхъ сему примѣровъ, и прочая. Въ обоихъ случаяхъ сверьхъ приведенныхъ ими доказательствъ всегда опровергали доказательства противной стороны. Дошедшія до насъ сего рода рѣчи знаменитыхъ древнихъ ораторовъ показываютъ, что упражненіе въ нихъ требовало не токмо великой опытности въ искуствѣ краснорѣчія, не токмо обширнаго знанія законовъ и обыкновеній, но и отличнаго просвѣщенія во всѣхъ частяхъ словесности. Всѣмъ извѣстно, что Демосѳенъ и Цицеронъ почитаются образцами краснорѣчія сего рода.

§ 167. Наконецъ училищными рѣчами я называю тѣ, которыя или сочиняются, или произносимы бываютъ въ училищахъ. Употребительнѣйшія изъ нихъ у насъ суть такъ называемыя Декламацїи и Торжественныя рѣчи. Первыя можно назвать собственнымъ учащихся сочиненїемъ: поелику онѣ пишутся ими для упражненїя въ краснорѣчїи. По сей причинѣ въ нихъ все, отъ матерїи до самыхъ выраженїй, должно соотвѣтствовать способностямъ и состоянїю оратора; по сей же причинѣ въ нихъ всегда болѣе бываетъ украшенїй, нежели твердыхъ мыслей. Сверьхъ того онѣ по большой части бываютъ кратки. Торжественныя рѣчи бываютъ сочиняемы большею частїю учащими, и произносимы въ училищахъ при публичномъ собранїи по случаю или общественнаго, или училищнаго какого нибудь торжества. Особенное въ нихъ то, что ораторъ въ приступѣ необходимо долженъ говорить объ

Рѣчи училищныя.

Декламацїи.

Торжественныя рѣчи.

ономъ торжествѣ, и съ тѣмъ связать матерію своей рѣчи, въ разсужденіи которой весьма строго наблюдаются показанныя выше о выборѣ матеріи правила. Въ сихъ рѣчахъ употребляется всякаго рода Риторическое искуство. ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ издалъ въ свѣтъ множество такихъ рѣчей.

Диссертаціи.

§ 168. Сюда также можно причислить разсужденія, или Диссертаціи, не потому чтобъ онѣ были обыкновенно въ училищахъ произносимы, но единственно по сходству ихъ содержанія съ матеріями оныхъ рѣчей. Впрочемъ онѣ суть, такъ сказать, собственное мужей глубокаго просвѣщенія сочиненіе, въ которомъ все должно отвѣтствовать сему предварительному о сочинителѣ понятію. Новыя въ какой нибудь наукѣ открытія, опроверженіе издавна принятыхъ всѣми, но не справедливыхъ мнѣній, рѣшеніе предлагаемыхъ Академіями наукъ

задачь, и тому подобныя обстоятельства бывають ихъ матерiями. Собственное оратора благоразумiе служить ему и източникомъ изобрѣтенiя и правиломъ разположенiя. Само собою видно, что содержанiе сихъ сочиненiй не требуетъ того искуства, которое нужно для возхищенiя воображенiя, то есть, не имѣетъ надобности въ Риторическихъ украшенiяхъ; напротивъ сего главное ихъ совершенство состоитъ въ просвѣщенныхъ и основательныхъ мысляхъ, и въ твердой ихъ между собою связи. Примѣровъ сихъ рѣчей находится множество, особливо въ числѣ издаваемыхъ Академiями наукъ сочиненiй.

§ 169. Остаются теперь похвальныя слова, или Панегирики. Самое имя ихъ показываетъ, что похвала знаменитаго или умершаго, или современнаго лица бываетъ ихъ содержанiемъ. Судя по состоянiю похваляемыхъ лицъ и по мѣсту, гдѣ сiи рѣчи бываютъ Панегирики.

произносимы, не можно ихъ единственно причислить ни къ церковнымъ, ни къ гражданскимъ, ни къ училищнымъ словамъ; но слѣдуетъ назвать ихъ сочиненіемъ общимъ, то есть, такимъ, которое принадлежитъ къ каждому изъ оныхъ трехъ родовъ. Приступъ въ нихъ обыкновенно составляется изъ мыслей изобрѣтенныхъ отъ того случая, на который будетъ сочинено сего рода слово. Матеріею, какъ уже сказано, всегда бываетъ похвала какой нибудь важной особы; но сія похвала берется иногда отъ одного токмо его дѣянія, иногда же отъ всѣхъ достопамятныхъ обстоятельствъ его жизни. Въ первомъ случаѣ изобрѣтаются къ оному дѣянію мысли отъ Риторическихъ мѣстъ, на примѣръ, отъ причины, отъ времени, отъ обстоятельствъ, и прочая; и отъ каждаго Риторическаго мѣста изобрѣтенная мысль составляетъ особенное доказательство. Въ противномъ же случаѣ ораторы изобрѣтаютъ ихъ

отъ знаменитости отечества похваляемаго лица, отъ славы его предковъ, отъ превосходныхъ его природныхъ дарованій какъ душевныхъ такъ и тѣлесныхъ, отъ достопамятныхъ произшествій, бывшихъ во время его рожденія, отъ важныхъ обстоятельствъ его воспитанія, отъ просвѣщенія и любви его къ наукамъ, отъ нравственныхъ и гражданскихъ добродѣтелей, отъ знаменитыхъ дѣяній, отъ внѣшняго состоянія, отъ достойныхъ любви качествъ его дѣтей, и наконецъ отъ примѣровъ, или отъ сравненія. Каждое, приисканное отъ показанныхъ источниковъ доказательство, составляя особливую часть изслѣдованія бываетъ разумножаемо не иначе, какъ сказано выше о разумноженіи оныхъ. Но нигдѣ столько, какъ въ сихъ рѣчахъ, не употребителенъ тотъ родъ разумноженія, который извѣстенъ подъ именемъ общаго мѣста, и который въ сравненіи съ доказательствомъ, при коемъ онъ полагается,

есть не что иное, какъ въ искуственной хріи приступъ въ сравненіи съ предъидущимъ. Все высокаго рода искуство краснорѣчія находитъ приличное мѣсто въ сихъ рѣчахъ, которыхъ превосходнымъ образцемъ можетъ быть похвальное Г. Ломоносова слово Государю Императору ПЕТРУ I.

Исторія. § 170. Показавъ главныя правила и роды большихъ рѣчей, слѣдуетъ теперь показать то, что наука краснорѣчія предписываетъ объ Историческихъ сочиненіяхъ. И такъ Исторія въ разсужденіи составныхъ ея частей есть не что иное, какъ собраніе нѣсколькихъ соединенныхъ между собою, и относящихся къ одному главному предмѣту Физическихъ, Историческихъ и нравственныхъ описаній; а въ разсужденіи содержанія оной, есть вѣрное изображеніе бывшихъ на театрѣ міра дѣяній и произшествій. Разсматривая со вниманіемъ Исторіи, писанныя славными творцами, находимъ, что совершенства сего

Ея совершенства.

рода сочиненій состоятъ въ благоразумномъ выборѣ для повѣствованія какъ самыхъ дѣяній, такъ и соединенныхъ съ ними обстоятельствъ; въ искуствѣ изображать качества и нравы описуемыхъ лицъ; и не примѣтнымъ образомъ соединять съ тѣмъ убѣдительныя наставленія. Впрочемъ все сіе относится до изобрѣтенія; чтожъ касается до разположенія, то строгая во всемъ сообразность большею частію съ порядкомъ времени, а не рѣдко и съ собственнымъ благоразуміемъ сочинителя; въразсужденіи же выраженій и украшенія, наиболѣе естественная простота, удаленная по видимому отъ всякаго искуства, составляютъ главныя достоинства Историческаго писателя.

§ 171. И такъ не всѣ дѣянія, и не всѣ произшествія могутъ быть содержаніемъ Исторіи. Однѣ токмо достопамятныя изъ нихъ должны составлять ее. Но какія сіи достопамятныя бытія? Онѣ суть тѣ, которыя обнаруживая

О выборѣ дѣяній и произшествій.

человѣческую природу, тѣмъ самимъ служатъ къ нашему наставленію; то есть, въ которыхъ какъ бы въ зеркалѣ видны качества ума и сердца. И посему такія токмо произшествія достойны Историческаго пера, изъ которыхъ явствуютъ господствующія въ цѣломъ народѣ, или въ одномъ какомъ нибудь знаменитомъ человѣкѣ какъ добродѣтели, такъ и слабости, основанія нравственности, употребленныя къ устроенію благополучія пособія, состояніе разума и познанія, отличія въ обыкновеніяхъ, и тому подобное: поелику сіе одно, открывая намъ то, что люди во всѣхъ временахъ имѣли достойное нашей любви, уваженія, и не рѣдко даже удивленія, можетъ разположить насъ къ подражанію имъ въ томъ; сіе одно также, показывая намъ все, что когдалибо человѣкъ сдѣлалъ достойное нашего охужденія, можетъ убѣдить насъ отъ того отвращаться.

§ 172. Послѣ таковой разборчивости въ разсужденіи дѣяній и произшествій, благоразумные Историки не съ меньшею осмотрѣливостію разсматриваютъ всѣ соединенныя съ оными обстоятельства: они избираютъ изъ ихъ множества токмо такія, которыя существенное имѣютъ отношеніе къ повѣствуемому ими бытію; какъ на примѣръ истинныя онаго причины, бывшія къ тому побужденія, главныя пособія, важнѣйшія препятствія, употребленныя къ отвращенію ихъ мѣры, и тому подобное. Сіе заставляетъ читателя во внутренности своего сердца участвовать въ состояніи описуемаго Историкомъ лица, или народа; а чрезъ то и самое повѣствованіе дѣлается ему пріятнымъ: сіе также живѣйшимъ образомъ можетъ начертать въ его воображеніи описанное сочинителемъ дѣяніе, и сдѣлать оное достойнѣйшимъ любви, когда оно похвально; или отвратительнѣйшимъ, когда оно пороч-

О выборѣ обстоятельствъ.

но: сіе наконецъ обнаруживаетъ внутреннія и сокровеннѣйшія движенія человѣческаго сердца; въ чемъ по моему мнѣнію состоитъ главная польза Исторіи.

Примѣръ выбора обстоятельствъ.

Такимъ образомъ Титъ Ливій описывая въ 21 ой книгѣ походъ Аннибаловъ въ Италію, входитъ въ великую подробность о всѣхъ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могутъ дать читателямъ весьма ясное понятіе, сколь чрезвычайно было сіе предпріятіе, и сколь не обыкновенна та непоколебимость, съ какою оно выполнено. Сей не сравненный Историкъ представляетъ, что оному великому полководцу надобно было вопервыхъ взять вольный и лежащій на границахъ Римскихъ и Карѳагенскихъ въ Испаніи владѣній городъ Сагунтъ; потомъ покорить ту часть Испаніи, которою владѣли Римляне, и содержатъ ее въ повиновеніи; перейти чрезъ Пиринейскія горы; переправиться чрезъ рѣку Рону, которая широка и быстра при своемъ устьѣ,

и которой берега были усѣяны непрїятелями; надобно было проложить путь чрезъ Алпійскія горы, чрезъ которыя прежде никто не проходилъ; итти между стремнинами и пропастями, сражаться за каждый шагъ съ нагорными народами, скрывающимися на то время вездѣ въ засадахъ; надобно было продираться почти вездѣ сквозь тѣсные проходы, итти по снѣгамъ, по льдамъ, между стремительными ручьями, подъ дождями, подъ ужасными громами, которые весьма часты и весьма сильны на сихъ горахъ; надобно было вести за собою стотысящную армѣю, состоящую изъ разныхъ иноплеменниковъ, не довольныхъ своимъ военачальникомъ, котораго твердости не могли они подражать.

Между тѣмъ должно сказать, что превосходнѣйшїе Историческїе писатели иногда говорятъ о такихъ дѣлахъ, которыя собственно не принадлежатъ къ ихъ повѣствованїю: однако они въ сихъ отступленїяхъ всегда предлагаютъ о томъ, что имѣетъ нѣко-

Отступленія.

торое отношеніе къ описуемому ими бытію; и по мѣрѣ сей связи разпространяются, или бываютъ кратки въ сихъ мѣстахъ своихъ сочиненій.

О справедливости дѣяній и правдивости писателя.

§ 173. Однако не въ семъ одномъ состоитъ благоразумный выборъ дѣяній и обстоятельствъ для повѣствованія. Историкъ въ семъ случаѣ долженъ показать еще свою разсудительность, отличая вездѣ истинное отъ ложнаго, сомнительное отъ достовѣрнаго; и правоту сердца, отдавая всему должную справедливость. Предполагая, что сіи писанія должны служить потомкамъ источникомъ тѣхъ понятій, какія они будутъ имѣть о прошедшихъ временахъ, сочинители ихъ весьма строго обязуются чрезъ то предавать будущимъ вѣкамъ токмо то, что основано на достовѣрныхъ преданіяхъ и свидѣтельствахъ; и совсемъ оставлять, или по крайней мѣрѣ всегда отличать то, что сомнительно.

Сверхъ сего лишается всякаго вѣроятiя Историкъ, когда разсудительный читатель примѣтитъ, что онъ по причинѣ какого нибудь пристрастiя совсемъ иной даетъ видъ вещамъ и дѣламъ, нежели какой онѣ имѣютъ въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпнулъ о нихъ свѣденiе. Разборчивость и правдивость въ сихъ писателяхъ простираются до того, что они вездѣ отличаютъ истинно похвальное и изящное отъ того, что по одной токмо наружности кажется такимъ.

§ 174. Въ описанiи дѣянiй Историкъ всегда долженъ показать не токмо ихъ виновника, но и тѣхъ, которые знатное имѣли въ нихъ участiе. Въ семъ случаѣ онъ не однѣ ихъ имена долженъ намъ сказать; но дать понятiе о ихъ разумѣ и сердцѣ, то есть, обнаружить ихъ внутренность, открывая сокровеннѣйшiя ихъ мнѣнiя и чувствованiя, отличительныя ихъ добродѣтели и пороки, которыя

О изображенiи описуемыхъ лицъ.

были въ ихъ жизни, такъ сказать, пружиною всѣхъ ихъ дѣлъ. Чрезъ то онъ даетъ видѣть тайныя, но истинныя побужденія къ тѣмъ дѣяніямъ, о которыхъ онъ предлагаетъ; а тѣмъ самимъ рождаетъ болѣе любопытства въ читателѣ, и дѣлаетъ свои повѣствованія способнѣйшими къ наставленію.

Примѣръ изображенія описуемыхъ лицъ.

Посмотримъ, какъ Титъ Ливій, начиная описывать дѣянія Аннибала, предварительно даетъ намъ понятіе (кн. 21. гл. 4.) о семъ великомъ Карѳагенцѣ. Аннибалъ, говоритъ онъ, будучи посланъ въ Испанію, тотчасъ по прибытіи туда обратилъ на себя вниманіе всего войска. Старымъ солдатамъ казалося, что они видятъ въ немъ Амилкара въ томъ состояніи, какъ онъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ; потому что они находили въ Аннибалѣ такую же бодрость въ лицѣ, такую же проницательность въ очахъ, такой же окладъ и такія же черты лица. По сей причинѣ онъ въ скоромъ времени вошелъ въ

любовь по примѣру своего отца у всего войска. Никогда не было человѣка способнѣе къ двумъ весьма различнымъ состоянiямъ, то есть, повиноваться и повелѣвать; а посему трудно рѣшительно сказать, военачальникомъ, или войскомъ онъ былъ болѣе любимъ. Съ одной стороны Аздрубалъ, (бывшiй тогда главнымъ военачальникомъ Кареагенскаго войска въ Испанiи), никому кромѣ его не давалъ охотно такихъ препорученiй, которыя требовали храбрости и разторопности; а съ другой воины никогда не были благонадежнѣе и отважнѣе, какъ будучи подъ начальствомъ Аннибаловымъ. Его предпрiятiя, соединенныя почти всегда съ великими опасностями, показываютъ въ немъ чрезмѣрную отважность; его состоянiе посреди сихъ самыхъ опасностей доказываетъ чрезвычайное его благоразумiе. Онъ равномѣрно былъ терпѣливъ въ разсужденiи жаровъ и стужи: не сластолюбiе, но удовлетворенiе естественнымъ потребностямъ служило ему мѣрою въ употребленiи пищи и питiя: онъ не имѣлъ ни днемъ, ни

ночью опредѣленныхъ часовъ, когда ему спать, или не спать; но остающееся отъ дѣлъ время обыкновенно употребляялъ на успокоенїе; и что бы скорѣе уснуть, не имѣлъ нужды ни въ мягкой постелѣ, ни въ безмолвїи. Часто видали его спящимъ подъ салдатскимъ плащемъ на землѣ подлѣ часовыхъ, или подлѣ сборныхъ мѣстъ. Одежда на немъ никогда не была лучше одежды его сверстниковъ; отличался онъ только превосходствомъ своего оружїя и своихъ коней. Онъ былъ первый человѣкъ изъ всей пѣхоты и изъ всей конницы; онъ предупреждалъ всѣхъ, когда надобно было итти на сраженїе, а со сраженїя всегда возвращался послѣднимъ. Впрочемъ равные симъ великимъ достоинствамъ находилися въ немъ пороки; онъ былъ жестокосердъ до безчеловѣчїя, вѣроломнѣе всякаго другаго Карѳагенца; не было въ немъ ни искры правдолюбїя, не было для него ничего священнаго; онъ нимало не страшился Боговъ, нимало не наблюдалъ клятвъ, никакого не уважалъ закона. Съ сими отличными достоинствами и пороками

онъ три года служилъ подъ главнымъ предводительствомъ Аздрубала, не опустивъ безъ вниманія ничего, что нужно было дѣлать, или по крайней мѣрѣ видѣть тому, кто готовился быть самъ великимъ военачальникомъ.

§ 175. Не рѣдко искусные сего рода писатели заставляютъ тѣхъ, которые имѣли важное участіе въ повѣствуемыхъ бытіяхъ, произносить предъ собраніемъ истинныя, или вымышленныя самимъ сочинителемъ рѣчи; однако всегда такія, которыя показываютъ намъ разположеніе ихъ сердца и состояніе разума; и часто содержатъ въ себѣ такія обстоятельства, которыя не вмѣстны въ самомъ повѣствованіи. Сіи рѣчи, называемыя Г. Ломоносовымъ вводными, пишутся съ отличнымъ краснорѣчіемъ.

О вводныхъ рѣчахъ.

Ими наполнены древніе Историки; но я и здѣсь намѣренъ предложить образецъ изъ того же Ливія, который въ началѣ четвертой книги своей Исторіи желая

Примѣръ вводныхъ рѣчей.

изобразить сколько можно яснѣе обстоятельства и причины бывшей въ древнемъ Римѣ между дворянами и простымъ народомъ вражды, заставляетъ одного изъ народныхъ Трибуновъ по имени Канулеія говорить предъ народомъ слѣдующую рѣчь.

Сколько, Римляне, презираютъ васъ дворяне ваши, сколь не достойными васъ почитаютъ того, что бы вы жили съ ними въ одномъ городѣ и въ однѣхъ стѣнахъ, хотя я часто и прежде примѣчалъ; однако теперь наиболѣе вижу сіе изъ того, что они столь жестоко возстали противу сихъ нашихъ узаконеній; которыя содержатъ ли что нибудь другое, кромѣ одного напоминовенія, что мы ихъ сограждане; и что хотя мы не имѣемъ такого же достатка, однако живемъ съ ними въ одномъ отечествѣ? Въ первомъ изъ оныхъ мы просимъ свободы взаимнаго бракосочетанія, которое дозволяютъ они сосѣдамъ и иностранцамъ. Но прежде мы давали права гражданства, которыя болѣе нежели бракъ, непрія-

телямъ, и при томъ побѣжденнымъ. Другимъ узаконенїемъ мы ничего новаго не вводимъ, но хотимъ возвратить себѣ и пользоваться тѣмъ, что собственно принадлежитъ народу; то есть, что бы давать чины тѣмъ, кому онъ хочетъ.

Чтожъ сїе значитъ, что они мѣшаютъ небо съ землею; что не давно едва не напали на меня въ Сенатѣ; говоря, что они готовы за сїе сражаться, и что въ семъ случаѣ ни мало не уважатъ права неприкосновенности къ Трибунамъ? Ежели будетъ свобода Римскому народу давать Консульское достоинство тому, кому онъ захочетъ; ежели не будетъ пресѣчена надежда получить верьховную власть и простому гражданину, когда онъ ея достоинъ: то не уже ли не можетъ стоять сей градъ? Не уже ли погибло отечество? Не уже ли все равно, когда мѣщанинъ будетъ Консуломъ, какъ бы кто нибудь произвелъ Консуломъ раба, или отпустнаго человѣка? Чувствуете ли, Римляне, въ какомъ вы живете презрѣнїи? Естьли бы можно

было, то бы они захотѣли отнять у васъ часть сего свѣта. Они негодуютъ на то, что вы дышете, что вы имѣете способность говорить, что вы имѣете образъ человѣческій. Сего мало: они почитаютъ даже беззаконіемъ, мѣщанину, (хотя бы то было угодно Богамъ), быть Консуломъ. Но постойте! Скажите намъ, естьли насъ не допускаютъ до лѣточисленія, до записокъ Первосвященническихъ; то не уже ли мы не знаемъ даже и того, что извѣстно всѣмъ иностранцамъ; то есть, что Консулы заступили мѣсто царей; и что всѣ права, вся власть, какую они имѣютъ, принадлежали прежде царямъ? Не уже ли вы думаете, что мы не слыхали никогда, что Нума Помпилій, бывшій не только не дворяниномъ, но ниже гражданиномъ Римскимъ, былъ призванъ изъ Сабинскаго владѣнія по приказанію народа и по утвержденію дворянъ царствовать въ Римѣ? Что потомъ Тарквиній, не только не Римскаго, но и не Италіанскаго поколѣнія, сынъ Корин-

ѳянина Дарамата, житель города Тарквиніи, при жизни дѣтей Анковыхъ, здѣланъ царемъ? Что послѣ него Сервій Туллъ, родившійся отъ плѣнницы Корникуланской, произшедшій отъ не извѣстнаго отца и рабы, достигъ до престола разумомъ и добродѣтелію? Чтожъ скажемъ о Таціи Сабинянинѣ, котораго самъ Ромулъ, основатель сего града, здѣлалъ участникомъ престола? И такъ доколѣ не презирали никакого рода, въ которомъ сіяла добродѣтель, дотолѣ Римское государство возрастало. Сожалѣйте же теперь, что у васъ мѣщанинъ будетъ Консуломъ, когда наши предки не гнушалися пришельцевъ имѣть царями; и когда даже и послѣ царей городъ не былъ затворенъ добродѣтельнымъ иностранцамъ. Всѣмъ извѣстно, что мы послѣ царей приняли родъ Клавдіевъ не токмо въ число гражданъ, но и въ число дворянъ. И ежели пришлецъ можетъ быть у насъ дворяниномъ, а потомъ и Консуломъ; то справедливо ли не допускать до Консульства Римскаго гражданина за то, что онъ мѣщанинъ? Не уже ли не возможно,

чтобъ изъ простаго народа сыскался человѣкъ храбрый, расторопный, способный къ войнѣ и миру, подобный Нумѣ, Тарквинїю и Туллїю? Или, хотябы и сыскался, однако мы не допустимъ его до управленїя государствомъ; и лучше будемъ имѣть Консулами гражданъ подобныхъ онымъ Дегнуснѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ Десятоначальникамъ, нежели людей низкаго произхожденїя, но подобныхъ превосходнѣйшимъ изъ царей?

Но послѣ царей, скажете вы, никто изъ народа не былъ Консуломъ? Чтожъ изъ того? Не уже ли не должно, не взирая ни на какую пользу, принимать того, чего еще не было; (поелику всегда много въ новомъ народѣ не достаетъ)? Не было ни Первосвященниковъ, ни Птицегадателей въ царствованїе Ромулово; но Нума ихъ учредилъ. Не было въ государствѣ переписи и росписанїя гражданъ на сотни и статьи; но Туллїй сдѣлалъ. Не было никакихъ Консуловъ во время царей; послѣ ихъ однако установлены. Не была извѣстна ни власть, ни имя

Диктатора; но начали быть при нашихъ предкахъ. Не было никакихъ народныхъ Трибуновъ, Едилей и Казначеевъ; но узаконено имъ быть. Въ теченіи десяти лѣтъ мы здѣлали и изгнали изъ отечества Десятоначальниковъ для сочиненія законовъ. Кто скажетъ, что въ городѣ, основанномъ для вѣчности и чрезвычайно возрастающемъ, не должно вводить новыхъ чиновъ, новыхъ жрецовъ, новыхъ правъ гражданскихъ и народныхъ?

Не сіи ли Десятоначальники во время не многихъ оныхъ лѣтъ къ величайшей обидѣ народа, подавая свѣту не достойнѣйшій примѣръ, узаконили, чтобы дворяне не имѣли бракосочетанія съ мѣщанами? Можетъ ли быть какое нибудь больше и явнѣе безчестіе, какъ то, что одна часть гражданъ, какъ бы не чистая, почитается не достойною взаимнаго бракосочетанія? Не все ли будетъ равно, что терпѣть изгнаніе и заточеніе живучи внутри тѣхъ же стѣнъ? Они остерегаются, чтобы мы не вмѣшалися въ ихъ родство и свойство, чтобы не здѣлалась кровь общею. Какъ? Ежели сіе

обезчестить ваше благородство, которое многіе изъ васъ, происходя отъ Албанцевъ и Сабинянъ, имѣютъ не по роду и не по крови, но посредствомъ причисленія къ дворянамъ царями, или потомъ народомъ: то неужели вы не можете сохранить оное во всей цѣлости личнымъ своимъ благоразуміемъ, а не тѣмъ, чтобъ не брать женъ изъ простаго народа, и чтобы не позволять своимъ дочерямъ и сестрамъ вступать въ бракъ, выходя изъ рода дворянскаго? Никто не принудилъ бы другаго учинить противъ воли брачной союзъ. И такъ запрещать сіе закономъ, и уничтожать бракъ между дворянами и народомъ, значитъ дѣлать дѣйствительную обиду народу. Для чего вы не узаконяете, чтобы не вступали во взаимной бракъ богатые съ бѣдными? Что вездѣ и всегда зависѣло отъ воли каждаго, то есть, чтобы всякая женщина выходила замужъ въ тотъ домъ, въ которой ей выгодно будетъ, и чтобы мужъ бралъ себѣ жену изъ того дома, изъ какого пожелаетъ; то вы хотите подверг-

нуть надменнѣйшему закону, раздирая онымъ гражданскій союзъ, и дѣлая два общества изъ одного. Для чего вы не узаконяете, чтобы мѣщанинъ не жилъ съ дворяниномъ въ сосѣдствѣ? Чтобы не ходилъ однимъ путемъ? Чтобы не былъ въ однихъ гостяхъ? Чтобы не стоялъ на одной площади? Таковыя взаимныя сообщенія весьма сходствуютъ съ симъ дѣломъ; то есть, ежели дворянинъ женится на мѣщанкѣ, или мѣщанинъ будетъ имѣть женою дворянку. Но какое тутъ перемѣняется право? Дѣти остаются въ томъ состояніи, въ какомъ былъ отецъ. И мы ничего другаго не ищемъ чрезъ бракосочетаніе съ вами, какъ только быть въ числѣ людей, въ числѣ гражданъ: и вамъ не о чемъ спорить, естьли вы не хотите ссориться къ нашему общему безчестію и безславію.

Наконецъ не уже ли, какъ скоро какое нибудь узаконеніе будетъ предложено, то вы вмѣсто наказанія Трибунамъ велите набирать войско; и какъ скоро я Трибунъ буду созывать народъ для подаванія голосовъ; то ты

Консулъ станетъ приводить молодыхъ людей къ присягѣ, и выводить въ лагерь, угрожая народу и его чиновникамъ? Но что было бы еще, когда бы вы не дважды уже узнали, сколько сїи угрозы сильны противъ единодушїя народа? Помните ли, что прекратило тогдашнюю нашу ссору? Толи, что вы согласилися на нашу пользу, или что та сторона была умѣреннѣе, которая была сильнѣе? Да и теперь не будетъ ссоры, Римляне: они всегда станутъ узнавать ваши мысли, но никогда не захотятъ испытать вашихъ силъ. И такъ, Консулы, для сей войны, хотя бы она была выдумана, хотя бы истинна, готовъ вамъ народъ; естьли вы, возвратившии намъ право супружества, составите съ нами одно отечество; естьли будетъ позволено намъ сопрягаться, соединяться и сообщаться съ вами посредствомъ частныхъ союзовъ; естьли дана будетъ надежда, естьли данъ будетъ доступъ къ честямъ людямъ усерднымъ и храбрымъ; естьли свободно будетъ всякому быть соучастникомъ, сочленомъ отечества;

и, что также составляетъ свойство свободы, то повелѣвать другими будучи въ годовыхъ чинахъ, то повиноваться другимъ, находящимся въ оныхъ. Но естьли кто изъ васъ сему возпротивится; то говорите, сколько угодно, о войнѣ, разглашайте о ней вездѣ; однако будьте увѣрены, что никто не запишется служить подъ вашими знаменами, никто ни приметъ въ руки оружїя, никто не будетъ сражаться за гордыхъ своихъ повелителей, съ которыми мы, судя со стороны государственныхъ дѣлъ, въ чинахъ, а со стороны частныхъ, въ бракосочетанїяхъ никакого не имѣемъ сообщества.

§ 176. Положимъ, что Историкъ со всемъ должнымъ благоразумїемъ изберетъ для повѣствованїя какъ самыя бытїя, такъ и относящїяся къ нимъ обстоятельства; и съ возможнымъ искуствомъ изобразитъ качества и нравы описуемыхъ имъ лицъ: при всемъ томъ не всякой читатель можетъ самъ собою извлечь изъ того для себя наставленїя. Сїе

О наставленїяхъ.

также остается долгомъ Историческаго писателя. Но въ семъ главное искуство заключается въ томъ, дабы сіи наставленія вперяемы были читателю не чувствительно; такъ чтобы онъ читая ихъ въ Исторіи, почти не различалъ отъ самаго повѣствованія. Превосходные Историческіе творцы достигаютъ до сего тѣмъ, что они ихъ, почерпая въ самыхъ существенныхъ обстоятельствахъ описуемаго ими бытія, разсѣваютъ вездѣ въ своемъ повѣствованіи, и такъ тѣсно съ нимъ соединяютъ, что онѣ кажутся естественными его частями.

Примѣръ предложенія наставленій.

Такимъ на примѣръ образомъ написанъ слѣдующій періодъ, въ которомъ одинъ изъ новѣйшихъ Историковъ говоритъ о началѣ Генуи и Венеціи.

Два приморскіе города въ Италіи начали возвышаться предъ прочими не посредствомъ внезапныхъ набѣговъ, въ которыхъ состоитъ все право приш-

лыхъ народовъ на обитаемыя нынѣ ими земли, но посредствомъ благоразумнаго трудолюбія, которое однако вскорѣ превратилося въ пристрастіе къ завоеваніямъ. Я предоставляю самому читателю удовольствіе замѣтить, какъ искусно, и сколько здѣсь предложено весьма важныхъ наставленій.

Напротивъ сего въ такомъ случаѣ, когда и посредственнаго вниманія читатель можетъ ихъ самъ себѣ представить, не благоразумно было бы, естьлибъ Историкъ сталъ заниматься ихъ объясненіемъ.

§ 177. Не менѣе также требуетъ разсудительности и расположеніе Историческихъ сочиненій: поелику въ нихъ весьма много зависитъ отъ благоразумнаго размѣщенія и искусной связи повѣствуемыхъ дѣяній. Историкъ безъ сомнѣнія обязанъ наблюдать порядокъ времени и теченіе лѣточисленія: однако случается, что онъ не можетъ какого нибудь

О разположеніи Исторіи.

бытія представить во всемъ его совершенствѣ, не соединивъ съ нимъ позднѣйшаго, или случившагося совсемъ въ иныхъ обстоятельствахъ произшествія, которое обнаруживаетъ существенное онаго предварительнаго дѣянія положеніе. Въ такихъ случаяхъ онъ не рѣдко сообразуется болѣе со взаимнымъ между собою отношеніемъ произшествій, нежели съ теченіемъ лѣтъ. Что касается до связи оныхъ, то превосходные Историческіе писатели вездѣ такъ соединяютъ одно съ другимъ повѣствуемыя ими дѣла и относящіяся къ онымъ обстоятельства, что не чувствительно ведутъ съ собою читателя отъ одного бытія къ другому за нимъ слѣдующему; такъ что ихъ сочиненіе кажется однимъ непрерывнымъ повѣствованіемъ.

Разные виды Исторіи.

§ 178. Все то, что по сіе мѣсто сказано объ Историческихъ сочиненіяхъ, относится до всѣхъ ихъ вообще. Но есть разные виды Исторій, и каждый изъ нихъ

имѣетъ нѣкоторыя особенныя качества. Исторія всеобщая, которая объемлетъ бытія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, требуя отъ сочинителя обширнѣйшаго просвѣщенія, налагаетъ на него необходимый долгъ знать достовѣрные источники дѣяній каждаго народа: поелику она должна содержать въ себѣ такія бытія, которыя бы могли служить основаніемъ и какъ бы предуготовленіемъ къ особенной каждаго народа Исторіи. Напротивъ сего Исторія частная повѣствуетъ или объ одномъ какомъ нибудь народѣ, или объ одномъ какомъ нибудь важномъ бытіи, или объ одномъ знаменитомъ человѣкѣ. Въ первомъ случаѣ она, начиная отъ самаго начала, или произхожденія народа до его паденія, или послѣднихъ его временъ, непрерывно предлагаетъ такія его дѣянія, и бывшія съ нимъ произшествія, которыя даютъ намъ достаточное понятіе, въ какомъ положеніи въ каждомъ вѣкѣ былъ сей народъ

Исторія всеобщая.

— Частная.

——Одного народа.

въ разсужденіи своего нравственнаго, гражданскаго и ученаго состоянія. Когда же Историкъ намѣренъ предать памяти потомковъ какое нибудь знаменитое бытіе; то необходимый его долгъ предуготовить къ сему своего читателя, давъ ему предварительное понятіе о тѣхъ предъидущихъ бытіяхъ, съ которыми оно имѣетъ связь, о политическомъ состояніи, о нравахъ, о государственныхъ видахъ того народа, къ Исторіи котораго оно относится, и объ обстоятельствахъ тѣхъ временъ и тѣхъ мѣстъ, когда и гдѣ оно происходило. Наконецъ въ Исторіи одного человѣка, называемой иначе житіемъ, писатель такія обыкновенно предлагаетъ его дѣянія и бывшія съ нимъ произшествія, которыя имѣли вліяніе въ общественное, по крайней мѣрѣ въ семейственное состояніе, и которыя показываютъ намъ господствующія въ немъ совершенства и слабости, бывшія побужденіемъ всѣхъ его дѣлъ. Когда же

——Одного бытія.

——Одного человѣка, или житіе.

Историкъ касается частныхъ и личныхъ его дѣяній; то единственно такихъ, которыя съ какой нибудь стороны могутъ служить къ нашему наставленію.

КОНЕЦЪ ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О слогѣ, или о совершенствахъ слова, зависящихъ вообще отъ украшенiй, изобрѣтенiя и расположенiя.

О слогѣ вообще.

§ 179. Теперь представте себѣ всѣ вмѣстѣ произходящiя отъ выраженiй, отъ качества мыслей, и взаимной ихъ между собою связи свойства краснорѣчiя: вотъ истинное понятiе, какое должно имѣть о слогѣ вообще. Онъ есть тоже въ сочиненiи, что сложенiе (темпераментъ) въ человѣкѣ. Подъ симъ названiемъ мы разумѣемъ отличныя и тѣлесныя и душевныя вмѣстѣ качества человѣка: равнымъ образомъ слогъ есть общее имя, подъ которымъ содержится все то, что сочиненiе заимствуетъ и отъ словъ и отъ мыслей: пое-

лику съ какой бы стороны вы ни стали о немъ судить; и чтобы въ немъ ни нашли хорошаго или худаго, превосходнаго или посредственнаго, все сїе относится къ слогу; даже преимущественно видныя въ сочиненїи какїя нибудь совершенства или недостатки краснорѣчїя бываютъ источникомъ частныхъ его названїй.

Слогъ долженъ отвѣчать намѣренїю сочиненїя.

§ 180. Главное совершенство всякаго зданїя состоитъ въ томъ, чтобъ оно отвѣтствовало тому намѣренїю, съ какимъ выстроено: подобнымъ образомъ самое важное и самое нужнѣйшее качество сочиненїя есть то, чтобы слогъ, то есть, употребленныя въ немъ мысли и выраженїя, былъ сообразенъ главному намѣренїю всего слова: такъ что чемъ болѣе ощутительны излишество или недостатокъ краснорѣчїя въ отношенїи къ той цѣли, которой сочинитель долженъ достигнуть; тѣмъ менѣе онъ можетъ ожидать желаемаго имъ успѣха. Въ самомъ

дѣлѣ совершенно не возможно воспламенить сердце слушателя, говоря о предметѣ возбуждаемой страсти языкомъ равнодушія: не возможно плѣнить его воображеніе такою рѣчью, которая не изпещрена никакими искуственными красотами; и нѣтъ ничего обыкновеннѣе и справедливѣе, какъ его негодованіе въ такомъ случаѣ, когда о дѣлахъ весьма важныхъ предлагаютъ ему или нерадиво, или легкомысленно; и напротивъ сего говоря о дѣлахъ простыхъ и обыкновенныхъ изтощаютъ все искуство краснорѣчія.

Намѣреніе сочиненія бываетъ трояко.

§ 181. Но чтобы слогъ отвѣтствовалъ всегда главному намѣренію сочиненія; то стоитъ только напередъ заняться нѣсколько матеріею слова. Сіе не большое размышленіе тотчасъ покажетъ и ту цѣль, къ которой должно клониться все сочиненіе, и то искуство, какое долженъ въ немъ употребить сочинитель. Положимъ на примѣръ,

что онъ хочетъ пересказать своимъ слушателямъ или читателямъ нѣкоторое, впрочемъ не рѣдкое, но обыкновенное произшествіе; первое въ семъ случаѣ его намѣреніе должно быть то, чтобъ ясно начертать, и надолго оставить въ ихъ памяти сообщаемое имъ произшествіе; а для сего конечно не нужно высокопарное краснорѣчіе, но достаточно почти одно простое и естественное слово. Но когда содержаніемъ сочиненія будетъ гораздо болѣе занимающая вниманіе мысль; тогда долгъ писателя не только изтолковать ее сколько можно яснѣе, но еще увѣрить и убѣдить въ ней своихъ слушателей. И по сему онъ сверьхъ ясности и твердости доказательствъ употребитъ въ помощь искуство краснорѣчія; дабы чрезъ то плѣнивъ воображеніе, удобнѣе повелѣвать умомъ и сердцемъ. Послушаемъ теперь оратора, предлагающаго о какомъ нибудь не обыкновенномъ, важномъ и весьма занимающемъ его слу-

шателей предметѣ: онъ разточаетъ всѣ сокровища витiйства, и такъ сказать миновавъ разумъ, говоритъ единственно сердцу.

Слогъ есть троякаго рода.

§ 182. Отъ сего произходятъ три различные между собою рода слоговъ. Когда сочинитель или повѣствуетъ, или разсуждаетъ о чемъ нибудь не весьма важномъ, съ тѣмъ намѣренiемъ, чтобы только оставить сiе въ памяти или въ умѣ своихъ читателей; то употребляемое въ семъ случаѣ краснорѣчiе называется низкимъ или простымъ слогомъ: но когда онъ старается усладить и плѣнить ихъ воображенiе своимъ словомъ, соединяя съ природными искуственныя красоты; то употребляемое на сей конецъ краснорѣчiе извѣстно подъ именемъ посредственнаго слога: наконецъ когда писатель возхищаетъ разумъ, проницаетъ въ сердце, и самовластно имъ повелѣваетъ посредствомъ своего слова; то сего рода краснорѣчiе называется высокимъ слогомъ.

§ 183. Низкой или простой слогъ есть такое краснорѣчїе, которое по видимому весьма мало различно отъ повседневнаго разговора. Естественная простота, тонкая замысловатость, не рѣдко нѣжность, составляютъ главное его совершенство. Естьли сочинитель, который пишетъ симъ слогомъ, употребляетъ мнѣнїя, то онѣ бываютъ болѣе вкрадчивы нежели сильны; естьли употребляетъ описанїя, то онѣ болѣе прїятны, нежели высоки. Не увидите также у него такихъ выраженїй, въ которыхъ бы очень примѣтно было искуство и рачительность; даже встрѣчающїяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ украшенїя кажутся родившимися сами собою безъ всякаго съ его стороны раченїя: при всемъ томъ вездѣ найдете въ немъ чистоту и совершенную точность словъ и выраженїй: однимъ словомъ, онъ кажется намъ такимъ природнымъ Риторомъ, который совсемъ не знаетъ искуственныхъ украшенїй: Низкой слогъ.

однако тѣмъ болѣе плѣняетъ сею естественною простотою, чемъ менѣе, кажется, старается о томъ; и чемъ скрытнѣе употребляетъ правила краснорѣчїя.

Примѣръ низкаго слога.

Слѣдующее письмо Рускаго путешественника можетъ служить примѣромъ сего слога.

Въ Иль-де-Франсѣ зрѣютъ уже плоды на деревахъ, — въ Пикардїи все еще цвѣтетъ и благоухаетъ, — въ окрестностяхъ Булони едва разпускаются пучечки цвѣта. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ; и воображенїе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ Юга, горестно для души моеи. Натура видимо бѣднѣетъ къ Сѣверу.

Теперь сижу я одинъ подъ Каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора; — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городокъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я прiѣхалъ на край свѣта.

Тамъ необозримое море, — конецъ земли, — природа хладѣетъ, умираетъ, — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? Кто беретъ участіе въ моей горести? Кому изъясню чувства свои? Я одинъ . . . . одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? Гдѣ рука ваша? Гдѣ сердце ваше? Ахъ! кому подкрѣпитъ слабаго? Кто ободритъ томнаго? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милые узы отечества, родства и дружбы! Я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе; — чувствую и лобызаю съ нѣжностію!

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ искуствъ, видитъ богатство и

пышность; — видитъ и плѣняется: — но чрезъ минуту очарованіе изчезаетъ, — хладъ остается въ его сердцѣ; и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Разные роды низкаго слога.

§ 184. Какъ низкой слогъ есть точное подражаніе повседневныхъ разговоровъ, то и употребляется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда матеріею сочиненія бываетъ что нибудь такое, что служитъ содержаніемъ обыкновенныхъ въ общежитіи разговоровъ; и слѣдовательно когда писатель долженъ говорить языкомъ природнаго словесника. Такимъ образомъ изъясняется онъ въ разговорахъ, въ пріятельскихъ письмахъ, въ повѣствованіяхъ, и даже въ учебныхъ книгахъ: а по сей причинѣ низкой слогъ называется иногда разговорнымъ, иногда письменнымъ, иногда Историческимъ, иногда же поучительнымъ; и хотя всѣ сіи виды въ существен-

ныхъ своихъ качествахъ одинаковы; при всемъ томъ каждый изъ нихъ имѣетъ нѣчто особенное, чемъ онъ отъ другаго отличается.

§ 185. Слогъ разговорный есть самое ближайшее подражанїе употребляемаго въ общежитїи слова: потому что въ немъ сочинитель, скрывая себя подъ именами разговаривающихъ лицъ, долженъ говорить приличнымъ каждому изъ нихъ языкомъ; дабы чрезъ то совершенно изобразить предполагаемыя въ нихъ качества души и чувствованїя сердца; а на сей конецъ не только выраженїя, но и самыя мысли должны, такъ сказать, отзываться ихъ состоянїемъ. По чему въ разговорѣ о какой нибудь не важной матерїи весьма употребительны пристойныя пословицы, острыя шутки, замысловатая игра словъ; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже простонародныя выраженїя. Но когда писатель предлагаетъ о чемъ нибудь важномъ въ видѣ разговора, Слогъ разговорный.

тогда слогъ его безъ сомнѣнія уже выходитъ изъ сихъ правилъ, чтобы соотвѣтствовать матеріи. Самымъ лучшимъ примѣромъ сего слога могутъ служить комическія превосходныхъ творцевъ сочиненія.

Слогъ письменный.

§ 186. Хотя одного рода матеріи бываютъ содержаніемъ какъ разговоровъ, такъ и писемъ; при всемъ томъ сіи сочиненія пишутся различнымъ между собою слогомъ. Сіе различіе происходитъ отъ того, что въ разговорахъ сочинитель говоритъ такъ, какъ будто онъ о томъ ни мало напередъ не думалъ, но слѣдуя только одной случайной связи разговора: напротивъ сего въ письмахъ онъ всегда бываетъ разборчивѣе, зная, что каждое выраженіе, каждая мысль, употребленная имъ въ письмѣ, относится собственно на его щетъ, а не на щетъ случая; потому что всякой читатель предполагаетъ, что онъ довольно имѣлъ времени обдумать все то,

что содержитъ въ себѣ его письмо. По сему употребляемый въ прїятельскихъ письмахъ слогъ бываетъ нѣсколько выше и рачительнѣе разговорнаго; однако такъ что вездѣ видна та естественная простота, съ какою обращаются между собою прїятели. Изобильное изобрѣтенїе, весьма глубокїя мысли, высокаго рода описанїя, громкїя выраженїя, стремительныя фигуры и тропы, длинные перїоды; все сїе въ письменномъ слогѣ не можетъ имѣть мѣста. Сверьхъ сего хотя вѣжливость нынѣшнихъ временъ научила насъ какъ въ разговорахъ, такъ равно и въ письмахъ наблюдать нѣкоторое наружное равенство, при всемъ несходствѣ нашего состоянїя; однако естьли въ личномъ обращенїи, то кольми паче въ письмахъ каждый сообразуется съ положенїемъ какъ своимъ, такъ и того, съ кѣмъ вступаетъ въ дѣло. Человѣкъ нижшаго состоянїя изъясняется предъ тѣмъ, кто его выше, съ нѣкото-

рою почтительностію, а вышшій своими выраженіями, такъ сказать, сближаетъ сколько можно свое состояніе съ состояніемъ того, къ кому пишетъ; наблюдая притомъ оба, чтобы не унизить себя чрезмѣрно, и остаться въ округѣ приличнаго каждому изъ нихъ рода мыслей и слова. Напротивъ сего когда равный пишетъ къ равному, особливо мало знакомому; то вездѣ отзывается о немъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и даже предпочтеніемъ. Наконецъ друзья въ письмахъ своихъ предаются совершенно внутреннимъ своимъ чувствованіямъ, и вмѣсто всѣхъ правилъ слѣдуютъ движеніямъ одного сердца. По чему въ письмахъ сего рода болѣе, нежели во всѣхъ другихъ, находится естественной простоты, и менѣе всего искуства. Примѣры можно видѣть въ §§. 130. и 132.

Слогъ Историческій.

§ 187. Благоразумный Историкъ и повѣствователь изъясняется по большой части просто и

естественно. Онъ понимаетъ, что кто хочетъ сообщить только другимъ какое нибудь, особливо не весьма важное произшествіе; тотъ не имѣетъ надобности въ оныхъ искуственныхъ украшеніяхъ, которыя служатъ къ восхищенію воображенія. На семъ основаніи онъ удаляется Риторической плодовитости, примѣтно отличныхъ мыслей и выраженій, всякаго рода принужденности. Въ разположени своего сочиненія строго наблюдаетъ порядокъ или времени, или мѣста, и вообще такую связь, чтобъ одна часть его повѣствованія была введеніемъ и преддверіемъ къ другой; такъ чтобы возбужденное чрезъ то любопытство не прежде, какъ по прочтеніи всего повѣствованія, могло совершенно успокоиться. Въ семъ состоятъ главныя и общія свойства Историческаго слога: но онъ долженъ еще всегда отвѣтствовать какъ содержанію повѣствованія, такъ и намѣренію сочинителя. Когда описываемъ

частное какое нибудь произшествіе, и при томъ сообщаемъ его одному только кому нибудь, или по малой мѣрѣ не многимъ; то изъясняемся почти также, какъ въ письмахъ, и даже какъ въ разговорахъ, говоря то забавнымъ, то важнымъ тономъ, судя по матеріи. Но когда и содержаніе повѣствованія нѣсколько важнѣе, и сочинитель со своей стороны знаетъ, что оно будетъ имѣть многихъ читателей; въ такомъ случаѣ онъ бываетъ гораздо рачительнѣе, и остерегается отъ тѣхъ вольностей, которыя позволительны въ пріятельскихъ письмахъ и разговорахъ. Впрочемъ въ обоихъ случаяхъ легкій и свободный родъ слова почитается главнымъ совершенствомъ. Но нигдѣ сей слогъ не бываетъ столько разнообразенъ, какъ въ Исторіяхъ; а сіе происходитъ отъ того, что онъ въ нихъ долженъ примѣняться къ описуемымъ различнаго рода произшествіямъ, и разнаго состоянія лицамъ; такъ что онъ хотя

по большой части бываетъ низкой; но иногда, особливо въ помѣщаемыхъ между повѣствованiями вводныхъ рѣчахъ и размышленiяхъ, изобилуетъ всѣми Риторическими украшенiями. Наконецъ что касается до вымышленныхъ описанiй и повѣствованiй; то онѣ занимаяся наиболѣе тѣмъ, чтобы плѣнить воображенiе читателя, требуютъ стихотворческаго слога, о которомъ предложено будетъ ниже. Въ §. 143. можно видѣть примѣръ Историческаго слога.

§ 188. Поучительный слогъ (*style didactique*) употребляется въ тѣхъ сочиненiяхъ, которыя содержатъ въ себѣ какую нибудь науку или знанiе, или одну только часть оныхъ. Поелику писатели сего рода со стороны изобрѣтенiя никакого почти не имѣютъ себѣ дѣла; то все свое вниманiе обращаютъ только на расположенiе сочиненiя, и на способъ выраженiя мыслей. Въ разсужденiи перваго главное иску- Слогъ поучительный.

ство состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать себѣ такое предначертанiе, которое будучи сколько можно естественнѣе и понятнѣе, заключало бы въ себѣ все нужное, и содержало бы все въ непрерывной связи. Впрочемъ здравая Логика и собственное просвѣщенiе сочинителя суть единственныя наставницы въ семъ дѣлѣ. Что касается до выраженiя мыслей; то вразумительность, краткость и важность составляютъ отличительныя свойства поучительнаго слога. На сей конецъ благоразумный писатель строжайшимъ образомъ наблюдаетъ вездѣ избранное имъ предначертанiе всего сочиненiя, остерегаяся прервать его какимъ нибудь отступленiемъ; старается самымъ лучшимъ образомъ связывать относящiяся къ оному матерiи; входитъ въ подробное изъясненiе того, что съ какой нибудь стороны можетъ быть не удобопонятно, присовокупляя къ тому достаточные примѣры; естьли пред-

лагаетъ первыя токмо основанія какой нибудь науки, то удаляется тонкихъ и глубокомысленныхъ размышленій; при всемъ томъ вездѣ изъясняется сколько можно простѣе; однако не пренебрегаетъ такихъ украшеній, которыя вопервыхъ естественны, и вовторыхъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждаютъ то, что называется сухою матеріею, и способствуютъ къ преодолѣнію той скуки, которую многіе чувствуютъ при чтеніи сего рода сочиненій; сверьхъ сего никогда не употребитъ искуственнаго слова, не изъяснивши напередъ его знаменованія; и наконецъ старается выражать свои понятія сколько можно не многими словами, однако такими, которыхъ точность отвѣтствуетъ основательности мыслей. Но нѣтъ ничего безобразнѣе въ разсужденіи сего слога, какъ говорить шуточнымъ и забавнымъ тономъ. Примѣры сего слога по причинѣ своего пространства здѣсь не вмѣстны.

Слогъ сухой.

§ 189. Изъ всего того, что сказано по сiе мѣсто о низкомъ слогѣ, явствуетъ, что въ сочиненiи, которое писано такимъ слогомъ, ораторъ столь умѣренно и такъ осторожно употребляетъ искуство науки, что кажется, будто онъ совсемъ не знаетъ правилъ краснорѣчiя. Напротивъ сего когда онъ говоритъ единственно языкомъ природы, изъясняяся въ самомъ дѣлѣ безъ всякаго искуства и украшенiй; то сего рода его слово называется сухимъ слогомъ. Въ немъ нигдѣ не можно примѣтить рачительности писателя о томъ, чтобы сколько нибудь плѣнить воображенiе читателей: такъ что въ немъ нѣтъ ничего отличнаго отъ обыкновенной въ общежитiи рѣчи ни въ выраженiяхъ, ни въ мысляхъ; нѣтъ чувствительной плавности сочиненiя; нѣтъ служащихъ ко красотѣ слова троповъ и фигуръ; а еще менѣе замысловатости: чтожъ касается до разположенiя; то части

сего сочиненія бывают связаны так видимо, что всякой сіе примѣтит может: словом, сего рода писатели ни о чем болѣе не стараются, как только о том, чтоб их хорошо понимали. По малом размышленіи видно, что такой слог там токмо может имѣть мѣсто, гдѣ или слабыя способности слушателей, или весьма высокая матерія ничего болѣе не требуют, кромѣ возможной ясности сочиненія. При всем том грубыя выраженія, простонародныя мнѣнія не в разговорѣ, а разсѣянность в размѣщеніи и не связность в соединеніи мыслей, вездѣ составляют не сносный порок, называемый грубым или не чистым слогом.

—Грубый, или не чистый.

§ 190. И так низкой слог употребляется тогда, когда писатель говорит почти с тѣм только намѣреніем, чтобы сообщить свои мысли другим; но когда он хочет при том убѣ-

Слог посредственный, или ораторическій.

дить и тронуть своимъ словомъ, въ такомъ случаѣ, питая разумъ слушателей или читателей справедливостїю и основательностїю своихъ мыслей, старается еще плѣнить ихъ воображенїе красивою и прїятною рѣчїю; дабы тѣмъ успѣшнѣе войти въ ихъ сердце. На сей конецъ онъ употребляетъ все то, что только краснорѣчїе имѣетъ плѣнительнаго, и даже не скрываетъ сего искуства. Онъ изобилуетъ отличными мыслями, прїятными описанїями, остроумными сравненїями, громкими фигурами, отважными метафорами, новыми и притомъ отборными выраженїями, и такою плавностїю слова, которая плѣняя слухъ приводитъ разумъ въ нѣкоторый родъ возторга. Между тѣмъ не мало занимаетъ его и то, чтобы все сїе изобилїе и богатство краснорѣчїя казалося не произведенїемъ его изобрѣтенїя, но естественнымъ слѣдствїемъ матерїи; а съ его стороны чтобъ видно было токмо какъ просвѣщенїе и вкусъ

въ выборѣ сихъ красотъ, такъ искуство и рачительность въ ихъ употребленіи. Наконецъ онъ представляя себѣ, что не прерывными и одного рода украшеніями можетъ наскучить своему читателю, то оставляя воображеніе говоритъ разуму только, то изпещряетъ свое слово различными красотами. Такое краснорѣчіе называется посредственнымъ или ораторическимъ слогомъ. Оно употребляется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, когда матерія сочиненія не представляетъ воображенію никакой сильной страсти, (*point de pathetique*), и не содержитъ въ себѣ ничего величественнаго и поражающаго, (*point d' herioque*); однако такого свойства, что не благоразумно было бы говорить о ней простымъ слогомъ: или когда сочинитель пишетъ съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы дать воображенію своихъ читателей такое упражненіе, которымъ бы оно могло заняться съ удовольствіемъ. При употребле-

Гдѣ употребляется?

Слогъ не постоянный.

нiи сего слога надобно остерегаться, чтобы не выйти изъ естественныхъ его предѣловъ, изъясняяся то гораздо красивѣе, то гораздо простѣе, нежели сколько требуетъ матерiя сочиненiя и содержащiяся подъ тѣми выраженiями мысли. Сiя погрѣшность называется не постояннымъ слогомъ.

Примѣръ ораторическаго, или посредственнаго слога.

Превосходнымъ образцемъ ораторическаго слога можно почесть Руссову рѣчь противъ наукъ, особливо нѣкоторыя въ ней мѣста, какъ на примѣръ слѣдующее.

Вотъ какъ распутство нравовъ, непремѣнное послѣдствiе роскоши, влечетъ за собою и поврежденiе вкуса! Но естьли случится, что посреди сихъ великихъ мужей, отличныхъ чрезвычайными дарами, явится кто нибудь такой, который столько покажетъ твердости, что не захочетъ подражать вкусу своихъ современниковъ, и унизить себя дѣтскими произведенiями: то, горе тому! онъ умретъ въ бѣдности и въ неизвѣстности. Ахъ,

для чего самый опытъ, а не предвѣщанія токмо я предлагаю здѣсь! О Шарль, о Піерръ! Се настала та минута, въ которую кисть ваша, произведенная для усугубленія величества храмовъ нашихъ превосходными и священными изображеніями, падетъ изъ рукъ вашихъ; или подвергнется поношеніямъ, украшая колесницы любострастною живописію. А ты, соперникъ Фидіевъ и Праксителевъ, ты, котораго рѣзецъ древніе употребилибы для произведенія Боговъ, могущихъ извинить въ глазахъ нашихъ ихъ идолопоклоненіе, не подражаемый Пигалъ! рука твоя должна теперь рѣшиться или обтѣсывать чрево обезьяны, или вовсе пребыть праздною.

Размышляя о нравахъ, не льзя не привести себѣ на память простоты древности. Она подобна прекрасному брегу, украшенному не хитрою рукою природы, къ которому глаза наши безпрестанно обращаются, и съ которымъ мы разстаемся съ сожалѣніемъ. Когда люди, провождая дни свои въ невинности и добродѣтели, желали

имѣть Боговъ свидѣтелями дѣлъ своихъ; тогда обитали съ ними вмѣстѣ въ однѣхъ хижинахъ: но скоро здѣлавшись злыми, не могли болѣе терпѣть столь докучливыхъ зрителей; они водворили ихъ въ великолѣпныхъ храмахъ. Наконецъ изгнали ихъ и оттуда, дабы поселиться тамъ самимъ; или лучше сказать, храмы Боговъ не отличались болѣе отъ жилищъ человѣческихъ. Тогда то развращенїе достигло высочайшей степени; и пороки никогда не простирались далѣе, какъ въ то время, когда стали быть видимы, такъ сказать, при вратахъ чертоговъ покоющимися на мраморныхъ столпахъ, и изсѣченными на Коринѳскихъ капителяхъ.

Слогъ красивый.

§ 191. Разсматривая свойства и примѣры ораторическаго слога можно примѣтить, что сего рода краснорѣчїе занимаетъ и даетъ пищу вдругъ разуму и воображенїю. Но есть такїе образцы сего слога, въ которыхъ писатели или болѣе возхищаютъ воображенїе, или болѣе удовлетворяютъ раз-

уму читателей. Въ первомъ случаѣ краснорѣчіе называется красивымъ, (*stylus floridus, style fleuri*), а во второмъ Философскимъ слогомъ. И такъ красивый слогъ есть такое слово, въ которомъ, такъ сказать, на каждомъ шагу видно искуство науки; вездѣ плѣняющія украшенія; вездѣ великая рачительность и разборчивость въ разсужденіи словъ и выраженій; вездѣ плодовитость изобрѣтенія, изобилующая отличными мыслями; вездѣ чрезвычайно ясныя и весьма удовлетворяющія описанія: однимъ словомъ, вездѣ богатое и рѣзвое воображеніе сочинителя, употребивъ себѣ въ помощь всѣ пособія искуства, приводитъ въ движеніе и возторгъ самое медленное и томное воображеніе читателя. Изъ примѣровъ видно, что сей слогъ употребляютъ такіе писатели, которые отъ природы получили отмѣнно быстрое воображеніе.

Примѣръ красиваго слога.

Такимъ слогомъ писано похвальное Г. Ломоносова слово Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. Для примѣра возмемъ нѣсколько изъ него періодовъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за не сказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой щедротами ЕЯ ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой великодушіемъ ЕЯ укрѣпленный громчае возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя достоинства ЕЯ? Не сисканіемъ многословнаго мыслей разпространенія увеличено, не

витїеватымъ сложенїемъ замысловъ, или пестрымъ преложенїемъ реченїй украшено, ниже Риторскимъ паренїемъ возвышено будетъ сїе мое слово; но все мое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ ЕЯ добродѣтелей, и все свое возвышенїе отъ устремленїя къ ней искреннїя ревности приметъ. Ибо приносится благодаренїе Государынѣ Благочестивѣйшей; свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенїя, молебства и трудныя путешествїя благоговенїя ради. Приносится благодаренїе Государынѣ мужественной; свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами ЕЯ преславныя побѣды. Приносится благодаренїе Государынѣ великодушной; свидѣтельствуютъ прощенныя преступленїя внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непрїятелей, и кроткое наказанїе ЕЯ злодѣевъ. Приносится благодаренїе Государынѣ премудрой; свидѣтельствуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденїя, внутреннее

и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодареніе Государынѣ человѣколюбивой; свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ ЕЯ снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой; свидѣтельствуетъ безчисленное множество освобожденныхъ отъ смерти, и данный ЕЙ отъ Бога мечь на казнь повинныхъ кровію еще не обагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой; свидѣтельствуетъ преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обрѣтается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны! Всѣ прелюбезны!

Слогъ Философскій.

§ 192. Напротивъ сего слогъ Философскій есть тотъ, въ которомъ болѣе разумъ, нежели воображеніе читателя находитъ себѣ упражненія; потому что въ

немъ болѣе видно глубокомыслїя приличнаго Философу, нежели прїятности и красоты свойственной оратору; и сочиненїе сего рода плѣняетъ болѣе тѣмъ, что почти вездѣ находимъ въ немъ такїя мысли, которыя должны быть изобрѣтены твердымъ и мужественнымъ умомъ; что размѣщенїе и связь мыслей показываетъ намъ зрѣлое размышленїе писателя; и что встрѣчающїяся украшенїя кажутся родившимися сами собою подъ его перомъ, безъ всякаго съ его стороны о томъ помышленїя: словомъ, что мы видимъ вдругъ съ одной стороны нѣкоторую естественную простоту, изпещренную въ приличныхъ мѣстахъ мужественными красотами, а съ другой высокїй и основательный разумъ.

Такимъ слогомъ написано слѣдующее размышленїе одного изъ нашихъ проповѣдниковъ. Примѣръ Философскаго слога.

Разумъ есть путеводитель воли. Его впечатлѣнїя предшествуютъ на-

шимъ склонностямъ и желанїямъ. И такъ утвержденїе его въ истиннѣ есть източникъ и основанїе правоты сердца. Тогда не токмо намѣренїя, но и самыя помышленїя наши не уклоняются отъ стези законовъ и добродѣтели. Ибо всякїй законъ въ существѣ своемъ есть начертанїе, и всякая добродѣтель есть исполненїе справедливости. Кто соображается съ нею; тотъ никогда не можетъ укорить себя излишнею любовїю къ самому себѣ. Онъ далекъ отъ того, чтобы внимать внушенїямъ пристрастїя. Никто должностей гражданина не исполняетъ съ большею точностїю, какъ человѣкъ правдолюбивый. Онъ никогда не возхититъ чуждаго права. Ибо воздавать каждому по достоянїю, есть не премѣнный и всегдашнїй его законъ.

Слогъ высокїй.

§ 193. Наконецъ высокїй слогъ есть самое стремительное и самое сильное краснорѣчїе. Для посредственнаго слога довольно плѣнить только воображенїе читателя; напротивъ сего высокїй поражаетъ и возхищаетъ его раз-

умъ, или сердце: первый обольщаетъ красотою, нѣжностію и пріятностію; а второй изумляетъ нѣкоторою величественностію и высокопарностію: первый почти не чувствительно вкрадывается въ сердце и въ мысли; а второй такое вдругъ дѣлаетъ въ нихъ впечатлѣніе, которому почти не возможно противиться, и которое весьма долго въ нихъ остается: однимъ словомъ, онъ приводитъ насъ внѣ себя, и не рѣдко исторгаетъ слезы удивленія, любви, сожалѣнія, страха, и прочая: потому что въ немъ почти все чрезвычайно и не обыкновенно. Касательно мыслей, мужественная оныхъ основательность, благородныя и высокія чувствованія, обширное просвѣщеніе, поражающая новость, и тончайшій вкусъ заставляютъ почитать сочинителя какъ бы вдохновеннымъ. Съ другой стороны не менѣе возхищаютъ читателя употребляемыя въ немъ украшенія: поелику писатели сего рода из-

тощаютъ все то, что только витійство имѣетъ самаго трогательнаго и самаго сильнаго: нѣтъ ничего въ природѣ, чего бы они въ своемъ словѣ не оживотворили, и не заставили говорить; почти вездѣ у нихъ самыя отважныя гиперболы, самыя новѣйшія и притомъ высокія метафоры, чрезмѣрно поражающія воображеніе описанія и противоположенія, наконецъ избраннѣйшія и по большой части Славяноросс̈ійскія слова и выраженія.

Примѣръ высокаго слога.

Превосходнымъ сего слога образцемъ могутъ быть нѣкоторыя мѣста изъ Поемы Г. Ломоносова. На примѣръ:

Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ,
И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ;
Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ летѣлъ.

Или:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

§ 194. Такое высокое краснорѣчіе употребляется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ почти отъ начала до самаго ихъ конца. Но есть еще особенный родъ сего слога, который будучи самымъ рѣдкимъ произведеніемъ возхищеннаго ума, не можетъ продолжаться непрерывно, но на подобіе драгоцѣнныхъ камней сіяетъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Онъ состоитъ вопервыхъ изъ такихъ высокихъ понятій, (*du sublime des pensées*), которыя весьма

Другой родъ высокаго слога.

живо представляя воображенію какой нибудь великій предмѣтъ, производятъ въ насъ къ нему нѣкоторое смѣшенное съ изумленіемъ уваженіе. Такими предмѣтами кажутся намъ или весьма рѣдкихъ совершенствъ, или не обыкновенной огромности и обширности вещи, или чрезвычайныя силы природы, или наконецъ причиняющія ужасъ и смятенія явленія и произшествія. Вовторыхъ къ сему роду высокаго слога относится изображеніе такихъ чувствованій, (*le sublime des sentimens*), которыя или будучи основаны на истинной добродѣтели превышаютъ состояніе человѣческое, и въ слабомъ смертномъ показываютъ нѣчто свышеестественное; или произтекая изъ источника злонравія открываютъ, такъ сказать, черноту сердца въ не вѣроятной степени. Чемъ простѣе будутъ выражены такія мысли и чувствованія, тѣмъ болѣе возхищаютъ разумъ.

Примѣромъ перваго можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ похвальнаго слова Г. Ломоносова Государю Императору ПЕТРУ I.

Примѣръ составляющихъ высокій слогъ мыслей.

Часто размышлялъ я, каковъ тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды: прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ. Божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, сыскать надобно; кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣтаю.

Такого рода мысли заключаетъ въ себѣ и слѣдующая строфа.

Другой примѣръ.

Какъ туча грозная надъ нами
Посредствомъ солнечныхъ лучей
Подъята тонкими парами
Изъ влажныхъ рѣкъ, озеръ, морей,
Налегши тяжко воздухъ давитъ,
Громады на громады ставитъ,

Стѣсненна сильно вдругъ реветъ,
Сгущеннымъ мракомъ свѣтъ отъемлетъ,
Льетъ дождь, громъ мещетъ, твердь колеблетъ,
Недвижныхъ горъ сердца трясетъ.

Примѣръ составляющихъ высокій слогъ чувствованій.

Образцемъ высокихъ добродѣтельныхъ чувствованій можно почесть слѣдующія слова, сказанныя (въ Гомерѣ) въ негодованіи Аяксомъ: Великій Боже! Возврати намъ свѣтъ, и тогда сражайся самъ противъ насъ.

Другой примѣръ.

Подобный сему примѣръ находится въ отвѣтѣ престарѣлаго Горація. Онъ услышавъ, что изъ трехъ его сыновей, сражавшихся противъ трехъ же Кураціевъ, двое убиты, а третій предался бѣгству, весьма вознегодовалъ на поступокъ сего послѣдняго. Бывшая при томъ его дочь въ извиненіе своего брата говоритъ ему сіи слова: чтожъ осталося ему одному дѣлать противъ трехъ? Старикъ отвѣтствуетъ ей: умереть.

Примѣръ порочныхъ высокаго рода чувствованій виденъ въ слѣдующихъ словахъ Димитрія Самозванца, (въ Трагедіи называемой симъ же именемъ), которыя онъ говоритъ, предавая самъ себя въ отчаяніи смерти. Третій примѣръ.

Ступай во адъ, душа; и буди вѣчно плѣнна!
О естьли бы со мной погибла вся вселенна!

§ 195. Теперь остается только сказать о высокомъ слогѣ то, что онъ употребляется въ такихъ случаяхъ, когда матеріею сочиненія бываетъ или весьма важная мысль, или сильная страсть, или Героическое дѣйствіе: ибо однѣ токмо сего рода матеріи могутъ быть источникомъ такихъ высокихъ мыслей, какихъ требуетъ сіе краснорѣчіе; потому что онѣ однѣ могутъ привести въ справедливый восторгъ воображеніе сочинителя, безъ чего онъ никогда не въ состояніи произвести что нибудь истинно Гдѣ употребляется высокій слогъ?

Слогъ надутый.

высокое. Случается правда, что иные употребляютъ въ своемъ словѣ самыя избранныя выраженія и самыя трогательныя украшенія въ томъ намѣреніи, чтобы содержащіяся подъ ними мысли казалися гораздо сильнѣе и величественнѣе, нежели каковы онѣ въ самой вещи. Но когда и сіи мысли, и содержаніе сочиненія по одной наружности кажутся важными, а въ самомъ дѣлѣ не заключаютъ ничего себѣ отличнаго, и по сему не отвѣтствуютъ оному блеску выраженій; въ такомъ случаѣ сіе излишество краснорѣчія называется надутымъ слогомъ. Свойственная многимъ, особливо въ молодыхъ лѣтахъ склонность отличить себя во всякомъ случаѣ чемъ нибудь отмѣннымъ и чрезвычайнымъ, соединившися съ пылкостію воображенія и не правильнымъ вкусомъ, часто подвергаетъ сему пороку. Другая менѣе извинительная погрѣшность въ разсужденіи высокаго слога называется пустословіемъ, (*galima-*

Пустословіе.

thia). Она состоитъ въ употребленіи отборныхъ, и часто очень сильныхъ выраженій, слѣдующихъ подобно граду непрерывно одно за другимъ, но не заключающихъ въ себѣ почти ни одной не только высокой, но ниже здравой мысли, и не предлагающихъ ничего ни разуму, ни сердцу читателя.

Примѣръ надутаго слога.

Примѣромъ надутаго слога можетъ быть слѣдующее мѣсто изъ Малгерба, въ которомъ онъ описываетъ покаяніе С. Апостола Петра.

Тогда его возклицанія возшумѣли подобно грому; его воздыханія сдѣлалися вѣтрами, поражающими дубъ; его слезы, которыя иногда текли по его ланитамъ, уподоблялися ручью, устремляющемуся съ высокихъ горъ, который раззоряя и потопляя окрестныя поля, хочетъ превратить въ океанъ всю вселенную.

О смѣшеніи слоговъ.

§ 196. Съ тѣхъ самыхъ временъ, какъ искуство краснорѣчія приведено въ точныя правила, всѣ

раздѣляли слогъ на три главные рода, то есть, на низкой посредственной и высокой. Сїе раздѣленїе тѣмъ справедливѣе, что оно основано на существенныхъ качествахъ матерїй и сочиненїй. Но разсматривая со всею строгостїю разныхъ родовъ сочиненїя часто встрѣчаемъ въ нихъ такой слогъ, который не можно совершенно отнести къ одному которому нибудь изъ оныхъ, и который бываетъ подобенъ цвѣту смѣшенному изъ двухъ главныхъ цвѣтовъ. Сїе произходитъ отъ того, что бываютъ иногда такїя матерїи, о которыхъ, судя по ихъ свойству, не можно писать, совершенно однимъ которымъ нибудь изъ оныхъ трехъ слоговъ. Такое разнообразїе слога не рѣдко видно бываетъ даже и въ одномъ сочиненїи, въ которомъ благоразумный писатель то возвышается, то унижается соразмѣрно содержанїю слова. Великаго требуется вниманїя, разборчивости, особливо опытности, дабы въ сихъ слу-

чаяхъ употреблять такой слогъ, который бы вездѣ отвѣтствовалъ содержанію сочиненія.

§ 197. Сверьхъ сего различія слоговъ, о которомъ мы говорили по сіе мѣсто, изъ сочиненій самыхъ превосходныхъ писателей примѣтить можно, что нѣкоторые изъ нихъ плѣняютъ насъ не оскудѣваемою плодовитостію, нѣкоторые напротивъ сего зрѣло обдуманною сокращенностію, а иные наконецъ скромною умѣренностію своихъ мыслей. Первые хотятъ все, о чемъ ни говорятъ, представить своимъ читателямъ живо и ясно, не предоставляя почти ничего собственному ихъ вниманію и размышленію: и для того при помощи пылкаго своего воображенія разпространяются въ изображеніи всякаго предмѣта, вычисляя подробно соединенныя съ нимъ обстоятельства, которыя служатъ къ живѣйшему онаго начертанію въ мысляхъ читателя, и соединяя съ тѣмъ всякаго рода украшенія: тѣмъ болѣе

Другое различіе слога.

Слогъ изобильный.

что пространство ихъ слова удобно можетъ вмѣщать въ себѣ оныя. Само собою видно, что перїоды и составляющїя ихъ предложенїя отъ изобилїя содержащихся въ нихъ мыслей должны быть длинны; и потому затруднительно было бы читателю, особливо слушателю связывать ихъ въ своихъ мысляхъ, естьли бы они не были связаны вездѣ нужными союзами. Сей родъ краснорѣчїя извѣстенъ у древнихъ подъ названїемъ Азїатическаго, а нынѣ подъ именемъ изобильнаго, или перїодическаго слога.

Примѣръ изобильнаго слога.

Чтобъ имѣть образецъ сего рода краснорѣчїя, довольно прочитать нѣсколько токмо перїодовъ изъ похвальнаго Г. Ломоносова слова Государынѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. На примѣръ:

Естьли бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною державою Всемилости-

вѣйшія Государыни нашея покоющіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ ЕЯ на Всероссійскій Престолъ возшествіи, возможно было намъ, радостію возхищеннымъ вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго ЕЯ владычества, и слышать отъ возходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ ЕЛИСАВЕТЫ: коль прекрасное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылося! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился; когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ верьхи свои благополучіемъ выше воз-

носящихъ, и на холмахъ радостїю препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпїемъ, разныя племена разными языками, Едину превозносятъ, о Единой веселятся, Единою Всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся.

Слогъ сокращенный.

§ 198. Противный изобильному слогу называется у древнихъ Аттическимъ, а у нынѣшнихъ Риторовъ сокращеннымъ, или прерывистымъ, *le style coupé*. Главное намѣренїе писателей сего рода состоитъ въ томъ, что бы сколько возможно сильнѣе выразить, и глубоко впечатлѣть въ умѣ другихъ свои мысли: и потому они въ изображенїи каждаго предмѣта помѣщаютъ только самыя избранныя, самыя выразительныя его черты, предоставляя собственному размышленїю читателя тѣ, которыя хотя нужны къ составленїю полнаго смысла, но при помощи вниманїя удобно могутъ быть дополнены имъ

самимъ: такъ что они хотятъ словомъ своимъ болѣе возбудить, нежели совершенно удовольствовать его воображенїе. Даже самыя украшенїя употребляютъ они не съ тѣмъ, чтобы прїятнѣе, но по большой части чтобы сильнѣе изъясниться. Что касается до выраженїй; они часто нѣсколько понятїй изображаютъ однимъ словомъ; кольми паче удаляются повторенїя одной мысли. Слѣдовательно перїоды ихъ кратки, и связаны бываютъ между собою болѣе мыслями, нежели союзами.

Для примѣра сего слога довольно, по моему мнѣнїю, слѣдующихъ только перїодовъ изъ рѣчи Г. Борда. Прїмѣръ сокращеннаго слога.

Римъ, повелитель вселенныя, не находилъ болѣе непрїятелей. Онъ произвелъ ихъ въ собственномъ своемъ нѣдрѣ. Его величїе содѣлало ему погибель. Законы не большаго города не съ тѣмъ были положены, чтобъ ими управлять цѣлый мїръ. Они были достаточны

противъ возмущенiй Манлiевъ, Кассiевъ и Гракховъ; но уступили армѣямъ Силлы, Цесаря и Октавiя. Римъ потерялъ свою вольность, однако сохранилъ свою силу. Будучи угнѣтаемъ войсками, которымъ онъ платилъ, при всемъ томъ былъ ужасомъ народовъ.

Слогъ сильной.

§ 199. И такъ можно сказать, что краснорѣчiе, называемое сильнымъ слогомъ, весьма свойственно слогу сокращенному: однако не должно изъ того заключить, чтобы ораторы, писавшiе изобильнымъ и умѣреннымъ слогами, не могли при томъ писать сильно. Цицеронъ, будучи въ своихъ рѣчахъ превосходнѣйшимъ образцемъ пространнаго краснорѣчiя, часто въ тѣхъ же самыхъ рѣчахъ бываетъ примѣромъ сильнаго слога: поелику не стѣсненiе и не разширенiе писателева воображенiя составляетъ сей родъ слога: онъ состоитъ въ той поразительности, когда мысли и умствованiя оратора въ умѣ, а его чувствованiя въ сердцѣ читателя

такъ глубоко и твердо впечатлѣваются, что по прочтенїи такого сочиненїя, его содержанїе, особливо лучшїя его мѣста долго не могутъ вытти изъ нашихъ мыслей. Само собою видно, что тогда токмо сочинитель можетъ писать толь сильно, когда онъ будетъ писать о томъ, что самъ живѣйшимъ образомъ себѣ представляетъ, или чемъ дѣйствительно поражается его собственное сердце. Тогда въ его сочиненїи не увидишъ пустыхъ, или не точныхъ словъ и выраженїй; не додуманныхъ, и естьли можно такъ сказать, не дозрѣлыхъ мыслей; не увидишъ, чтобы размышленїе, которое нужно было при размѣщенїи оныхъ, было имъ не докончано; а по сей причинѣ не увидишъ слабой между ими связи. Противныя сему погрѣшности, — Слабой. которыя равномѣрно происходятъ отъ того, когда писатель не довольно ясно и не живо самъ представляетъ себѣ то, о чемъ другимъ предлагать намѣренъ, назы-

ваются у Риторовъ слабымъ слогомъ.

Примѣръ сильнаго слога.

Въ примѣръ сильнаго слога я предложу нѣкоторыя мѣста изъ упомянутаго мною въ §. 128. письма Рускаго путешественника о Французскихъ театрахъ. Агл. кн. 2.

Вы видите здѣсь, . . . какъ Дїана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Ендимїона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованїя, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы, — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе, — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь; . . . какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты мудрости, и — сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море; летитъ вмѣстѣ съ душею зрителей....

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ

сіяетъ между ими, какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь, и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ. Легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь; — все соединяется вмѣстѣ; — и естьли можно быть Риторомъ безъ словъ; то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ; что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: люблю! когда онъ бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положитъ кисть, и скажетъ только: Вестрисъ! Гардель безподобенъ въ Трагической пантоминѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ! Герой въ каждомъ движеніи!

Чрезъ нѣсколько страницъ такъ описана игра лучшихъ актеровъ.

Вотъ декламація! вотъ жесты! Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа; то есть, всякая Поетова мысль оттѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живописецъ, вездѣ картины; — и естьли зритель, не смотря на сіе утонченіе искуства, остается холоденъ; то конечно не актеры виноваты.

Слогъ умѣренный.

§ 200. Показавъ свойства изобильнаго и сокращеннаго слоговъ, нужно сказать, что какъ между двумя крайностями всегда есть средина, то сверьхъ оныхъ двухъ слоговъ есть еще посредствующій между ими третій, который у древнихъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Родійскаго, а нынѣ подъ названіемъ умѣреннаго слога. Отличительное его свойство состоитъ въ томъ, что онъ не удивляя читателей плодовитостію сочинителева воображенія, и не останавливая ихъ вниманія, такъ

сказать, полувыраженными мыслями, дает однако им достаточное понятие о каждом предмете, котораго касается его слово; не опуская ни одного обстоятельства, которое служит к составлению полнаго разума. А от сего происходит, что выраженія в нем всегда равночисленны содержащимся под ними мыслям; и как самые періоды, так и составляющія их предложенія не обременяют вниманія читателей множеством заключающихся в них понятій; и при том бывают по большой части между собою соразмерны. Одним словом: великая река, извивающаяся на пространной долине, и разделяющаяся на безчисленные почти протоки, может быть изображеніем изобильнаго слога; напротив сего сокращенный подобен той же самой реке весьма стремительно и с шумом текущей между узкими и при том утесистыми брегами; а умеренный наконец

весьма сходствуетъ съ рѣкою тихо и всегда единообразно текущею въ такихъ берегахъ, которые достаточны ко вмѣщенію ея водъ.

Примѣръ умѣреннаго слога.

Такимъ слогомъ между прочими писалъ Непотъ, изъ котораго я предлагаю для примѣра слѣдующее мѣсто. Жизнь Милтї. гл. 3.

Въ тоже самое время Персидскій Царь Дарій, перешедъ со своимъ войскомъ изъ Азіи въ Европу, хотѣлъ итти войною противу Скиѳовъ. Онъ сдѣлалъ мостъ на рѣкѣ Дунаѣ, чтобы переправить по немъ войско. Охранителями сего моста, пока онъ самъ будетъ въ отсутствіи, оставилъ тѣхъ знатнѣйшихъ изъ Грековъ, которыхъ онъ взявъ изъ Іоніи и Еоліи имѣлъ съ собою, которымъ для того далъ всегдашнюю власть каждому въ своей отчизнѣ. Онъ былъ тѣхъ мыслей, что весьма удобно можетъ удержать подъ своею властію всѣхъ жившихъ въ Азіи Грековъ, ежели приверженнымъ къ нему отдастъ въ охраненіе ихъ города; потому что симъ послѣднимъ въ случаѣ

его смерти ни малой не останется надежды щастія. Въ семъ числѣ былъ тогда Милтіадъ, которому также ввѣрено было оное охраненіе. Но какъ частыя приходили извѣстія, что Дарій имѣетъ худый успѣхъ, и утѣсняемъ Скиѳами; то Милтіадъ охранителямъ моста предложилъ, не опускать даннаго имъ щастіемъ случая къ освобожденію Греціи. Онъ говорилъ, что ежели Дарій погибнетъ; то не только Европа останется безопасною, но и всѣ Греческаго рода Азійскіе жители сдѣлаются свободными отъ господствованія и опасности со стороны Персовъ: что сіе легко можно сдѣлать; поелику когда разломанъ будетъ мостъ, то Дарій въ короткое время долженъ будетъ погибнуть или отъ оружія непріятелей, или отъ недостатка во всемъ нужномъ.

Вообще о изобильномъ, сокращенномъ и умѣренномъ слогахъ.

§ 201. Кто хочетъ имѣть твердый и сходствующій всегда съ самимъ собою слогъ; тотъ долженъ, замѣтивши напередъ къ которому онъ изъ показанныхъ трехъ слоговъ болѣе разположенъ,

стараться заниматься чтенїемъ такихъ сочинителей, которые употребляютъ слогъ по его мыслямъ. Но вообще примѣчено, что изобильный слогъ весьма сроденъ молодымъ людямъ; потому что ихъ воображенїе гораздо живѣе, нежели въ людяхъ другихъ лѣтъ: напротивъ сего когда съ теченїемъ нашей жизни зрѣлость разсудка займетъ мѣсто сей пылкой способности, а вкусъ къ простотѣ и бережливости замѣнитъ прежнюю нашу склонность къ пышности и изобилїю; то самая природа располагаетъ насъ къ употребленїю умѣреннаго, а потомъ не рѣдко и сокращеннаго слоговъ. Впрочемъ такимъ сочиненїямъ, которыя мы бываемъ намѣрены произносить живымъ голосомъ, приличенъ умѣренный, по крайней мѣрѣ изобильный слогъ; напротивъ сего сокращенный съ большею пристойностїю можетъ быть употребляемъ въ сочиненїяхъ, издаваемыхъ для чтенїя: поелику слушатель не имѣетъ

столько, сколько читатель, времени дополнять своимъ размышленіемъ то, что въ сокращенномъ слогѣ предоставляется его вниманію.

§ 202. Наконецъ въ разсужденіи всѣхъ до единаго слоговъ нужно замѣтить, что каждый изъ нихъ тѣмъ болѣе поражаетъ вниманіе читателя, или слушателя, чемъ болѣе походитъ на естественное и обыкновенное въ общежитіи слово. Не должно думать, чтобы сіе приближеніе къ природѣ было не совмѣстно съ искуствомъ и украшеніями: напротивъ сего изобилующій всѣми Риторическими красотами витія не только можетъ, но и долженъ быть всегда ближайшимъ подражателемъ естества. Сіе общее всѣхъ слоговъ свойство мы обыкновенно называемъ легкимъ, вольнымъ, или естественнымъ слогомъ. Онъ состоитъ въ томъ, когда не взирая что въ сочиненіи вездѣ рачительность, вездѣ иску- Слогъ легкой, вольной, или естественной.

ство, однако нигдѣ не видно, чтобы все то стоило труда оратору, нигдѣ не видно усилія и напряженія его способностей. Судя со стороны изобрѣтенія кажется, что писателю нужно токмо было представить себѣ матерію, дабы приискать тѣ изящныя мысли, какими изобилуетъ его сочиненіе; столько онѣ близки къ матеріи, и толь съ малымъ трудомъ изобрѣтены. Что касается до ихъ размѣщенія и связи; то нѣтъ нигдѣ такихъ прехожденій, въ которыхъ съ нѣкоторымъ насиліемъ бываютъ, такъ сказать, сближаемы и соединяемы части сочиненія одна съ другою. Наконецъ въ разсужденіи словъ; по причинѣ совершенной ихъ точности и выразительности онѣ кажутся произведеніемъ болѣе самыхъ мыслей, нежели разборчивости оратора; а разсѣянныя вездѣ украшенія плодомъ болѣе навыка, нежели рачительности его. Однимъ словомъ: читая писанное такимъ слогомъ сочиненіе

кажется, что не сочиненіе читаешъ, но слышишъ разговаривающаго съ тобою краснорѣчиваго собесѣдника. Должно сказать, что сія естественность слога есть предѣлъ успѣха въ краснорѣчіи, и что всѣ превосходные ораторы ею почти единственно отличаются отъ посредственныхъ. Предложенные выше въ §§. 143. и 162. примѣры могутъ служить и въ семъ случаѣ образцами. Теперь вообразите сочиненіе съ такими недостатками, которые противны показаннымъ свойствамъ легкаго, или вольнаго слога; то есть, когда въ разсужденіи или украшенія, или изобрѣтенія, или расположенія примѣтно нѣкоторое усиліе и напряженіе оратора: сего рода краснорѣчіе называется принужденнымъ слогомъ.

— Принужденный.

§ 203. Остается только показать главныя отличительныя свойства слога Стихотворческаго. Изъясненіе его принадлежитъ собственно Поэзіи; но естьли хотя

Слогъ стихотворческій.

одинъ Прозаикъ, который бы не имѣлъ о немъ понятія? Оно ему необходимо нужно: потому что онъ долженъ рачительно остерегаться всего того, что отзывается Стихотворческою вольностію. Чрезмѣрно живо поражающія красоты слова, будучи свойственны Піиту, показываютъ еще не очищенный вкусъ въ Прозаикѣ. Ибо первый изтощаетъ все то, что только пылкое и стремительное воображеніе находитъ привлекательнаго и поражающаго; а вторый въ разсужденіи сего столько умѣренъ, что его слово при всѣхъ искуственныхъ украшеніяхъ всегда кажется естественнымъ: первый говоритъ по большой части воображенію, а вторый по большой части разуму: проза подобна прекрасному полю, изпещренному отъ природы различнаго рода цвѣтами; слово Стихотворца есть великолѣпнѣйшій садъ, въ которомъ рачительно собраны, и съ отмѣннымъ вкусомъ разположены самыя лучшія

растѣнія. По сей причинѣ Стихотворецъ вездѣ изобилуя описаніями, составляетъ ихъ изъ такихъ токмо свойствъ описуемаго предмѣта, которыя служатъ къ живѣйшему онаго начертанію въ умѣ читателя; такъ что его описанія почти тоже для воображенія, что самый предмѣтъ для чувствъ.

Въ семъ увѣриться можно слѣдующими стихами:

На темноголубомъ ѳѳирѣ
Златая плавала луна;
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ она
Сквозь окна домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Или:

Дамонъ, мой другъ Дамонъ! конечно иль влюбился,
Иль въ мысли разныя далеко углубился.

Лежишъ оперішися на мягкой муравѣ;
Свирѣлка во устахъ, вѣнокъ на голо-вѣ;
Чуть слышно, какъ въ свирѣль ты тихо подуваешъ.

Равнымъ образомъ Піитъ часто употребляетъ такіе тропы и фигуры, которыя своею новостію и отважностію сочинителя весьма сильно поражаютъ воображеніе читателя. На примѣръ:

Нагнувшись дерева въ източники глядятся.

Или:

И солнца первый лучь по ружьямъ ихъ скользитъ.

Но чаще и болѣе всего Стихотворецъ возхищаетъ читателя своими вымыслами, которые большею частію состоятъ въ томъ, что онъ, оживотворяя бездушныя вещи, даетъ имъ приличныя разумному токмо существу дѣйствія; и не рѣдко естественныя произшествія приписываетъ вымышленнымъ отъ него самаго причи-

намъ. Обоего рода вымыслы находятся въ слѣдующихъ стихахъ.

Зефиры сей примѣтя плѣнъ,
Къ свободѣ красоты приспѣли,
Свилися цѣпью, зашумѣли,
Спустились, вкругъ Ельмиры сѣли,
И начали въ косынку дуть
Такъ сильно, что ее сорвали,
Свертѣли, скомкали, помчали,
Взвились, побѣду засвистали;
И въ первый разъ открыли грудь.
Увидя солнце удивилось
Собранію такихъ красотъ:
Покрывъ стыдомъ небесный сводъ,
Свой пламень утушить стремилось
Отъ зависти въ прохладѣ водъ:
И темно становиться стало.

§ 204. Теперь извѣстны намъ всѣ употребительнѣйшіе роды слоговъ. Но знать только, въ чемъ каждый изъ нихъ состоитъ, весьма не довольно для того, кто хочетъ пріобрѣсти искуство краснорѣчія. Ему нужно дойти до того, чтобы самому сдѣлаться въ которомъ нибудь изъ нихъ со- Объ усовершеніи слога.

вершеннымъ; и слѣдственно знать служащія къ тому пособія. И такъ доколѣ мы по причинѣ недостатка опытности пишемъ такимъ образомъ, что лучшія въ нашемъ сочиненіи красоты будутъ большею частію не нашего изобрѣтенія, но занятыя нами то изъ того, то изъ другаго сочинителя, не взирая что каждый изъ нихъ писалъ особливымъ отъ другаго слогомъ; то есть, доколѣ нашъ слогъ не токмо ни на который изъ всѣхъ выше показанныхъ, но ниже самъ на себя вездѣ походить не будетъ: дотолѣ, можно сказать, мы не сдѣлали ни одного шага къ его усовершенію: потому что мы еще и не знаемъ, какой тотъ слогъ, въ которомъ мы хотимъ успѣть. Изъ сего я заключаю, что самая первая степень образованія слога состоитъ въ томъ, когда уже откроется съ нашей стороны не только склонность, но даже дарованіе и не большой навыкъ къ одному которому нибудь изъ всѣхъ извѣст-

ныхъ слоговъ. Тогда мы находимъ себя въ состоянiи обратить къ тому всю свою рачительность, чтобы при помощи служащихъ на сей конецъ способовъ усовершить себя въ немъ. Съ моей стороны остается показать и объяснить сiи способы. Они суть слѣдующiе: благоразумное и притомъ частое упражненiе въ сочиненiи, не токмо чтенiе хорошихъ писателей, но и мужественное имъ подражанiе, и наконецъ приобрѣтенiе правильнаго вкуса.

Способы къ тому.

§ 205. Всякое искуство снискивается долговременнымъ упражненiемъ, и всегда такимъ, которое бываетъ управляемо благоразумiемъ. Слѣдовательно тоже должно сказать и въ разсужденiи усовершенiя слога. Потребное на сей конецъ благоразумiе состоитъ вопервыхъ въ томъ, дабы заниматься такими сочиненiями, коимъ сроденъ тотъ слогъ, къ которому мы уже примѣтили въ себѣ нѣкоторое разположенiе: пое-

Упражненiе въ сочиненiи.

лику въ противномъ случаѣ мы ни малаго не будемъ имѣть способа образовать и возвысить оное. Но ничто столько не препятствуетъ сему, какъ скороспѣшность въ такихъ сочиненіяхъ, посредствомъ которыхъ мы стараемся усовершить свой слогъ: она не даетъ намъ времени остерегаться отъ тѣхъ погрѣшностей, какими бываютъ наполнены малоопытные писатели; и по сему рождаетъ въ насъ навыкъ не къ совершенствамъ, но къ безобразіямъ слога. Напротивъ сего когда мы приступая къ такому упражненію, разсмотримъ вопервыхъ матерію сочиненія; то удобно поймемъ, что въ ней всего важнѣе, и потому что болѣе должно быть нами, такъ сказать, обработано. Сверьхъ сего поелику ни яснаго понятія о предмѣтѣ сочиненія, ни сильныхъ въ разсужденіи его чувствованій не можно получить иначе, какъ посредствомъ долговременнаго и зрѣлаго о немъ размышленія: то для сего нужно

занимапься имъ допол́ѣ, пока чрезъ то не разгорячится и не придетъ въ нѣкоторый родъ восторга наше воображенїе: поелику оно въ семъ токмо состоянїи можетъ произвести изящныя мысли и отличныя чувствованїя. Между тѣмъ разсудительность вездѣ должна сопровождать воображенїе: ея долгъ остеречь насъ отъ тѣхъ излишествъ, какимъ оное бываетъ подвержено во время своего возхищенїя; ея долгъ показать намъ, какое изобрѣтенныя мысли могутъ имѣть лучшее расположенїе; какїя приличнѣе имъ выраженїя и украшенїя. Но и при всей таковой осмотрѣливости не можно избѣгнуть совершенно всѣхъ погрѣшностей: по сей причинѣ весьма полезно вновь разсмотрѣть свое сочиненїе уже тогда, когда совсемъ потухнетъ жаръ воображенїя, то есть, когда мы забудемъ все то, что наше сочиненїе въ себѣ содержитъ, даже до самыхъ выраженїй. Наконецъ дабы таковое упражненїе надежнѣе могло

послужитъ къ усовершенїю нашего слога; то сколько можно болѣе и чаще должно имъ заниматься: многократныя и при томъ вскорѣ одно за другимъ слѣдующїя сего рода повторенїя могутъ не токмо родить, но и усилить въ насъ навыкъ.

Чтенїе книгъ.

§ 206. Впрочемъ сколько ни нужно къ усовершенїю слога благоразумное и частое упражненїе въ сочиненїи; однако кто хочетъ при помощи сего единственно средства прiобрѣсти себѣ способность краснорѣчїя, не занимаяся между тѣмъ чтенїемъ лучшихъ творенїй; тотъ подобенъ младенцу, не имѣющему ни отъ кого себѣ помощи. Сїе послѣднее упражненїе обогащаетъ нашъ разумъ изящными мыслями, представляетъ намъ множество примѣровъ благоразумнаго оныхъ размѣщенїя и искусной связи, доставляетъ изобилїе выраженїй для всякаго понятїя; однимъ словомъ, предлагаетъ намъ превосходнѣйшїе

образцы краснорѣчія. Не льзя оспорить, что не токмо Прозаики, но и Стихотворцы въ семъ случаѣ полезны; естьли токмо будемъ при томъ рачительно остерегаться отъ свойственныхъ симъ послѣднимъ вольностей: однако въ то время, когда мы еще начинаемъ образовать свой слогъ, гораздо благоразумнѣе избирать для чтенія не только превосходно писавшихъ тѣмъ же слогомъ Прозаическихъ писателей, но еще самыя лучшія ихъ творенія: ибо изъ такихъ токмо източниковъ можно почерпнуть ясное и точное понятіе, въ чемъ состоитъ истинное витійство; и при томъ полученныя нами въ то время понятія остаются въ насъ почти навсегда. Всякой и безъ моего напоминовенія знаетъ, что въ семъ случаѣ бѣглость и скороспѣшность лишаютъ насъ показанной выше пользы: одно только внимательное и разсудительное чтеніе можетъ ее доставить; таковое только, говорю, чтеніе даетъ

намъ время и способы твердо замѣтить находящіяся въ сочинителѣ красоты и совершенства, или безобразія и недостатки. Отличные своимъ знаніемъ Риторы совѣтуютъ еще въ такомъ случаѣ, когда мы читаемъ на иностранномъ языкѣ писавшаго оратора, лучшія его мѣста переводить на природный нашъ языкъ. Плиній (кн. 7. пись. 9.) говоритъ, что сіе упражненіе вводитъ насъ въ точность и красоту словъ, доставляетъ изобиліе украшеній, способность объясняться, и сверьхъ того въ подражаніе симъ лучшимъ мѣстамъ писателей изобрѣтать самимъ что нибудь подобное; при томъ, продолжаетъ онъ, во время перевода не можетъ уже укрыться отъ нашего вниманія то, что иногда скрывается отъ него во время чтенія; наконецъ по его признанію посредствомъ сего упражненія приобрѣтается внимательность и разсудительность. Тотъ же Плиній, а по немъ и нѣкоторые новѣйшие на-

ставники краснорѣчія предлагаютъ сверьхъ того, чтобы прочитавъ со вниманіемъ два, или три раза лучшее мѣсто въ сочинителѣ, и отложивъ книгу, самимъ заняться тою матеріею, о которой онъ тамъ писалъ; и самимъ также написать о ней подобное разумноженіе; дабы потомъ его сравнить съ онымъ мѣстомъ читаемаго сочиненія: поелику посредствомъ сего сличенія узнаемъ не только недостатки своего слога, но и способы ихъ изправить. Сверьхъ сихъ полезныхъ наставленій извѣстный Баттьо предписываетъ еще, по прочтеніи краснорѣчиваго сочиненія написать свое о немъ разсужденіе, въ которомъ вопервыхъ показать главное всего слова расположеніе, потомъ сокращенно представить употребленныя въ немъ ораторомъ какъ доказательства, такъ и возраженія съ отвѣтами, изъяснить способъ и причины ихъ размѣщенія и связи, войти въ расположеніе и разумноженіе каждаго

изъ нихъ, и наконецъ все сїе заключить своимъ мнѣнїемъ о слогѣ писателя. Такое упражненїе дѣйствительно весьма много можетъ послужить къ нашему наставленїю въ томъ случаѣ, когда мы стараемся объ усовершенїи своего слога.

Подражанїе.

§ 207. Сверьхъ того отъ такого упражненїя остается сдѣлать одинъ только шагъ до подражанїя, которое безъ сомнѣнїя чрезвычайно способствуетъ къ образованїю слога. Я разумѣю здѣсь не то дѣтское подражанїе, чтобы замѣченныя нами въ прочитанномъ писателѣ красоты вносить въ свое собственное сочиненїе: но говорю здѣсь о томъ мужественномъ и разсудительномъ подражанїи, которое состоитъ въ искуствѣ написать свое сочиненїе такимъ слогомъ, который бы почти не можно было различить отъ слога того сочинителя, которому подражаемъ. Повторенное не однократно такое

— Дѣтское.

— Мужественное.

подражанїе не чувствительно сдѣлаетъ нашъ слогъ навсегда подобнымъ слогу изящныхъ ораторовъ, естьли только они писали такимъ, къ которому мы имѣемъ склонность и дарованїе. И по сему благоразумїе предписываетъ строго наблюдать сїе весьма полезное замѣчанїе при избранїи себѣ превосходныхъ писателей для подражанїя. Впрочемъ оно дѣлается слѣдующимъ образомъ. Вопервыхъ должно весьма подробно разобрать то сочиненїе, которому намѣрены подражать; то есть, разсмотрѣть вопервыхъ, изъ какихъ именно источниковъ и какїя изобрѣтены у писателя къ матерїи мысли: дабы мы къ приисканной нами подобной матерїи изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ и того же точно рода могли изобрѣсти мысли. По семъ внимательно разсмотрѣвъ и ясно понявъ разположенїе какъ всего вобще, такъ и каждой въ особенности части того сочиненїя, которому подражаемъ; такимъ же

именно способомъ въ собственномъ сочиненіи размѣстить и связать прiисканныя нами къ своей матеріи мысли. Наконецъ замѣтивъ, что и въ какихъ точно мѣстахъ у сочинителя есть отличное въ разсужденіи словъ и украшеній, стараться употребить такія же отличныя красоты, и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отвѣтствуютъ замѣченнымъ нами съ сей стороны мѣстамъ писателя. Такимъ образомъ по словамъ Гейнекція подражаніе столько будетъ сходно съ подлинникомъ, сколько одно яице съ другимъ.

Примѣръ подражанія.

Я предлагаю здѣсь на всѣ сіи правила не большой примѣръ, предоставляя однако самимъ читателямъ разсмотрѣть всѣ соединенныя съ нимъ подробности.

Подлинникъ.	Подражаніе.
Честолюбецъ ничемъ не услаждается:	Герой въ отчаяніи ни на что не взираетъ:

ни своею славою, которую онъ всегда почитаетъ еще не достаточною;

ни своими чинами, поелику онъ хочетъ еще болѣе возвыситься;

ни своимъ благоденствїемъ, онъ сохнетъ и чахнетъ посредѣ изобилїя;

ни воздаваемымъ ему почтенїемъ, оно превращается для него въ ядъ, какъ скоро вспомнитъ, что онъ самъ обязанъ воздавать его другимъ;

ни благосклонностїю къ нему вышшихъ, она не менѣе огорчаетъ его,

ни на свое нещастїе, которое онъ надѣется еще преодолѣть;

ни на свое изнеможенїе, поелику онъ увѣренъ всегда найти въ себѣ нѣкоторый остатокъ силъ;

ни на разстроенное свое положенїе, самыя препятствїя его ободряютъ и укрѣпляютъ;

ни на отважность побѣдоноснаго своего непрїятеля, она затмѣвается въ его мысляхъ, какъ скоро представитъ себѣ, что непостоянство щастїя равно и его вознести можетъ;

ни на многочисленность враговъ, они кажутся ему въ часы его геройскаго воз-

какъ скоро онъ долженъ бываетъ раздѣлять ее со своими соучастниками;
ни своимъ отдохновенїемъ, ибо онъ по мѣрѣ спокойствїя дѣлается болѣе нещастнымъ.

Но сего мало: честолюбїе дѣлаетъ его еще гнуснымъ и низкимъ.
Ибо сколько долженъ онъ употребить подлостей для достиженїя своего намѣренїя!
Онъ долженъ казаться не такимъ, каковъ на самомъ дѣлѣ, но такимъ, какимъ хотятъ его видѣть.

хищенїя робкимъ стадомъ;

ни на противоборствїе самой природы, ибо по мѣрѣ предстоящихъ затрудненїй возпламеняется въ немъ мужество.
Но сего мало: отчаянїе дѣлаетъ его страшнымъ и опаснымъ.
Ибо сколько онъ долженъ презрить смертей, дабы отвратить зло ему угрожающее!
Онъ бываетъ уже не тотъ герой, какимъ былъ обыкновенно, но дѣлается такимъ, какого требуютъ крайнїя обстоятельства.

§ 208. Заключимъ всѣ сїи объ усовершенїи слога правила краткимъ замѣчанїемъ о вкусѣ: тѣмъ болѣе, что сїе слово у многихъ имѣетъ не опредѣленное и не точное знаменованїе; и что означаемая онымъ способность есть изъ числа самыхъ надежныхъ средствъ къ достиженїю того совершенства краснорѣчїя, о которомъ здѣсь предлагается. И такъ не только ясно видѣть совершенства, или недостатки въ чемъ нибудь, но и чувствовать всегда въ первомъ случаѣ нѣкоторое живое удовольствїе, а во второмъ отвращенїе, составляетъ тотъ даръ, который называется вкусомъ; такъ что онъ есть не что иное, какъ внутренняя чувствительность ко всему тому, что должно намъ нравиться, или быть противно; чувствительность, основанная на ясномъ представленїи оныхъ красотъ, или безобразїй. Слѣдовательно образованїе сей способности зависитъ отъ просвѣщенїя и опытности, по- Вкусъ.

средствомъ которыхъ мы составляемъ общее понятіе о томъ, что красиво, и что безобразно; и послѣ сличаемъ съ нимъ, какъ бы съ нѣкоторымъ образцемъ, встрѣчающіяся съ нами красоты и безобразія. А по сему чемъ сокровеннѣе оныя совершенства, или недостатки, которыя мы усматриваемъ первыя съ удовольствіемъ, а вторыя съ отвращеніемъ; тѣмъ тонѣе или нѣжнѣе нашъ вкусъ. Съ другой стороны кто не обольщается мнимыми красотами, или отвращается не отъ мнимыхъ, но истинныхъ безобразій; и въ комъ опять внутреннія сего рода чувствованія бываютъ соразмѣрны своимъ причинамъ: тому мы приписываемъ правильный вкусъ. Изъ сего видно, что нѣжность сей чувствительности зависитъ отъ усовершеннаго остроумія и вниманія, а правильность отъ зрѣлой разсудительности. Остается теперь опредѣлить, что такое въ вещахъ составляетъ ту красоту, или безобразіе, кото-

рыя бываютъ предмѣтами вкуса. Трудно вообще сказать сїе о вещахъ естественныхъ, въ которыхъ то правильность и стройность, то разнообразїе и разсѣянность намъ нравятся. Напротивъ сего о произведенїяхъ человѣческаго ума вмѣстѣ съ Баттьо можно положить, что трогающїя нашъ вкусъ ихъ красоты состоятъ въ ближайшемъ оныхъ сходствѣ съ природою, и напротивъ. Между тѣмъ опытъ тому свидѣтелемъ, что не всѣ народы бываютъ согласны въ своихъ понятїяхъ о нѣкоторыхъ сего рода красотахъ и безобразїяхъ; такъ что не рѣдко то нравится одному изъ нихъ, что противно другому. Отъ сего происходитъ, что каждый почти народъ имѣетъ свой вкусъ, который мы называемъ народнымъ (нацїональнымъ). Теперь всѣ сїи замѣчанїя о вкусѣ вообще, примѣнивъ къ человѣческому слову, удобно можно понять, что имѣть истинный вкусъ въ краснорѣчїи значитъ не

— Въ краснорѣчїи.

что иное, какъ посредствомъ изощреннаго разсудка и многократныхъ въ умѣ сличенїй приобрѣсти такое раздѣльное понятїе о истинной красотѣ и дѣйствительномъ безобразїи человѣческаго слова, чтобы сообразуяся съ онымъ въ своихъ о краснорѣчїи разсужденїяхъ никогда въ семъ случаѣ не погрѣшать.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ,

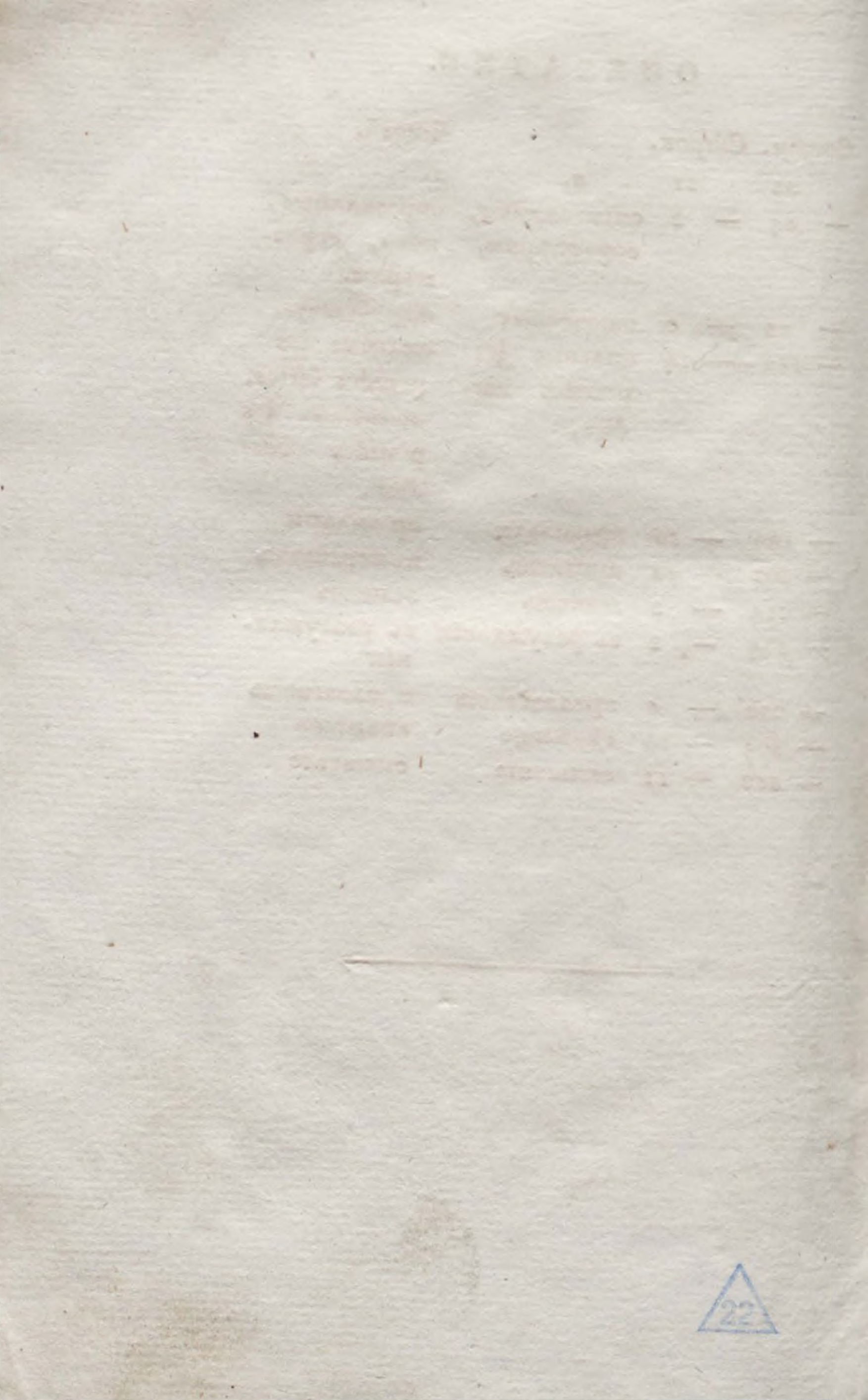
ИЛИ

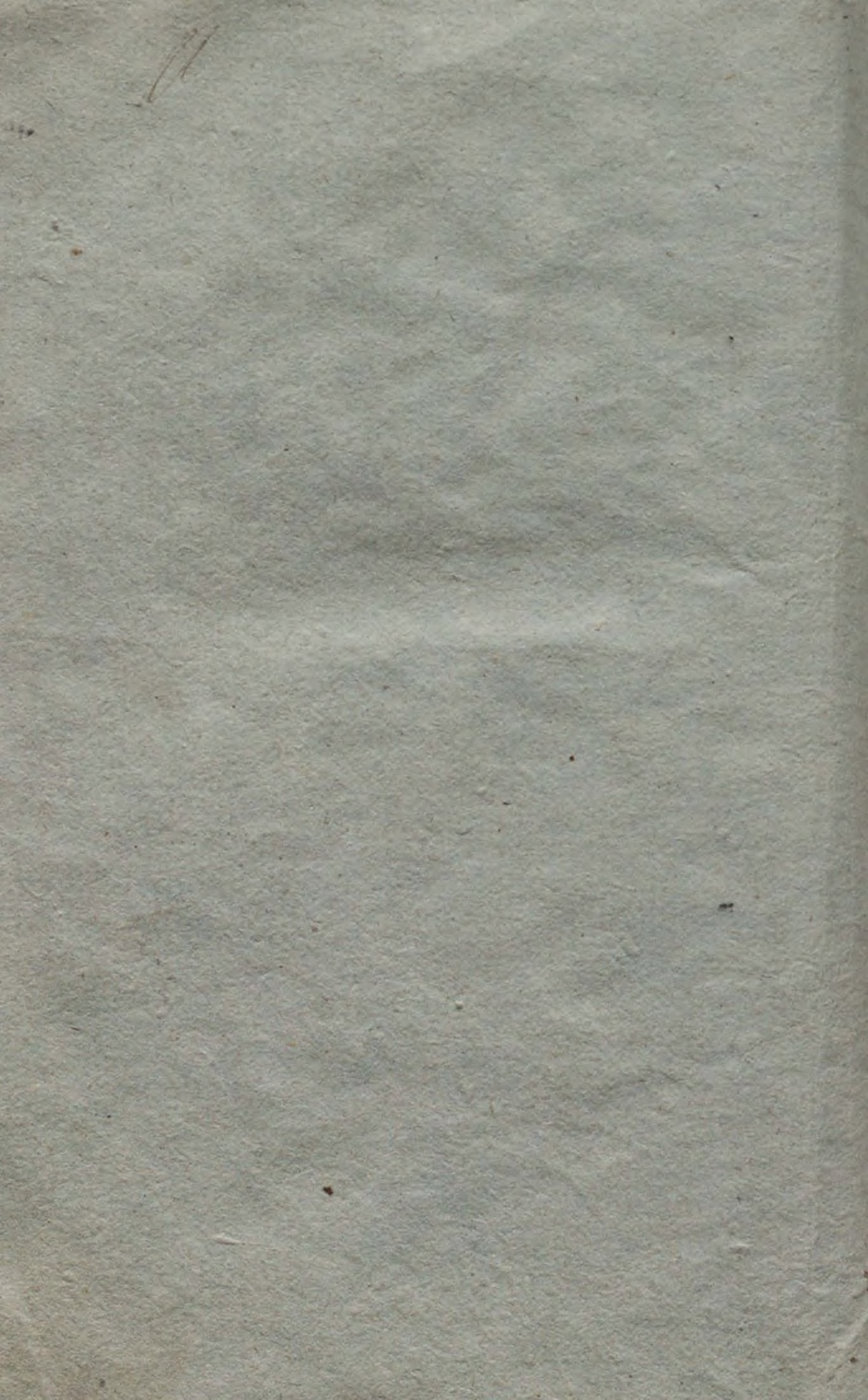
расположенное по азбучному порядку показаніе содержащихся въ семъ опытѣ матерій съ означеніемъ, на которой каждая изъ нихъ находится страницѣ.

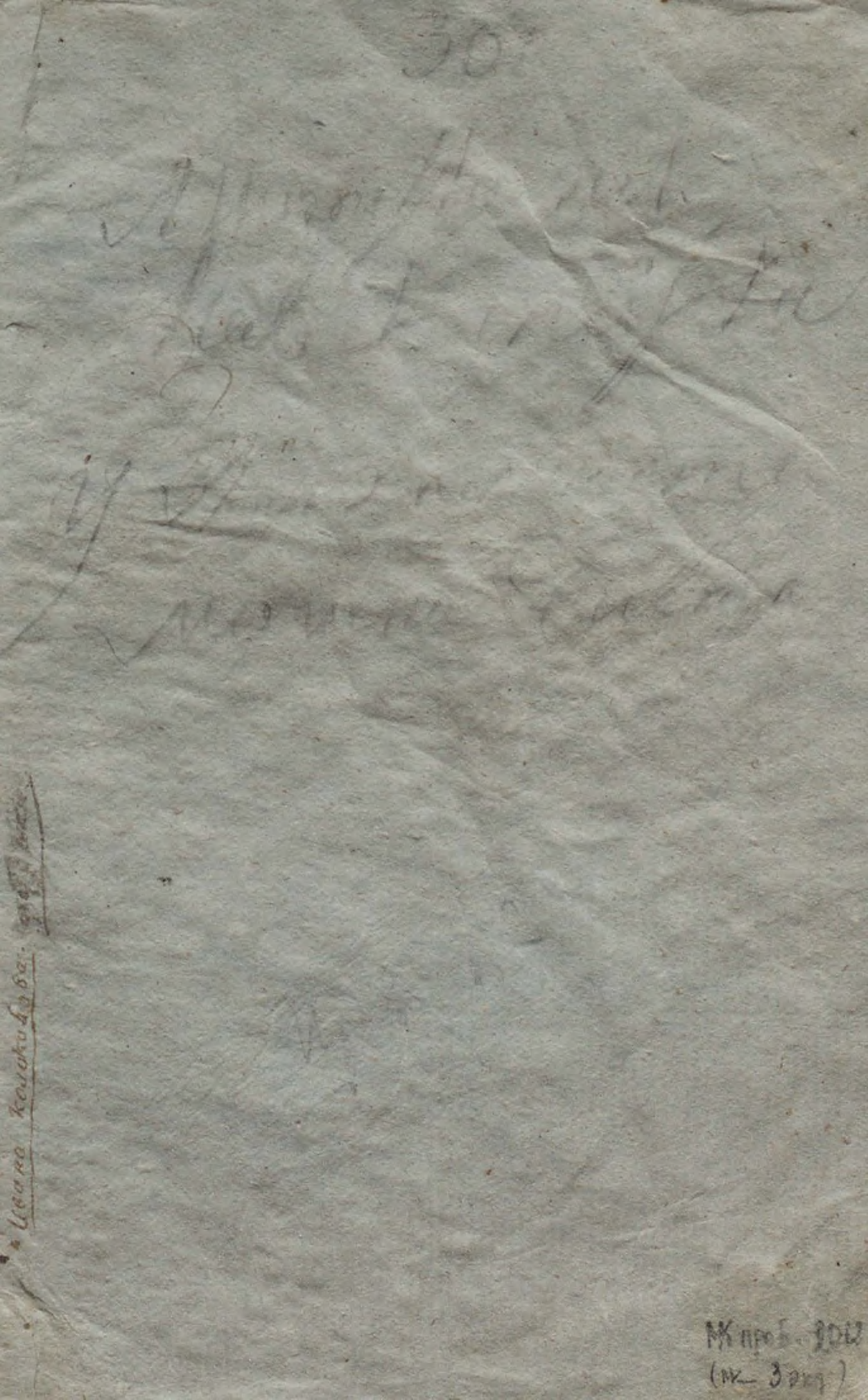
КОНЕЦЪ ОГЛАВЛЕНІЯ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строк.		Читай.
53	21	8.	3.
— 64	— 2	справедливы, соразмѣрны,	справедливы, новы, соразмѣрны.
— 86	— 8	отечесшву	отечеству
— 112	— 14	сильныя les pensées hardies,	сильныя les pensées fortes, отважныя les pensées hardies,
— 180	— 10	правилали	правилами
— 203	— 19	привлять	приправлять
— 214	— 2	завнсть	зависть
— 274	— 2	въ разужденіи	въ разсужденіи
— 298	— 6	предлагаешъ	предлагаетъ
— 304	— 10	скажише	скажите
— 352	— 11	смяшенія	смященіе


22





2011249577